

INSPIRIA

Якопо де Микеллис

МИЛАНСКИЙ ВОКЗАЛ

INSPIRIA

Якопо Де Микелис
Миланский вокзал
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Италия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69325393

Я. Де Микелис. Миланский вокзал: ООО «Издательство Эксмо»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-188582-3

Аннотация

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ИТАЛИИ.

СЕНСАЦИЯ 2022 ГОДА.

**РОМАН ОТ ГЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИТАЛЬЯНСКОГО
ТРИЛЛЕРА.**

Милан. Инспектор Рикардо Меццанотте переведен из убойного отдела в отделение железнодорожной полиции Центрального вокзала. Бывший панк-рокер, он не терпит иерархии и регламентов. А еще у него врожденная склонность попадать в неприятности... Рикардо начинает расследование дела, которое, похоже, больше никого не интересует: кто-то оставляет на вокзале трупы ужасно изувеченных животных. Инспектор чувствует в этом нечто большее, чем кажется. Но где же искать садиста?

Лауре Кордеро двадцать лет, она красива и богата, и у нее есть тайна. Девушка привыкла называть это «даром», хотя для нее это скорее проклятие – она чувствует чужие эмоции, как свои. Недавно Лаура устроилась волонтером в Центр социальной защиты на вокзале, и она тоже кое-кого ищет: двоих детей, которые иногда бродят тут по вечерам – одинокие и брошенные. Но всякий раз эти дети бесследно исчезают у нее из-под носа...

Рикардо и Лаура еще не знают, что эти два дела сливаются в одну большую тайну, – и не представляют, насколько она темна и опасна...

«Что происходит в недрах миланского вокзала? Монстры, убийцы – или просто отчаявшиеся люди, ждущие спасения? Якопо Де Микелис зовет нас в удивительное путешествие, в котором готика, триллер и поэтика смешиваются в коктейле страшной силы». – Джанкарло Де Кательдо

«Итальянский нуар меняется примерно каждые двадцать лет: в 1989 году с “Именем розы” Умберто Эко, в 2002 году с “Я убиваю” Джорджо Фалетти – и в 2022 году с “Миланским вокзалом” Якопо Де Микелиса, романом, совершившим революцию в итальянском триллере». – Corriere della Sera

«Своим романом Де Микелис переписывает каноны жанра». – Маурицио Де Джованни

«Якопо Де Микелис, лучший остросюжетный автор современной Италии, создал захватывающий многоуровневый триллер с массой твистов, написанный с удивительным мастерством». – Антонио Д’Оррико

Содержание

Часть I. Наверху	6
1	6
2	44
3	93
4	148
5	198
6	246
Конец ознакомительного фрагмента.	267

Якопо Де Микелис

Миланский вокзал

Jacopo De Michelis

La Stazione

© Шухова Е. В., Никулин Н. В., перевод на русский язык,
2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

* * *

*Кьяре и Маттео за терпение
Чезаре за обучение*

Это произведение – плод фантазии автора. И хотя, с единственной целью придания большей правдоподобности рассказанным событиям, некоторые персонажи – а также определенные места, факты и учреждения – частично связаны с реальными людьми, было бы неправильно отождествлять их с последними. Однако они остаются вымышленными фигурами, и все, что они делают или говорят в романе, следует рассматривать как плод воображения автора.

Часть I. Наверху

*Центральный вокзал Милана – это целая самостоятельная планета; он похож на поселок дикарей в центре города.
Джорджо Щербаненко*

1

Сотни людей напряженно вглядывались в пути, стоя под огромными, почерневшими от копоти железными и стеклянными навесами, однако в мерцающем воздухе сложно было различить что-то, кроме старых, давно опустевших будок управления.

Только что, передаваясь из уст в уста, новость распространилась среди заполонивших платформы пассажиров. Поезд, который в новостях по радио уже окрестили «поездом ужаса», подъезжал к Милану. Через несколько минут, с отставанием от графика почти на четыре часа, он должен был прибыть на станцию.

Его ждали уже по меньшей мере полчаса. Полицейские из мобильных подразделений в защитном снаряжении окружили самое доступное для обозрения и контроля пространство – платформу четвертого пути, самого первого из длинных

боковых путей. Перрон был оцеплен и закрыт для пассажиров, пути – для поездов. До особого распоряжения нечего было и думать об отправлении или возвращении домой – и это в воскресенье, накануне рабочей недели...

Недовольство толпы росло и уже никак не могло оставаться без внимания, однако префект, проведя экстренное совещание, решил, что так будет разумнее – и кризисный комитет, собравшийся в управлении железнодорожной полиции, его полностью поддержал. В состав комиссии входили сотрудники Мобильного отдела и отдела общих расследований и специальных операций, представитель железных дорог и представитель пожарных, а также руководитель отдела железнодорожной полиции, комиссар Далмассо, который постоянно находился на связи с главным управлением полиции, префектурой и отделом железнодорожной полиции Ломбардии.

Инспектор Рикардо Меццанотте потел, фуражка жгла ему голову. Куртка казалась слишком тяжелой и тесной; про себя он окрестил ее саркофагом – так в ней было неудобно. Меццанотте был непривычен к форме – в родном убойном отделе он ее почти никогда не носил.

Нервное напряжение ощущалось во всем, даже в поведении полицейских. Несмотря на относительно малый опыт в службах общественного порядка, Меццанотте прекрасно все ощущал – еще минуту назад атмосфера была непринужденной и легкой. Люди болтали, кто-то шутил, кто-то курил. Но-

вость о приближении поезда перевернула все с ног на голову, и от непринужденности не осталось и следа. Воцарилось молчание; лица полицейских застыли в напряжении, будто одеревенев, глаза сузились, руки машинально сжались на рукоятках дубинок и ручках плексигласовых щитов, как будто ища опору и собираясь с силами.

Подумать только, прошло всего несколько дней, как его перевели в железнодорожную полицию оперативного сектора Центрального вокзала Милана. Несколько дней – и вот он уже в центре такого кошмара... Рикардо даже не успел освоиться – а это, кстати говоря, оказалось той еще задачей. Дела здесь обстояли чуть лучше, чем на прежнем месте работы. Не то чтобы он был удивлен, учитывая его нынешнее положение. В железнодорожной полиции на самом деле было не так уж и много людей, которые проявляли к нему открытую неприязнь: большинство ограничивались тем, что просто держались от него подальше, со смесью страха и недоверия, обходя его стороной, как будто он был носителем неизвестной, но крайне заразной болезни. Однако к некоторым вещам все равно было трудно привыкнуть: например, к тому, как сами собой исчезали коллеги и стихали разговоры при его приближении или появлении, или к постоянным перешептываниям за спиной и косым взглядам. Перевели, значит... Правильнее было бы сказать *изгнали*, потому что на самом деле так и было. Изгнание, не больше и не меньше – и его пришлось принять с благодарностью, чтобы избежать

худшего.

* * *

— Кардо, а Кардо, ну и что теперь будет? Что нам делать-то?

Рядом с ним стоял Филиппо Колелла. Его круглое лицо было мокрым от пота и беспокойства. Он снял фуражку, провел рукой по светлым кудрям и снова надел ее. Колелла был на несколько лет моложе Рикардо и весил на добрый десяток килограммов больше. Четыре года назад они вместе проходили курс по подготовке младших агентов — и вот встретились в отделе железнодорожной полиции. Филиппо был одним из немногих, кто не держался на расстоянии. Можно сказать, кроме Колеллы, друзей у него и не было.

— Не трясись, Филиппо. Основная часть работы ляжет на плечи сотрудников из департаментов. Мы здесь только в качестве поддержки. Просто держись рядом со мной, и ты увидишь, что все пройдет гладко.

Меццанотте старался говорить обнадеживающе, но даже он не знал, что должно произойти. Уверенности в том, что все обойдется, у него не было, зато он точно знал, что не хочет ни во что ввязываться. Вообще ни во что.

Тем более что поступавшие новости напоминали скорее военные сводки. «Интерсити 586» должен был отправиться

с вокзала Термини¹ в 9:40 утра 6 апреля 2003 года. Ситуация была спокойной, и власти не ожидали никаких проблем. Автоколонна с болельщиками, направлявшимися в Милан на вечерний матч «Интера» и «Ромы», уже уехала. На «Интерсити» ожидалось около двухсот болельщиков «Ромы». Только вот на платформу пришло как минимум вдвое больше людей. У многих из них не было билетов. Оказалось, что несколько человек из ультрас² попали в затруднительное положение из-за путаницы, произошедшей по вине автобусной компании. Шумная, буйная толпа, казалось, была полна решимости штурмовать поезд, независимо от того, имела она на это право или нет, поэтому полицейское оцепление действовало как фильтр, позволяя железнодорожникам проверять билеты. Но медленный темп работы привел к стычкам и еще большему беспорядку. Полицейских сначала осыпали кричалками и оскорблениями, а затем в ход пошли пластиковые бутылки, банки, мелкий мусор и самые разные предметы. Начались потасовки, и болельщики, воспользовавшись случаем, хлынули в поезд, занимая все свободные места. Некоторых уже сидящих на своих местах пассажиров оскорбляли и угрозами заставляли выходить из вагона. К тому времени, когда полиции удалось восстановить оцепление,

¹ Термини – главный вокзал Рима. Ежегодно пропускает свыше 150 млн. пассажиров, занимая шестое место в Европе по этому показателю.

² Ультрас – наиболее радикальная и агрессивная группа болельщиков любой спортивной команды.

напряжение резко возросло. В то время как оставшиеся на перроне болельщики «Ромы» злобно напирали, начались переговоры с теми, кому удалось пробраться в поезд без билета. Сложившаяся ситуация разрешилась только когда поступило чрезвычайное распоряжение префектуры, разрешающее отправление «Интерсити» с болельщиками на борту по соображениям общественного порядка. Было добавлено несколько вагонов, а обычных пассажиров попросили уступить свои места футбольным фанатам. Большинство из них, несмотря на свое возмущение и ярость, согласились на альтернативные варианты проезда, но некоторые тем не менее все же остались в поезде. Наконец тот, перегруженный охваченными эйфорией болельщиками «Ромы», покинул вокзал с опозданием более чем на час. В вагонах из-за хронической нехватки персонала было всего четыре агента сопровождения из железнодорожной полиции.

Оставалась надежда, что в дороге боевой дух «желто-красных» успокоится. Но этого не произошло. Группы обезумевших фанатов начали устраивать беспорядки и в купе: шторы и занавески были порваны, стены испачканы надписями и граффити, сиденья вспороты и изрезаны, некоторые даже сорваны, а несколько пассажиров ограблены и избиты. Среди них был и кондуктор, который лишь пытался выполнять свою работу, действуя по инструкции. Поездка прерывалась несколько раз – применяли аварийный тормоз. Во время этих остановок некоторые болельщики выходили

из поезда, чтобы набить карманы камнями с дорожной насыпи.

Сотрудники железнодорожной полиции решили переместить пассажиров, сосредоточив их в головных вагонах, чтобы изолировать от все более шумных хулиганов. В том числе потому, что алкоголь и наркотики, похоже, в изобилии переходили из одного вагона в другой. С этого момента три четверти поезда оказались полностью в руках ультрас.

По прибытии во Флоренцию «Интерсити» опаздывал уже на добрых два часа. Многие пассажиры разбежались, как только двери открылись. В поезд никого не пустили. Кроме болельщиков там оставалось лишь несколько смельчаков или безрассудных людей. Особенно досадно было то, что поезд остановился прямо на платформе рядом с другим, из которого высаживались болельщики «Перуджи», направлявшиеся в Болонью. Болельщики «Ромы» не придумали ничего лучше, чем разбить несколько окон и обрушить град кирпичей и камней на фанатов «Перуджи» одновременно с петардами и дымовыми шашками. Чтобы не допустить обострения ситуации, «Интерсити» отправился дальше в большой спешке.

Но на самом деле ситуация уже полностью вышла из-под контроля. Фанаты, в чьих жилах бушевала опасная смесь адреналина, алкоголя и наркотиков, яростно крушили все, что попадало под руку. Их ярость была необузданной и неуправляемой. Между Флоренцией и Болоньей вандализм продол-

жался, и агенты сопровождения сообщали, что им становится все труднее предотвращать налеты на вагон, где сидели немногие оставшиеся пассажиры. Затем совершенно внезапно связь прервалась.

На вокзале в Болонье «Интерсити» был заблокирован. Его ожидали полсотни человек из мобильных подразделений – большее количество людей было просто невозможно собрать в столь короткие сроки. Последние пассажиры в ужасе и шоке бросились наружу. Сразу же после этого трое мужчин из конвоя железнодорожной полиции, избитые и окровавленные, были выброшены из поезда. Они заступились – как они позже расскажут в больнице – за девушку, к которой приставали какие-то уроды, запершие ее в пустом купе. У нее получилось сбежать, но прибытие других фанатов помешало им самим отступить. Полицейские были избиты до полусмерти. Они и понятия не имели, что случилось с их четвертым коллегой.

На призывы полицейских освободить поезд и сдать без сопротивления болельщики ответили градом камней и дождем петард. Попытки взять поезд штурмом пресекались и отбивались с помощью палок. Выброс пламени от первого же «коктейля Молотова» окончательно отбил у полиции желание отвоевать состав силой.

Оставались две альтернативы: дождаться прибытия подкреплений, которые неизвестно когда появятся, или возобновить движение поезда и подготовить ему достойный при-

ем в Милане. Был выбран второй вариант.

И вновь «Интерсити», освобожденный и опасный, понесся по рельсам. Ультрас, которые к тому времени стали его абсолютными хозяевами, отмечали свою победу дикими криками и песнями. На какое-то время власти, постоянно следившие за маршрутом, остались без всяких сведений о ситуации внутри поезда. Затем дал о себе знать последний оставшийся на борту агент железнодорожной полиции, который пришел в себя и позвонил по мобильному телефону в свой отдел в Неаполе. Он рассказал, что ему удалось избежать избиения и запереться в туалете седьмого вагона. Он чувствовал себя очень плохо и пролежал в туалете в полубессознательном состоянии не менее получаса. Его мобильник был почти полностью разряжен, и он успел только подать сигнал о возможном возгорании — он видел дым из окна, — прежде чем связь прервалась. С этого момента наступила полная тишина.

Темнело, и свет начал медленно меркнуть. Мещанотте посмотрел на часы. С момента объявления о прибытии прошло уже более десяти минут, но поезда не было. Не то чтобы ему так уж хотелось увидеть, как «Интерсити» въедет на вокзал... Приказ был прост: остановить болельщиков, установить их личности и доставить в здание полицейского участка на автобусах, реквизированных у военкомата и уже ожидавших у Центрального вокзала вместе с несколькими машинами «скорой помощи». Приказы были настолько же просты в

теории, насколько сложны для выполнения на практике. Два подразделения мобильных отрядов, каждое из которых состояло из десяти команд по десять человек, плюс около двадцати агентов железнодорожной полиции против более четырехсот вырвавшихся на свободу ультрас. Не самое простое дело на свете.

Меццанотте прочитал отчет «Дигоса»³ о банде футбольных фанатов, который пришел по факсу во второй половине дня. В нем предупреждалось о присутствии на борту поезда «Интерсити» некоторых экстремистов, особенно опасных и жестоких сторонников «желто-красных», обезумевших от ярости негиббаемых отщепенцев, не имеющих никакого отношения к более крупным и организованным группам. Рикардо остановился, в частности, на одной из них: «Повелители хаоса» – громкое название, за которым скрывалась банда примерно из тридцати сторонников непримиримой борьбы, связанных с неонацистскими кругами. Горстка хулиганов и головорезов, многим из которых уже запретили появляться на стадионах, всегда была на передовой, когда нужно было всех избивать и громить все подряд. Их также долгое время подозревали в торговле наркотиками и в организации проституции. Ее возглавляли Фабрицио «Ниндзя» Джанноне, двадцати восьми лет, инструктор по боевым искусствам, в спортзале которого собиралась эта банда, ранее

³ Антитеррористическое подразделение государственной полицейской службы Италии (DIGOS).

судимый за драки, нанесение увечий, телесных повреждений и сопротивление должностным лицам при задержании; Юри Де Виво, двадцати трех лет, по кличке Хирург, полученной за ту хваленую хирургическую точность, с которой он наносил удары по ягодицам противников своим складным ножом, ранее судимый за различные имущественные преступления и насилие; Карло Буттерони, он же Гора, двадцати шести лет, ростом сто восемьдесят девять сантиметров, весом сто четырнадцать килограммов и со столь же тяжелым уголовным прошлым; и, наконец, Массимилиано «Макс» Овиди, тридцати одного года, негласный лидер банды, уже судимый за покушение на убийство, хранение огнестрельного оружия, грабеж и торговлю наркотиками, подозреваемый в связях с каморрой⁴. Выезд «Повелителей хаоса» был организован именно для того, чтобы отпраздновать освобождение Овиди из тюрьмы несколькими днями ранее, и, к сожалению, было известно, каково их представление о «празднике». Задача была не из легких.

В атмосфере тишины и неподвижности, окутавшей перрон, в воздухе пролетел голубь с распростертыми крыльями, легкий и грациозный, собираясь приземлиться прямо на тротуаре четвертой платформы, всего в нескольких шагах от длинной линии облаченных в доспехи полицейских. Меццанотте наблюдал за тем, как он тихонько курлыкает, не об-

⁴ Каморра – неаполитанская преступная структура, аналогичная мафии. Возникла в XVIII в.

ращая внимания на сотни неподвижных, как статуи, мужчин, стоявших вокруг него, пока его не испугал и не заставил встрепнуться и улететь шквал щелчков защитных козырьков шлемов, которые опустились в унисон. Он поднял голову и увидел его. «Интерсити 586» медленно продвигался вперед, его силуэт вырисовывался на фоне неба, освещенного темно-красным маревом заката. За ним тянулся шлейф черного дыма. Рикардо подумал, что он похож на дрейфующий в темных водах корабль-призрак.

С нервирующей и пугающей медлительностью поезд въехал на станцию и остановился на четвертой платформе. Тут же дверь локомотива открылась, и два машиниста поезда выскочили из нее, спрыгнули вниз и побежали прочь; вид у них был такой, будто они вырвались из тисков затяжного кошмара.

Офицер, возглавлявший роту полицейских, вышел вперед с мегафоном. Он включил его, повозился с ручками, чтобы заглушить издаваемый им при включении назойливый и раздражающий свист, а затем, держа его высоко перед собой одной рукой, другой поднес внешний микрофон ко рту.

– Хорошо, ребята, вы молодцы – повеселились на славу. Но теперь ваша игра закончена. Следите за тем, чтобы не усугублять ситуацию, и спокойно и организованно выходите из поезда. Не оказывайте сопротивления, и никто из вас не пострадает.

В течение нескольких мгновений единственным ответом

со стороны находившихся в поезде была тишина.

Бабах!

За первым громким ударом последовал еще один, и еще, и еще один, пока одно из окон первого вагона не разлетелось вдребезги и из него не вылетел наружу унитаз, очевидно, выкорчеванный из туалета, врезавшийся в платформу в нескольких сантиметрах от полицейского кордона. Стоявшие к нему ближе всего полицейские подняли свои щиты, чтобы защититься от осколков, разлетавшихся во все стороны. Мещанотте пробормотал:

– Черт побери...

Сразу после этого из поезда донеслась песня, распеваемая нестройным хором голосов с раздражающей нежностью:

Смерть копа – вот настоящее счастье,

Собаки, всем вам скоро гнить!

Смерть копа – вот настоящее счастье,

Скорее бы копов всех мне избить.

Жалеть вас не будем, вы так и знайте –

Нам нравится копов бить!

Более красноречивого ответа и быть не могло. Все можно было свести к следующему: уходить мы не собираемся. Охота вам – подходите и попробуйте нас взять, нам плевать.

В Болонье полицейским не удалось взять поезд, но на этот раз, памятуя об этом поражении, миланские полицейские избрали другую тактику. В то время как из вагонов полетел

град камней, обрезков арматуры, бутылок и всего остального, что было в распоряжении фанатов, компактный фронт щитов открылся ровно настолько, чтобы пропустить из вторых рядов несколько полицейских, вооруженных гранатометами, которые выстрелили гранатами со слезоточивым газом внутрь поезда через разбитые окна.

В течение нескольких минут ничего не происходило, только из окон виднелись клубы дыма, а в воздухе начал распространяться едкий, резкий запах газа. Затем двери вагонов открылись одна за другой, и ультрас с криком высыпали наружу. Их лица были скрыты желто-красными шарфами, платками и балаклавами, отчасти для того, чтобы их не узнали, отчасти для защиты от газа; они были вооружены металлическими прутьями, длинными деревянными шестами для флагов, цепями и ремнями с большими металлическими пряжками. Выглядело все это устрашающе.

Поток болельщиков обрушился на полицейский кордон с яростью волны цунами. Поначалу их напор удавалось сдерживать, и обе стороны обменивались яростными ударами над тонкой линией разделявших их щитов. Но фанатов «Ромы» было много, гораздо больше, чем полицейских, и, по мере того как они выходили из поезда, их натиск усиливался. Шеренга «голубых касок» отступала, постепенно теряя компактность и рассыпаясь на глазах. Сражение превратилось в беспорядочную и яростную схватку, обе стороны вели беспощадную борьбу.

Из «Интерсити» полетели петарды и дымовые шашки, их разноцветные струи окутали бойцов и смешались с черным дымом горящего вагона. Время от времени шум столкновений перекрывал оглушительный грохот хлопушек и петард. Глаза и горло Меццанотте щипало от дыма и газа, и в голове у него пронеслась мысль: вот как, наверное, выглядит война.

Он был одним из двух офицеров «Полфера»⁵, присутствовавших в лагере, и отвечал за добрый десяток своих коллег. Согласно полученным приказам, они оставались в тылу, не участвуя непосредственно в сражении, – просто подхватывали беззащитных болельщиков или, в крайнем случае, ловили тех, кто пытался убежать, надевали на них наручники с пластиковыми фиксаторами, которых у них было предостаточно, опознавали их и выводили со станции, к автобусам или машине «скорой помощи». Некоторых пришлось буквально вырывать из лап копов, которые продолжали осыпать их пинками и дубинками, хотя те уже были на земле. Меццанотте их не оправдывал, но и не понимал. В таких ситуациях нелегко было сохранять ясность ума и хладнокровие.

Больше всего раздражал его Мануэль Карбоне, один из сержантов железнодорожной полиции. Высокий, широкоплечий, с мышцами, накачанными в спортзале и, как подозревал Рикардо, не без помощи стероидов, приплюснутым носом игрока в регби и зачесанными назад волосами, низколобый Карбоне был единственным в отряде, кто раздражал

⁵ POLFER (*итал.* Polizia ferroviaria) – железнодорожная полиция.

его больше всего. Он не упускал возможности спровоцировать Меццанотте или лишний раз выказать ему свое презрение. Именно по этой причине он, Меццанотте, и старался его игнорировать, и вполне успешно делал вид, что не замечает, как Карбоне с парочкой офицеров, вечно таскавших за ним, знай себе избивают беззащитных уже фанатов, уводя их прочь. Они делали это из прихоти, ради удовольствия, и оправдания этому быть не могло.

Затем он поймал Карбоне на том, что тот намеренно поставил подножку молодому растерянному парню из ультрас в майке с надписью «Тотти 10»⁶ и со стекающей по лбу кровью, провожая его к одной из арок, ведущих с территории вокзала. Парнишка пошатнулся и, не сумев выставить вперед руки, скрученные за спиной, плашмя упал на землю. Карбоне ухмыльнулся и, глумливо хихикая, помог ему подняться – только для того, чтобы снова повторить подножку. В этот момент Меццанотте перекрыло, и он направился к Карбоне.

– Совсем охренел? Какого черта ты творишь?

Тот обернулся и, заметив Меццанотте, скрипнул квадратной челюстью. Невинно улыбнувшись, развел руки в стороны.

– Все путем, не волнуйся. Парнишка просто споткнулся, такое бывает, – сказал он почти насмешливо, грубо встрях-

⁶ Франческо Тотти (р. 1976) – итальянский футболист, капитан клуба «Рома», цвета которого защищал всю карьеру (1992–2017); игрок национальной сборной Италии. Считается одним из лучших итальянских футболистов в истории.

нув фаната, которого держал за руку так, будто тот был марионеткой. – Иди-ка ты отсюда, Меццанотте, займись своим делом и дай мне делать мое.

Но Рикардо не сдвинулся с места.

– Кажется, ты меня плохо понял. Кончай быть сволочью и бить задержанных, ясно тебе? Ясно?

Фальшивая улыбка Карбоне мгновенно испарилась, сменившись мрачным удовлетворением. Он подошел ближе, угрожающе буравя оппонента взглядом. Карбоне был на полголовы выше.

– Не смей указывать мне, что и как делать, – прошипел он. Его загорелое лицо было в нескольких дюймах от лица Меццанотте, а указательный палец уже коснулся его куртки. – Ты мне не указ, понятно? Плевать я хотел на приказы такого как ты.

Сложностей с драками у Меццанотте не было даже в детстве. Он даже подумывал связать с боксом свою жизнь. Несмотря на то что Карбоне был куда крупнее, страха перед ним Рикардо не испытывал. Он едва устоял перед искушением врезать ему как следует прямо в нос, настойчиво маячивший перед глазами. Одно точное движение, один четкий удар – и все это кончится, не успев начаться. Но черта с два, думалось ему, хрен тебе. Именно из-за такой вот провокации – вернее, из-за того, что не смог не поддаться, – он и оказался там, где оказался.

«Молодцом, – сказал себе Рикардо. – Слушай меня, будь

паинькой, и все будет хорошо». Самоконтроль сейчас стоил титанических усилий, но он справился.

– Я тут главный, потому делай, что говорю, и покончим с этим.

Далмассо, конечно, не доверял ему руководство операцией, но технически правда была на стороне Меццанотте. Да и потом, опыта у него было куда больше, чем у Карбоне. Однако признавать очевидное никто не торопился.

– А если я откажусь, стучать пойдешь? – с вызовом бросил Карбоне.

Рикардо сжал кулаки, пытаясь изгнать из своего сознания сладкий звук ломающихся хрящей и не менее соблазнительный образ залитой кровью, ненавистной морды Карбоне.

Именно в этот момент, пробираясь сквозь собравшихся вокруг них офицеров «Полфера», подошел мужчина лет пятидесяти с седыми волосами и угловатым лицом. Меццанотте раньше уже замечал, как он бродит по станции, и, несмотря на то что мужчина был в штатском, для опытного глаза его принадлежность к «Дигосу» была очевидна. Мужчина встал между ним и Карбоне и, повернувшись к последнему, сказал ледяным голосом:

– Я предлагаю вам послушаться инспектора. В противном случае буду вынужден указать на это в своем служебном отчете.

В замешательстве Карбоне несколько раз открыл и закрыл рот, но, не найдя что ответить, в конце концов выругался,

повернулся на каблуках и стремительно ушел.

Мужчина приблизил лицо к уху Меццанотте и прошептал:
– В управлении есть и те, кто ценит то, что вы сделали, инспектор. Хочу, чтобы вы это знали. – Он кивнул ему в знак уважения и исчез так же незаметно, как и появился.

Меццанотте был так удивлен, что ему даже не пришло в голову поблагодарить его. Он постоял несколько секунд как вкопанный, затем поднялся и воскликнул, обращаясь к своим людям:

– Так, ребята, шоу закончено, у нас есть работа!

Но через какое-то время, все еще напряженный и взволнованный дракой, которой ему удалось избежать, Рикардо осознал, что перспектива продолжить задержание болельщиков, переживших столкновение с полицейскими, его несколько удручает.

Столб черноватого дыма, который продолжал выходить из горящего поезда, становился все гуще и гуще, а из окна туалета виднелись языки пламени. Приказ предписывал ограничиться вспомогательной ролью, но Меццанотте подумал, что нет ничего плохого в том, чтобы отправиться тушить пожар до того, как он станет действительно опасным, поскольку пожарная команда еще не могла вмешаться, и никто с ним не справлялся.

Подозвав четырех коллег, Рикардо знаком приказал им следовать за собой. Он заметил, что основная масса столкновений происходила на главной платформе, в то время как на

другой стороне путей ситуация была более спокойной, происходили лишь отдельные потасовки. И поэтому намеревался совершить вылазку с той стороны.

Уже уходя, Рикардо заметил, что Колелла следует за ними. Агент Филиппо Колелла не был человеком действия. На курсах он потерпел неудачу в прохождении испытаний по физической подготовке, а на стрельбище не попадал в мишень даже случайно. То, что он вообще умудрился окончить обучение, было настоящим чудом. Но, хотя большего увальня Меццанотте не знал, он признавал, что Колелла быстро соображает. И, надо отдать ему должное, прекрасно разбирался в компьютерах. Он был бы идеален для работы в отделе криминалистики, но покровителей, равно как и связей, у него не было, поэтому Филиппо и направили в Полфер. Меццанотте знал, что вовсе не смелость подтолкнула Колеллу следовать за ним. Просто тот чувствовал себя увереннее, если он, Меццанотте, был поблизости.

– Филиппо, оставайся здесь!

Они обошли локомотив и стали подниматься на платформу, вдоль которой стоял ряд металлических столбов, поддерживающих арки навесов. Полицейские бежали пригнувшись, чтобы избежать попадания предметов, швыряемых немногими ультрас, все еще остававшимися в поезде. В какой-то момент Меццанотте увидел, как из окна вылетела какая-то сфера размером с апельсин. Как в замедленной съемке, он заинтригованно наблюдал, как непонятный предмет

приближается к ним. Рикардо осознал, что происходит, когда заметил, что из «апельсина» торчит короткий зажженный шнур. Но было уже слишком поздно.

Он только успел крикнуть:

– Берегись! Осторожно!

Потом все исчезло за вспышкой, и Меццанотте очутился на брусчатке. В ушах у него звенело, грудь сдавливали легкие, горло перехватило, то и дело накатывала тошнота. Он с трудом поднялся на ноги, совершенно оглушенный, его ноги онемели, а голова кружилась. По спине стекала струйка ледяного пота.

«Господи Иисусе, – подумал Рикардо, – это было так близко...»

Он огляделся. Его офицеры лежали на земле; их, судя по всему, тоже мутило, но все они, похоже, были в порядке. Меццанотте что-то кричал им, но ни они, ни он не слышали ничего из-за звона в ушах. Тогда он сделал им знак встать.

Они возобновили обход состава, на этот раз более осторожно, продолжая пригибаться рядом с вагонами. Время от времени Меццанотте вытягивал шею, чтобы заглянуть в окна. Когда они добрались до седьмого вагона, который предшествовал сгоревшему, Рикардо замер, как будто его внезапно осенила какая-то мысль. Он заглянул в распахнутую дверь. Никого не было видно, а дверь туалета, разбитая и частично сорванная с петель, висела боком на площадке. Меццанотте поманил мужчин и пошел дальше, но теперь мед-

леннее, заглядывая в каждое окно. Пока, примерно в середине вагона, не остановился. Память у него была что надо. В купе через проход он увидел агента сопровождения «Полфера», того самого, который забаррикадировался в туалете седьмого вагона и о котором не было никаких новостей с тех пор, как его мобильный телефон разрядился. Он скорчился на сиденье, вокруг него стояли трое ультрас. Один наставил на него нож.

Меццанотте прислонился к корпусу вагона и задумался. Вмешательство в эту ситуацию, безусловно, выходило за рамки его юрисдикции. Самым правильным было бы позволить позаботиться об этом мобильным отрядам. Но немногочисленные полицейские поблизости были слишком заняты стычкой с фанатами, а вызывать подкрепление по рации было бы слишком долго, учитывая, что коллегу в любой момент могли изувечить или, чего доброго, убить. Следовало бы связаться с отделом, но Рикардо уже знал, что комиссар Далмассо никогда не позволит ему действовать, поэтому он решил не делать этого, несмотря на тоненький голосок в голове, говоривший ему, что он нарвется на неприятности, которые ему совсем не нужны. С того момента, как этот голосок прозвучал в его голове, прошла, казалось, целая жизнь.

Свист в ушах становился назойливым гудением, но ноги больше не дрожали. Меццанотте собрался с силами – и решился. Он приказал трем своим людям вернуться к двери, мимо которой они только что прошли, а сам с четвер-

тым офицером отправился в противоположный конец вагона. Они поднялись по ступенькам и оказались в конце коридора. Там было абсолютно пусто; такое ощущение, что тут вволю похозяйничала целая орда варваров. Жестом Меццанотте приказал продвигаться вперед, не издавая ни звука. Как только он увидел, что один из офицеров расстегнул кобуру, чтобы вытащить пистолет, жестом показал, что этого делать не стоит. Не хватало только, чтобы кто-то погиб, как двумя годами ранее на саммите «Большой восьмерки» в Генуе...

Не успели они сделать и нескольких шагов, как из купе в центре вагона вышли два человека. Лица их были хорошо видны. На молодом человеке были фирменные джинсы и голубая рубашка, и он выглядел как хороший мальчик из среднего класса. Другой, в военных брюках и толстовке, был выше ростом, с бледным лицом и запавшими щеками. Рикардо узнал их по фотороботам из отчетов спецподразделения. Юри Де Виво и Фабрицио Джанноне, более известные среди «Повелителей хаоса» как Хирург и Ниндзя.

Оказавшись перед полицейскими, эти двое на мгновение замешкались, затем обменялись понимающими кивками и начали наступать: Джанноне – в сторону трех офицеров, Де Виво – в сторону Меццанотте и другого полицейского.

Хирург вынул складной нож из заднего кармана брюк и щелкнул лезвием. Его глаза были глазами завязного наркомана, успевшего недавно поймать кайф пару-тройку раз. «Ни

хрена себе, – подумал Меццанотте. – Вот же влипли...» Бороться голыми руками с человеком, вооруженным ножом, – дело нешуточное, тем более если он знает свое дело, а тесное пространство затрудняет движение. Действовать надо быстро и точно. Рикардо подал знак офицеру, чтобы тот отошел, расположился сбоку, чтобы стать менее легкой мишенью, и поднял руки ладонями наружу, устремив взгляд на противника, пытаясь предугадать момент, когда тот начнет атаку.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Де Виво сделал несколько финтов, на которые Меццанотте не клюнул, затем попытался нанести удар в живот, сделав быстрый выпад. Но Рикардо был готов: он уловил почти незаметное сокращение зрачков в тот момент, когда Хирург решил сделать выпад. Отойдя чуть в сторону, вытянутой рукой перехватил предплечье Де Виво, направив нож в другую сторону. В то же время нанес сильный удар в челюсть открытой ладонью. Зажав руку, которой он парировал, Рикардо поймал вооруженную руку Де Виво в локтевой сгиб и нанес шквал ударов коленом в грудь, продолжая насаждать до тех пор, пока не увидел, что нож выскользнул из его пальцев. Точный удар по затылку мгновенно лишил Хирурга чувств.

Меццанотте, тяжело дыша, прислонился к стене и провел тыльной стороной ладони по залитому потом лбу, а офицер наклонился, чтобы надеть на задержанного наручники.

В другой части коридора троим полицейским также удалось нейтрализовать Джанноне. Без сложностей не обо-

шлось, судя по подбитому глазу одного и кровоточащей губе другого.

– Юри, Фабрицио, что за фигня? Что вы тут устроили? Эй, ответьте, где вы, черт возьми?

Голос доносился из купе, из которого недавно вышли Джанноне и Де Виво. Меццанотте подошел поближе, бросив быстрый взгляд внутрь. Посреди купе стоял офицер. Судя по его истощенному виду, он был совсем плох и мог стоять только потому, что парень за его спиной поддерживал его, обнимая за шею и удерживая пистолет у виска. Невысокий, темноволосый, смугловатый, брутальный с виду – это был, несомненно, Макс Овиди, идейный вдохновитель и лидер «Повелителей хаоса» собственной персоной. С виду – крутой.

Меццанотте постарался придать своему голосу как можно больше спокойствия и уверенности.

– Овиди, я инспектор полиции. Твои друзья уже свое получили. Мы их взяли. Ты один, у тебя нет выхода. Плохи твои дела, так что сдавайся. Ты же не хочешь, чтобы тебя обвинили в похищении, верно?

– Я в тюрьму не вернусь! Не пытайтесь подойти, иначе я убью его. Слышали, чертовы уроды? Я ему дыру в башке сделаю!

– Успокойся, Овиди, успокойся, мы не будем ничего делать. Слушай, почему бы нам не поговорить спокойно и не найти решение вместе? Смотри, у меня нет оружия, давай

просто поговорим. Что скажешь?

– Да не о чем тут говорить! До вас не дошло? Я всех тут положу! Держитесь подальше – или убирайтесь отсюда к чертям собачьим!

Судя по сдавленному голосу, Овиди был набит кокаином по самые уши и явно не в себе. Отчаянный человек, готовый ко всему. Он действительно был способен на убийство. Более того, судя по его криминальному прошлому, не исключено, что он уже делал это.

Теперь Меццанотте начал волноваться всерьез. Ситуация рисковала выйти из-под контроля, он больше не мог справиться с этим в одиночку. Вести переговоры с вооруженным бандитом, взявшим заложника, – дело серьезное, и он в принципе не знал, что делать. Попытался связаться с сотрудником Мобильного отдела по радио, но тот не ответил ему. Затем приказал своим людям вернуться и предупредить его, а пока они будут делать это, забрать двух обдолбанных «повелителей хаоса», лежащих в коридоре, а он останется там и будет контролировать ситуацию, ожидая подкрепления и указаний. Четверо офицеров подняли ультрас под мышки и вытащили из поезда.

Прошло несколько минут, и Овиди снова заговорил:

– Эй, коп, ты все еще там? Отвечай, там?

– Я здесь, – ответил Рикардо. – Чего ты хочешь?

– Я выхожу. Ухожу к чертовой матери. Оставайтесь тут и не пытайтесь остановить меня!

Меццанотте зашевелился. И что, черт возьми, ему делать? Он безуспешно пытался решить, что является худшей альтернативой: позволить главарю группировки ускользнуть у него из-под носа, или попытаться не дать ему уйти, подвергая риску жизнь коллеги.

– Овиди, это не очень хорошая идея. Послушай, почему бы тебе...

– Я выхожу! – заорал тот. – Убирайтесь с дороги, или будет плохо!

Овиди выскочил на порог купе, укрывшись за заложником, которого он все еще держал за шею. Огляделся, бледный, с дикими глазами, потрясенный тем, что столкнулся только с одним полицейским. И начал отступать по коридору, направив пистолет в сторону Меццанотте. Не имея ни малейшего представления о том, что он будет делать дальше, Рикардо медленно продвигался вперед, по возможности избегая резких движений в попытках сохранить расстояние между ними неизменным.

– Стой! Не подходи, черт возьми! Я щас выстрелю, коп, слышишь? Выстрелю!

Затем все произошло в мгновение ока. Овиди оступился и почти потерял равновесие. На долю секунды посмотрел вниз и опустил оружие. Меццанотте действовал не задумываясь, на чистом инстинкте. Он в отчаянии рванулся вперед, протянув руки к пистолету. Они оказались на полу узкого коридора, один над другим. Овиди пинался и извивался.

ся как одержимый, пытаюсь вырваться, в то время как Меццанотте, не обращая внимания на удары, левой рукой сжимал его запястье, чтобы держать оружие на расстоянии, а правой отчаянно пытался оторваться от неподвижного тела агента «Полфера», которое мешало ему двигаться. Внезапно грянул выстрел, заставивший его вздрогнуть и едва не разорвавший барабанные перепонки, но Меццанотте по-прежнему продолжал сжимать руку Овиди. Собравшись с силами, он сумел оттолкнуть потерявшего сознание агента и приподняться настолько, насколько хватило, чтобы нависнуть над главарем ультрас. И бил его по лицу с нарастающей яростью, пока его противник не замер; лицо его потеряло всякое сходство с человеческим, превратившись в обезображенную кровавую маску.

Рывком поднявшись, Меццанотте принялся пинать ногами стены поезда, ругаясь на чем свет стоит. Рука его была сильно повреждена, однако боли он не ощущал. Успокоившись немного, опустил голову на руки и сделал глубокий вдох. «Неужели все кончено, господи?»

Измученный и избитый, Рикардо встал, чтобы проверить состояние коллеги. Сердце его билось, дыхание было ровным, но складывалось впечатление, что он сильно нуждается в помощи врача. Меццанотте взвалил его на плечо и пошел укладывать на сиденья купе. Офицер слабо застонал, не открывая глаз. В ожидании помощи Рикардо пришло в голову, что умывание могло бы принести тому столь желанное

облегчение. Он вышел из купе и направился к туалету. На лестничной площадке увидел, как из двери, ведущей в следующий вагон, валит дым, и почувствовал резкую вонь горелого пластика. На фоне происходящего мысли о подожженном вагоне совершенно вылетели из его головы. Меццанотте невольно улыбнулся при мысли о том, что среди множества поганых идей, которые он реализовывал в своей жизни, вызываясь в неприятности, идея пойти и потушить этот гребаный пожар только что заняла первое место в списке.

Именно в этот самый момент раздвижная дверь открылась, выпустив густое облако дыма, охватившее его. Когда дым рассеялся, в дверной раме появилась фигура небывалых размеров, казалось заполнившая собой весь дверной проем. Огромная рука взметнулась в воздух, будто отгоняя назойливую муху, и ударила его. Рикардо попросту вылетел как прутик через дверь вагона и вниз по ступенькам.

Не совсем понимая, что произошло, Меццанотте оказался спиной на перроне. Он был застигнут врасплох и расслабился. Поэтому, когда бритый громила-микроцефал с висячими ушами, в стеганой куртке, натянутой на выпирающий живот, спустился по ступенькам вагона, Рикардо почувствовал, как к горлу подступает паника. Пульс зашкаливало, дыхание пресекалось.

Гигант уставился на него со свирепой ухмылкой на тупом лице. Гримаса искривила его почти свиное рыло и уменьшила маленькие глазки до щелей, утопленных в дряблых ще-

ках. Он крепко сжимал в правой руке конец кожаного ремня, намотанного на ладонь. На другом его конце висела толстая стальная пряжка в форме черепа.

Отползая назад в попытке удержать на расстоянии Карло Буттерони, известного как Гора, который продвигался вперед, раскручивая свой ремень, Меццанотте сглотнул, лихорадочно озираясь в поисках помощи. Однако несколько полицейских в поле зрения были довольно далеко и, как всегда, очень заняты. Желание убежать было очень сильным, но, хотя его охватил ужас, упрямый остаток гордости не позволил ему это сделать. Не раз ему случалось думать, что эта гордость была одновременно его худшим недостатком и лучшим качеством. В данном же случае Рикардо подозревал, что это не окажется плюсом. Буттерони был действительно *огромен*; Меццанотте никогда не сталкивался с кем-то даже отдаленно похожим на этого громилу. Он был толстым, это да, но Рикардо не сомневался, что под салом находятся могучие мышцы. Шансов маловато – Гора разорвет его на части, раздавит как таракана.

Нужно было срочно успокоиться, восстановить контроль над разумом. Страх опасен: он затуманивает мысли, напрягает мышцы, затуманивает рефлексy. Страх – настоящий враг. Рикардо вспомнил, что говорил ему тренер в ринге, когда во время тяжелой встречи тот позволил себе впасть в уныние, а перчатки стали казаться ему тяжелыми, как камни: «Дыши животом и думай о хорошем».

Меццанотте встал на ноги. Не переставая отступать, он изо всех сил старался глубоко вдохнуть, задержать воздух в легких на несколько секунд, а затем выдохнуть как можно медленнее. Тем временем он шевелил плечами и шеей, чтобы расслабить мышцы, и мысленно подбадривал себя, говоря себе, что, как бы ни был силен Карло, он, конечно, медлителен и, если приглядеться, уж точно не умник.

И на этот раз ему повезло – чудо все же свершилось. Если паника увеличивает частоту сердечных сокращений, заставляя легкие, в свою очередь, работать быстрее, чтобы удовлетворить возросшую потребность в кислороде, то глубокое дыхание замедляет пульс, помогая тем самым рассеять панику. И даже если Рикардо не слишком верил в это, тот простой факт, что он продолжал говорить себе, что все будет хорошо, что он сможет это сделать, вселял в него толику уверенности.

Меццанотте перестал отступать, расставил и согнул ноги в поисках оптимального баланса и поднял кулаки перед лицом в защитной позиции. Гора поднял руку и попытался достать его пряжкой. Он взмахнул ремнем с пугающей силой, но инспектор увернулся, отпрыгнув в сторону. Пряжка в форме черепа расколола брусчатку, разбрызгивая искры в нескольких дюймах от него. Прежде чем гигант успел выпрямиться, Рикардо нырнул под него и нанес правый хук в бок, а затем сразу же вернулся на безопасное расстояние. Теперь он начал верить, что у него действительно есть возможность по-

бедить своего противника.

Меццанотте продолжал быстро двигаться, прыгая на носках, постоянно меняя ритм и направление. Он всегда старался держаться сбоку от Горы, а не перед ним, чтобы его собственное тело не мешало атакам гиганта, и прежде всего старался держаться вне досягаемости этих рук размером с лопату.

Великан едва поспевал за ним. Все эти прыжки вокруг дезориентировали и нервировали его, заставляя сердито ворчать. Рефлексы у него были медленнее, чем у улитки. Его выпады, какими бы мощными они ни были, все время запаздывали на мгновение, а лапы, которыми он пытался достать копа, не могли ухватить ничего, кроме воздуха. И каждый раз, пытаясь ударить, Гора промахивался и оказывался незащищенным. Тогда Меццанотте молниеносно набрасывался на него, бил его кулаками по почкам или ногами по голени или коленям, а затем легко уходил из зоны досягаемости. Конечно, Рикардо казалось, что от его одиночных ударов Буттерони не было ни жарко ни холодно – кулаки тонули в жире, который, казалось, полностью их поглощал, а пинки для него были не чем иным, как надоедливыми комариными укусами. Но Меццанотте надеялся, что в конце концов начнет брать верх.

Несмотря на усталость, по мере того как продолжался бой, он набирался уверенности и ловкости. Он превосходил сам себя. Он чувствовал себя на вершине блаженства, как это

иногда случалось с ним в ринге. Все ему удавалось легко, естественно. Сейчас это был не бой, а танец, плавный, гармоничный, точный. Буттерони же, в свою очередь, оказался в затруднительном положении. Двигался он все тяжелее и тяжелее, шаркая ногами и поднося руку к правому боку все чаще. Лицо его при этом искажала гримаса боли.

Такая тактика приносила свои плоды – противник выкалывал первые признаки слабости; теперь нужно было додавливать его, не давая ни минуты передышки. Меццанотте стал действовать смелее; расстояние между ним и Буттерони сократилось, а вторжения в зону обороны Горы стали более частыми и глубокими. Как следует оценив габариты противника, Рикардо мог с высокой точностью предсказывать все его движения.

Но в спарринге подобного рода Меццанотте подвергал себя большому риску. Когда он отпрыгнул назад, нанеся один-два удара по бедрам, то пропустил сильный удар. Противник не мог схватить его, пальцы в который раз ухватили пустоту. Однако удара в плечо было достаточно для того, чтобы вывести Меццанотте из равновесия; задыхаясь, он сделал несколько шагов, прежде чем смог восстановить равновесие. И увидел, как стальной череп опускается на него, когда ремень уже был в воздухе. Попытался быстро развернуться и уйти в сторону, но на этот раз пряжка попала ему по спине. На мгновение ему показалось, что к телу приложили раскаленный металлический прут.

Меццанотте согнулся от боли, издав громкий крик, и именно в этот момент толстые, как бревна, руки Горы обхватили его, подняв над землей. Рикардохватило нескольких мгновений на то, чтобы развернуться и встретиться с ним лицом к лицу, прежде чем эти лапищи сомкнулись вокруг его груди, подобно тискам. Его собственные руки были прижаты к телу, и он ничего не мог сделать, лишь тщетно пытался освободиться. Тем временем Буттерони продолжал сжимать его с явным намерением раздавить грудную клетку.

– Ты труп, коп, – рычал он в злорадном ликовании, злобно дыша ему в лицо. Это были первые и единственные слова, которые Меццанотте от него услышал.

Дыхание его начало затрудняться, а зрение затуманиваться, когда он краем глаза увидел три фигуры в серо-голубом камуфляже, идущие вдоль перрона. Это были Карбоне и двое его приспешников. Рикардо попытался позвать их на помощь, но изо рта у него не вырвалось ничего, кроме сдавленного хрипа. С насмешливой ухмылкой на лице Карбоне помахал ему рукой на прощание, прежде чем исчезнуть в седьмом вагоне вместе с двумя полицейскими.

«Ублюдок», – подумал Меццанотте. Несмотря на это, у него вырвался смешок. Он чувствовал растущее онемение и слабость, голова кружилась, а восприятие становилось приглушенным. В нем пробивалось искушение закрыть глаза и отдаться в смертельные объятия гиганта, подбрасывавшего его из стороны в сторону в каком-то причудливом вальсе.

Нем!

С последним проблеском ясности Рикардо попытался встряхнуться и снова начал извиваться. Безуспешно... Тиски гиганта продолжали сжиматься вокруг него, и Меццанотте вдруг почувствовал, как хрустят его ребра. Затем, со всей силой своего отчаяния, он запрокинул голову назад и нанес противнику сильный удар в солнечное сплетение. Гора застонал от боли, и Рикардо показалось, что он чуть ослабил хватку. Это было похоже по ощущениям на удар лбом о стену, но он, стиснув зубы, бил снова и снова, пока Буттерони не развел руки и ему не удалось выскользнуть, снова поставив ноги на землю. Великан наклонился вперед, прижав руку к груди, и Меццанотте воспользовался этой возможностью для того, чтобы проскользнуть за ним и схватить его за плечи. У него было всего несколько мгновений перед тем, как его противник пришел в себя.

Кровь ручьем стекала со лба Рикардо, он чувствовал себя совершенно разбитым. Может быть, именно поэтому ему и пришла в голову эта абсурдная мысль. Резко прыгнув, он обхватил правой рукой шею Буттерони – и сжимал ее так сильно, как только мог, пока не обхватил ладонью бицепс своей левой руки. Затем положил левую ладонь ему на затылок, сжав шею еще крепче. Когда великан снова поднялся с земли и выпрямился, все еще извиваясь, чтобы стряхнуть его, Меццанотте надавил ему на шею, прижав локти друг к другу. Этому приему его научил много лет назад парень, тусо-

вавшийся в его спортзале. Он утверждал, что выучил его на курсах крав-мага⁷, предназначенных для сотрудников израильского спецназа. Вероятно, соврал, – но этот прием действительно сработал. *Мата леан* – захват и подчинение в бразильском варианте джиу-джитсу, смертельный прием удушения, при котором нарушается кровоснабжение мозга. При правильном применении данный прием приводит к быстрой потере сознания независимо от размера, силы или упорства противника. В случае слишком сильного или слишком продолжительного давления он может даже привести к смертельному исходу. Помимо того факта, что шея Буттерони была настолько большой, что Меццанотте едва мог обхватить ее рукой, проблема заключалась еще и в том, что этот прием обычно выполняется, когда противник лежит на земле. Попытаться проделать такой трюк на стоящем на ногах человеке, да еще и таких габаритов, как Гора, могло прийти в голову только сумасшедшему или вконец отчаявшемуся человеку.

Вцепившись в плечи противника, который шатался из стороны в сторону как раненый слон и размахивал руками над головой, пытаясь ударить его, Меццанотте закричал, чтобы набраться смелости, продолжая сжимать шею Буттерони изо всех сил и пытаясь не ослаблять хватку. Он не сдал-

⁷ Крав-мага – разработанная в Израиле военная система рукопашного боя, делающая акцент на быстрой нейтрализации угрозы жизни. Получила известность после того, как была принята на вооружение различными израильскими силовыми структурами.

ся даже тогда, когда тот, хватая ртом воздух, бросился назад, придавив его к вагону «Интерсити», а от боли в ране на спине перед глазами замелькали звезды. Это длилось несколько минут, тянувшихся как несколько часов, а затем Гора наконец рухнул на землю без сознания и остался лежать там.

* * *

Все еще не вполне веря в благополучный исход поединка, Меццанотте несколько мгновений лежал на огромной спине Буттерони, переводя дыхание. После этого очень осторожно встал на ноги. Он чувствовал себя выжатой тряпкой, и, по мере того как уровень адреналина спадал, давала знать о себе боль. Его спина нехорошо пульсировала, а задняя часть рубашки была вся в крови.

Дрожащими руками Рикардо нагнулся, чтобы подобрать с земли свою фуражку, и надел на Буттерони наручники, используя не одну, а две стяжки, которые он затягивал на запястьях до тех пор, пока не увидел, как они исчезают в его дряблой плоти. Затем втащил себя в вагон, но не обнаружил там ни Овиди, ни агента «Полфера». Их, должно быть, забрали Карбоне и его ребята. Пошатываясь на ватных ногах, Меццанотте двинулся вдоль перрона.

Увидев, что он снова появился на перроне, Колелла побегал ему навстречу. Он спрашивал его, как дела и что произошло, но Рикардо не обращал на него внимания.

– Откуда там, черт возьми, взялся Карбоне? – прорычал он, схватив приятеля за лацканы куртки. – Я же сказал: предупреди начальство!

Колелла объяснил ему, что это было решение Карбоне. Тот перехватил четырех агентов, конвоировавших двух ультрас, и те ему все выложили. Он сказал, что позаботится обо всем, приказав ребятам немедленно приступить к работе.

– И где он сейчас? – спросил Меццанотте, озираясь по сторонам. Ситуация стала намного спокойнее, столкновения с болельщиками прекратились.

Оказывается, когда Карбоне вернулся со своим раненым коллегой и сделал победный знак, среди ребят тут же раздались аплодисменты. Кто-то позвонил Далмассо, который потрудился лично приехать сюда, чтобы поздравить его. Видать, сейчас Карбоне вместе со всеми большими шишками в офисе поднимает бокалы за себя, любимого.

– Кардо, я спрашивал его, где ты, но он сказал, что не видел тебя.

Вот же сукин сын! Карбоне не только оставил его на растерзание Горы, не пошевелив пальцем, чтобы помочь, но и принял все лавры за спасение офицера сопровождения.

В ярости Меццанотте направился было к отделу, но его ноги подкосились, а спину пронзила колющая боль. Чтобы не упасть, он был вынужден вцепиться в руку Колеллы.

– Филиппо, помоги-ка... Думаю, мне нужна «скорая».

Меццанотте чертыхался сквозь зубы посреди толпы, собравшейся у самого основания эскалатора. Было уже восемь часов, и он опаздывал на понедельничное совещание. Комиссар Далмассо не позволял им расслабляться; он очень дорожил этими заседаниями, на которых они вместе подводили итоги расследований и текущих операций, планировали работу на неделю и, по его словам, укрепляли командный дух.

Колеса машины Рикардо снова были проколоты, хотя с некоторых пор, в целях предосторожности, он парковался в нескольких кварталах от дома и не оставлял машину на ближайшей парковке. Из-за этого Меццанотте был вынужден сесть в метро. С тех пор как на предыдущей неделе прокуратура завершила предварительное расследование и представила обвинительное заключение, угрозы и запугивания в его адрес участились: анонимные записки, телефонные звонки с угрозами посреди ночи, поцарапанные бока автомобиля и проколотые шины. Даже коврик у двери, и тот поджигали пару раз. Если целью злоумышленников было основательно истрепать ему нервы, у них это почти получилось. Дата предварительного слушания будет назначена со дня на день, и хотя прокурор Требески заверила Рикардо, что вызовет его на допрос только в случае крайней необходимости, он уже знал,

что, так или иначе, ему придется давать показания в суде, перед всеми. Меццанотте предпочитал не думать об этом – при одной подобной мысли он чувствовал, как по телу расползается липкое, зловещее беспокойство.

– Пропустите, пропустите...

Перекинув через плечо сумку с формой, Рикардо прокладывал себе путь через толпу людей, уныло ползущих по металлическим ступеням наверх. Шрам на спине немного тянул под повязкой, но уже не болел, хотя швы сняли всего несколько дней назад. Он вышел на свежий воздух прямо у подножия надвигающейся массы станции, когда-то белой, но теперь обшарпанной, испачканной отравленным выхлопными газами и копотью воздухом. Строгий и торжественный фасад колоссального здания, расположенного на полпути между собором и римскими банями, доминировал над площадью Дука д’Аоста. Справа от него возвышался небоскреб «Пирелли», на который годом ранее упал небольшой туристический самолет, на несколько часов погрузив город в кошмар 11 сентября; слева был вход на улицу Витрувио с ее блошиными однозвездочными отелями, которые часто посещали проститутки и сомнительные типы, а напротив, в конце портиков улицы Витторе Пизани, была площадь Республики, окруженная зданиями 1950–1980-х годов.

Тридцатые и небоскребы...

Центральный вокзал был открыт в 1931 году, в разгар фашизма, но дата представления первого проекта относится к

далекому 1912 году. Его архитектор Улиссе Стаккони назвал Центральный вокзал «собором движения». Перегруженный украшениями и орнаментами, он не имел четко очерченной архитектурной структуры – вероятно, из-за долгой и беспокойной истории его строительства. Ар-нуво, ар-деко, неоклассицизм, рационализм и викторианский стиль были нагромождены друг на друга в беспорядке, граничащем с китчем. В городе этот эклектичный и помпезно-монументальный коктейль иронично называли «ассирийско-миланским». Ясно дело, Центральный вокзал сложно было назвать красивым – скорее он был уникальным в своем роде. И прежде всего *большим*. Отвратительно, запредельно большим.

Во внушительной центральной части, на куполах которой возвышались два огромных крылатых каменных коня с конюхами рядом, три высоких квадратных портала с колоннами выходили на Галерею делле Карроцце, своего рода грандиозную крытую улицу, где движение становилось более оживленным. Пройдя через портал в центре, Мещанотте двинулся по широкому и многолюдному пешеходному тротуару, который отделял сторону галереи, отведенную для такси, от стороны, где было разрешено движение частных автомобилей, проскальзывая между попрошайками и африканскими и китайскими торговцами. Уголком глаза он заметил небольшую группу людей в грязной, потрепанной одежде, которые оживленно спорили, передавая друг другу упаковку дешевого вина, наполовину скрытые за машинами,

припаркованными у основания одной из колонн западного крыла галереи. Было непонятно, шутят они или спорят, но Меццанотте хорошо знал, что, когда дело касается алкоголиков, которые обычно ночуют на станции, одно легко перетекает в другое. Среди них была Амелия, пожилая бродяга, прожившая на вокзале несколько лет. Рикардо знал ее как свои пять пальцев. Лохматая и костлявая, с косматым пучком седых волос, она везла свои пожитки в шаткой тележке, с которой никогда не расставалась. Хотя на первый взгляд Амелия могла показаться хрупкой старушкой, она была совсем не беспомощной: злой как змея и ужасно мстительной. Поэтому следовало дважды подумать, прежде чем сделать что-то, что может ей не понравиться. Но у нее была слабость – она сходила с ума от шоколадных конфет, и именно на этом Меццанотте ее и подловил, используя сладкий шорох оберток «Бачи Перуджина» и «Ферреро Роше», чтобы завоевать ее доверие и завербовать в информаторы.

Не замедляя шага, он вошел в билетные кассы, как обычно чувствуя себя на мгновение маленьким и незначительным в этих огромных пространствах. Свод величественного зала, украшенного фризами и барельефами, был головокружительно высок – более сорока метров. Снаружи он напоминал своего рода купол, который был самой высокой частью всего здания и чем-то отдаленно смахивал на астрономическую обсерваторию. Яркий утренний свет проникал сквозь вычурные стеклянные шторы на сводчатом потолке и через боль-

шие окна на боковых стенах, погружая помещение в жидкое свечение, напоминающее аквариум. Даже торговые боксы и рекламные щиты, которые в последние годы прорастали здесь ядовитыми грибами, захватывая каждый уголок станции, не могли полностью стереть впечатление от пребывания в храме.

Среди людей, стоящих в очереди к билетным кассам, как всегда рано утром, был и Шизик, который в этот день был одет в яркий спортивный костюм, взятый неизвестно где, а его непомерно большой пиджак свободно свисал с показных плеч. Шизик был «сборщиком» – одним из многих наркоманов, которые проводили свои дни на станции, пытаясь наскрести достаточно средств на покупку наркотиков, выпрашивая мелочь у пассажиров. В отличие от большинства своих коллег, изощрявшихся в придумывании замысловатых и фантастических историй, чтобы убедить людей выложить деньги, Шизик полагался на обезоруживающую искренность и естественное сочувствие. Его подход был непосредственным и прямым:

– Эй, чувак, у тебя не найдется сотни лир, которые мне нужны вот прямо сейчас? – Он никак не мог уразуметь, что уже больше года официальной валютой в Италии был евро, а старая лира исчезла из обращения.

Взгляд Мещанотте на мгновение пересекся со взглядом наркомана, и оба обменялись незаметными понимающими кивками. Шизик был еще одним информатором, которого

удалось завербовать Рикардо. Это был один из главных уроков, который он усвоил от своего отца, легендарного комиссара полиции Альберто Мещанотте, найдя его в одном из редких интервью: даже во времена тестов ДНК и прочей технологической чертовщины две вещи остаются основополагающими для расследования – доскональное знание территории и надежная сеть доверенных лиц. Беседовать с людьми и стирать подошвы ботинок – вот чем должен заниматься хороший полицейский. К сожалению, Рикардо узнал об этом слишком поздно, чтобы успеть поблагодарить отца. Слишком поздно, как и многое другое, связанное с их отношениями...

Через три проема, обрамленных мраморными колоннами розового цвета, две лестницы и двойной эскалатор соединяли билетный зал с так называемым *piano del ferro* – уровнем путей, которые на протяжении более километра проходили на высоте около семи метров над уровнем улицы, на насыпи, огражденной массивными стенами. Мещанотте выбрал эскалатор. Когда он достиг уровня террас, созданных над билетными кассами, бомж, читавший мятую газету, сидя на мраморной скамье, с большим светящимся кубом позади, который вращался сам по себе, проецируя рекламные изображения, поднял лицо и улыбнулся. Это был Генерал, еще один исторический резидент вокзала. Неопределенного возраста, от семидесяти до восьмидесяти лет, стройного телосложения, с бородой и волосами, длинными и удивитель-

но белыми для бездомного, Генерал был хром на одну ногу и нем как рыба. Безобидный, всегда в хорошем расположении духа, он отличался добротой и никогда не отказывал никому в помощи. Без колебаний выручал других, угощая их выпивкой, если в том была нужда, поэтому его все любили. Откуда взялось его прозвище, никто не знал. Может быть, он действительно служил в армии, а может быть, и нет, но все равно в его торжественном поведении и чопорной манере держаться было что-то комически-военное. Никто не знал, где он ночевал, что было не странно, поскольку среди жителей Центрального вокзала хорошее место для сна, теплое и безопасное, было ревностно охраняемым секретом. Иногда Генерал исчезал, даже на несколько дней подряд, но когда кто-то начинал задумываться, не случилось ли с ним чего или забывал о нем, он появлялся снова, прихрамывая, со своей забавной боевой выправкой. Были и те, кто утверждал, что на самом деле у него был дом неподалеку и приличное состояние, но по какой-то причине он предпочитал уличную жизнь. Кто-то безуспешно пытался следить за ним. Однажды на него напали и избили, найдя при нем всего несколько лир.

Меццанотте улыбнулся в ответ и отсалютовал Генералу. Осчастливленный, тот вскочил на ноги как заводной солдатик и отдал честь, замерев на месте, наблюдая за продвижением Рикардо, пока тот не достиг вершины пандуса.

Огромная и роскошная Главная галерея, над которой находились зал ожидания, камеры хранения, бары, магазины

и различные другие службы для путешественников, проходила через весь основной корпус вокзала. Среди ее пышного убранства были большие фрески из керамической плитки, изображающие виды крупнейших городов Италии, и гигантские люстры. В ее конце находились «Гран-бар» и информационный офис, а также две лестницы, ведущие вниз, к атриумам боковых выходов. На стороне, противоположной билетным кассам, пять арочных проемов обеспечивали доступ в зону отправления.

Меццанотте торопливо пересек галерею, пройдя под большим табло расписания, чьи подвижные плашки с белыми буквами и цифрами на черном фоне не переставали громко шуршать, а затем пошел направо по переднему дворику вдоль путей, направляясь к отделу железнодорожной полиции, вход в который находился напротив платформы 21, рядом со станционной часовней. На первых страницах газет, подвешенных на бельевых прищепках у газетного киоска, сообщалось о ходе вторжения в Ирак многонациональной коалиции во главе с США. Под гигантскими навесами, поддерживаемыми массивными зубчатыми стальными арками, громким эхом раздавались объявления о прибывающих и отправляющихся поездах.

У стойки администратора старый Фумагалли опрыскивал из распылителя калатею в горшке. Он был настолько «зеленым», что его комната, наполненная всевозможными растениями, напоминала оранжерею.

Увидев, как вошел Рикардо, Фумагалли воскликнул:

– Инспектор, собрание уже началось! Поторопитесь, иначе комиссар потребует, чтобы вас вызывали по громкоговорителям по всей станции.

– Бегу, Пьетро, бегу. Кстати, я уже тысячу раз говорил тебе, что ты должен звать меня Рикардо.

Помощник начальника Пьетро Фумагалли был самым старым полицейским в отделе и провел там всю свою профессиональную жизнь. Находясь на грани выхода на пенсию, он оставался хранителем исторической памяти офиса, поэтому, помимо обязанностей дежурного по этажу и оператора коммутатора, отвечал также и за архив. Он прекрасно знал и восхищался отцом Меццанотте и, возможно, из-за этого и приглянулся Рикардо.

Меццанотте наспех переоделся, собрал бумаги на своем столе и поспешил в зал заседаний.

Когда он открыл дверь, комиссар Далмассо, стоявший в задней части комнаты, заполненной офицерами, замолчал и саркастически поприветствовал его:

– Инспектор Меццанотте, как это любезно с вашей стороны – наконец-то почтить нас своим присутствием... Надеюсь, мы не отвлекли вас от важных дел своим собранием?

Когда все повернулись в его сторону, Меццанотте изобразил раскаяние и кивнул в знак извинения. Как обычно, у него создалось неприятное впечатление, что его коллеги слишком рано отводят глаза или задерживают на нем взгляд

на несколько секунд дольше, чем нужно.

Но комиссар с ним еще не закончил.

– Однако вы как раз вовремя, Меццанотте. У нас возникла проблема с дежурными сменами, которые не были заняты в выходной день двадцать пятого апреля. Раз уж вы вызвались добровольно, проблема решена, не так ли? Давайте, ребята, похлопаем инспектору, который избавил нас от лишних хлопот!

Продвигаясь под общие хлопки и смех к пустому креслу в первом ряду, предназначенному для офицеров, Меццанотте думал о той органической ферме в Лигурии, поездку на которую ему придется отменить. Не то чтобы ему до смерти туда хотелось, но вот Аличе, его невеста, мечтала об этом. Трагедия, иначе не скажешь – это должен был быть первый настоящий отпуск, который они провели бы вместе почти за год, а учитывая все, что произошло с ними за последнее время, такого рода событие было им и правда необходимо.

* * *

Лаура Кордеро вышла из душа среди паров горячей воды, под струями которой стояла долго-долго, надеясь, что это поможет ей хотя бы немного расслабиться. Взяла полотенце и обернула его вокруг тела, плотно закрепив под мышкой. В то утро она чувствовала себя напряженной, взволнованной. Ее ждал день, столь же важный, сколь и нервный. Весь

день Лаура должна была находиться вне дома, а для нее пребывание среди людей было нелегким делом, требующим постоянной и в конечном итоге изнурительной концентрации. Сегодня речь шла не только о посещении университетских лекций. Во второй половине дня начинались волонтерские встречи в Центре социальной помощи на Центральном вокзале. Она уже давно чувствовала потребность участвовать в чем-то подобном, помогать другим, и когда несколько недель назад прочитала интервью с руководителем центра Леонардо Раймонди в газете «Коррьере»⁸, сразу подумала, что это подходящее место. Лаура долго колебалась, прежде чем решиться, гадая, потянет ли она, не будет ли для такой, как она, это рискованным шагом. Но потом сказала себе, что для нее протянуть руку помощи тем, кто несчастен и страдает, – это правильный поступок, стоящий риска. Может быть, это даже пошло бы ей на пользу.

Лаура придвинулась к раковине, провела рукой по запотевшему зеркалу и начала сушить феном свои длинные прямые черные волосы. То, что она красива, Лаура знала не только потому, что читала это во взглядах мальчиков и мужчин. Внешне она была копией матери. Изумрудные, слегка миндалевидные глаза, высокие скулы, тонкий вздернутый нос были такими же, как у мамы, хотя та упорно осветляла волосы и завивала их у самого известного парикмахера Милана.

⁸ «Коррьере делла сера» – крупнейшая итальянская ежедневная газета.

Лаура развязала полотенце, сбросив его на пол, и намазала увлажняющим кремом длинные стройные ноги, круглые ягодицы, тонкую талию, плоский живот и маленькую грудь. Она не знала, быть ли благодарной матери за стройное, упругое тело, полученное от нее в наследство. Внимание к себе ее не интересовало – наоборот, чаще всего смущало и огорчало. Будь у нее выбор, Лаура предпочла бы оставаться незаметной. Но она благодарила небеса за то, что ей не достался темперамент матери.

В этом Лаура больше походила на отца, человека сдержанного и вдумчивого. Деликатный, чрезвычайно умный и полный железной решимости в достижении своих целей, Энрико Кордеро несколькими месяцами ранее фигурировал на обложке «Уomini и бизнес»⁹ в качестве председателя и главного исполнительного директора «Фарминт», фармацевтической компании, основанной дедушкой Лауры. В статье, посвященной ему, рассказывалось о том, как после того, как Энрико взял бразды правления в свои руки, сосредоточив все усилия на исследованиях, инновациях и выходе на международные рынки, компания начала неудержимо развиваться и превратилась в передовую промышленную индустрию. Сегодня у «Фарминт» было сто пятьдесят сотрудников, годовой оборот около сорока миллионов евро, и она экспорти-

⁹ «Уomini и бизнес» («Люди и бизнес») – итальянский журнал, который рассматривает вопросы экономики, политики, социальных событий и обычаев, ставя во главу угла читателя.

ровала свою продукцию в более чем двадцать стран мира.

Между Лаурой и отцом сложились особые отношения. Он понимал ее – настолько, насколько вообще кто-то мог ее понять – и нежно любил. Если б только работа не занимала его так сильно... Он всегда был в офисе допоздна или уезжал в командировки. Они виделись слишком редко, и Лаура частенько по нему скучала.

С матерью дело обстояло иначе.

Мама и папа были настолько разными, что Лаура иногда удивлялась, как и почему он вообще в нее влюбился, а потом вспоминала, как все пожирали ее глазами, когда она надевала одно из своих вечерних платьев, облегающее и декольтированное до предела, – и понимала, что ответ кроется в вопросе. Относительно того, что именно в матери привлекло отца, у нее не было ни малейшего сомнения.

Мама познакомилась с отцом в возрасте двадцати двух лет, в одном из театров парижского пригорода, где она, молодая бездарная актриса, играла главную роль в скандальной авангардной пьеске, не предусматривающей сценических костюмов, и куда его, блестящего тридцативосьмилетнего предпринимателя, затащили во время ночного загула, чтобы отметить удачное заключение недавно совершенной деловой сделки. В то время мама была ослепительно красива и уже точно знала, как этим пользоваться. Два года спустя, будучи замужем и обзаведясь маленькой дочерью, она жила в роскоши в Милане, ее обслуживали и почитали как коро-

леву.

Лаура прошла в свою комнату и оделась. Джинсы, белая блузка, туфли «Суперга»¹⁰. Ни макияжа, ни украшений. Комната была обставлена лаконично, почти никак. Футон, небольшой диван, письменный стол, несколько полок, заставленных книгами. Французская дверь вела на балкон с видом на пышную зелень частного сада здания, а окно выходило на тихую улицу Кавальери дель Санто Сеполькро в самом центре квартала Брера. На стене висел лишь подготовительный эскиз к «Танцовщице» Дега, оригинал. Лаура видела картину в Музее Орсе в детстве, во время поездки в Париж вместе с родителями, и влюбилась в нее, поэтому ее отец на день рождения подарил ей этот замечательный рисунок углем, который он сумел заполучить, конечно лишь потратив целое состояние. В течение нескольких лет Лаура занималась балетом, будучи маленькой девочкой. Ей это нравилось, и у нее хорошо получалось – ее учитель постоянно говорил ей, что она очень талантлива, приводя в восторг ее мать, которая уже видела Лауру звездой «Ла Скала». Но это не принесло ей пользы. Танцы вызывали у нее слишком сильные переживания, а эмоции опасны, их нужно было держать под контролем. В конце концов она поняла, что ей придется отказаться от балета.

Закинув на плечи сумку с книгами и остальными вещами,

¹⁰ «Суперга» – итальянская марка спортивно-повседневной обуви родом из Турина.

Лаура вышла из комнаты и спустилась по винтовой лестнице в жилую часть роскошной двухэтажной квартиры. В просторной гостиной, которую ее мать недавно в десятый раз переделала вместе со своим доверенным архитектором и лучшим другом, превратив ее в сборник последних тенденций гиперминималистического дизайна, изысканного настолько, насколько хотелось, но холодного, как воздух морга, – ничего не было. Лаура вздохнула с облегчением и неслышными шагами направилась к входной двери.

– Лаура! Лаура, это ты?

Голос матери, отличающийся ярко выраженным французским акцентом, несмотря на то что она жила в Италии уже более двадцати лет, исходил из кухни. Лаура не представляла, что она там делает. Соланж Мерсье в Кордеро за всю свою жизнь не сварила ни одного яйца, а завтрак в постель ей приносила горничная-филиппинка. То, что она находилась там, несмотря на то что было только девять утра, – это не просто так. Хотя Лаура не могла видеть маму, ей было нетрудно представить ее, стоящую у столешницы из черного африканского мрамора, с бокалом в руке и бутылкой вина на столе. Соланж пила, в последнее время все больше и больше. Она делала это втайне от мужа и была убеждена, что даже Лаура ничего не подозревает. Но та знала об этом, как и о том, что это не единственное, чем мать занималась за спиной отца.

– Что ты хочешь, мама? Я ухожу – опаздываю на занятия! – крикнула она, чтобы ее было слышно повсюду, а рука

легла на дверную ручку.

– Ты вернешься к обеду? Мне что-нибудь приготовить?

– Нет, сейчас я иду в университет, а после обеда начинаю волонтерствовать. Я вернусь ближе к вечеру; надеюсь, не опоздаю на ужин.

Нет ответа. Лаура уже собиралась открыть дверь, когда на пороге гостиной появилась Соланж. Прислонившись к косяку со сложенными руками, она нахмурилась, а ее губы изогнулись в гримасе неодобрения.

В свои сорок четыре года мать все еще была хороша. Но Лаура уже могла различить первые, пока практически незаметные трещины, расколовшие ее полированную красоту. Тонкие морщинки вокруг глаз, которые больше не мог скрыть макияж, легкая припухлость, начавшая изменять черты ее лица, едва заметная тяжесть в бедрах... Скоро все это попросит скальпеля.

Поскольку Соланж смотрела на нее, ничего не говоря, Лаура выпалила:

– Что?

– Я волнуюсь, Лаура. Чем больше я думаю об этом, тем меньше мне это нравится. Это не то, что тебе нужно.

– О, мама, мы уже говорили об этом. Извини, но я приняла решение. Мне нужен этот опыт, это очень важно!

– Ты не понимаешь! Вокзал – плохое место; ты что, газет не читаешь? Ты окажешься среди наркоманов, проституток и преступников. Это может быть опасно, и что тогда подума-

ют люди? Если хочешь, есть волонтеры из «Ротари-коуба», я изучила их программы и...

– При всем моем уважении, организация благотворительных вечеров и наполнение коробок едой и одеждой для отправки в Африку – это не то, о чем я мечтала. Я хочу сделать что-то конкретное, реальное. И о чем подумают *твои* подружки, прости меня, мне абсолютно все равно.

Выражение лица Соланж, настолько обиженное и разочарованное, что граничило с отвращением, стало для Лауры чем-то очень знакомым за эти годы. Ее мать не одобряла практически каждый ее выбор в жизни с тех пор, как она смогла его сделать: от манеры одеваться до дружеских отношений, от решения отказаться от танцев и решения не посещать бал дебютанток до идеи поступить в медицинскую школу, которую ее отец воспринял с энтузиазмом – возможно, потому, что в глубине души надеялся, что это станет прелюдией к ее будущей работе в компании, тогда как Соланж считала ее неженской.

И все же Лаура была поражена тем, как они с матерью могли так отдалиться друг от друга, как пропасть непонимания пролегла между ними так глубоко, что сделала их двумя чужими людьми. Даже хуже – практически врагами.

Соланж собиралась уйти, но замерла и спросила безразличным тоном:

– Что, если у тебя будет один из твоих приступов? Ты думала об этом?

Лаура склонила голову и сжала ручку двери так сильно, что побелели костяшки пальцев. Это был удар ниже пояса, и мать даже отдаленно не подозревала, насколько точно он был нанесен. Думала ли она об этом? Да, думала. Она не спала целыми ночами в мыслях об этом.

Стараясь контролировать дрожь в голосе, Лаура только и сказала:

– Этого не случится.

Затем она вышла, хлопнув дверью.

* * *

Комиссар Далмассо вспотел. Больше, чем обычно. Потела голова; пот стекал по лысине, румяным щекам, по лбу, пробирался между складками на щуплой шее и образовывал большие влажные пятна на рубашке.

Он собирался поговорить о показателях последней статистики, предоставленной Главным управлением полиции, относительно преступлений, совершенных в районе Центрального вокзала в первые три месяца года. Бюрократы на самом верху очень любили статистику и постоянно ее публиковали. В полиции были люди, которые проводили больше времени за подсчетом цифр и попытками подстроить их под свои нужды, чем за розыском преступников. Статистические данные – это наличные деньги, которые можно потратить на политическом уровне. Одни карьеры были на них построены,

другие по их вине потерпели крушение.

В этом случае цифры были беспощадны: 53 обвинения в торговле наркотиками, 24 – в занятии проституцией, 42 грабежа и карманных кражи, 61 ограбление, 38 нападений с нанесением телесных повреждений, 5 смертей от передозировки, 4 изнасилования и 2 убийства. Общий рост преступности в сравнении с тем же кварталом предыдущего года составил 17 процентов. Цифры говорили сами за себя, указывая на неконтролируемость ситуации.

– Вы наверняка читали газеты за последние несколько дней, – сказал Далмассо, вытирая лицо уже насквозь мокрым носовым платком. – «Центральный вокзал: колыбель преступности», «На вокзале свирепствует насилие», и так далее, и тому подобное. Районный совет, районные комитеты, ассоциации торговцев, политики... Все они требуют законности и безопасности. Все они призывают к более решительному вмешательству правоохранительных органов.

Комиссар сделал паузу, наморщив лоб.

– А кто крайний, как думаете? Мы, конечно. Ничего нового, да, парни? Все это мы уже проходили. Перманентный, мать его, кризисный цикл. В конце концов, с теми силами и ресурсами, которыми мы располагаем, уже просто чудо, что нынешняя ситуация является исключением, а не нормой. Но на этот раз всё по-другому. Некоторые из вас, возможно, слышали об этом: уже некоторое время рассматривается фараоновский план перестройки вокзала. Это будет ради-

кальная перестройка, которая полностью изменит его облик, превратив вокзал в своего рода торговый центр, полный магазинов, баров, ресторанов и кто знает чего еще; место, где люди больше не будут просто приезжать и уезжать на поездах, а станут приходить, чтобы поесть, сделать покупки, развлечься. Как на вокзале Термини в Риме, типа того. До сих пор у проекта была трудная жизнь, осложненная бесконечными спорами и конфликтами. Но в марте МКЭП¹¹ наконец одобрил его, и были выделены первые средства. Ожидается, что строительная площадка будет открыта к концу года. На самом деле, разумеется, ничего такого не случится и начало работ все равно сдвинется. Но рано или поздно благословенная перестройка начнется, это уж точно. К тому времени, когда бы оно ни настало, ситуацию на вокзале надо взять под контроль. На кону стоят большие деньги и огромные выгоды, как экономические, так и политические. На заседании комитета провинции по порядку и безопасности на прошлой неделе практически не было разговоров ни о чем другом, и даже заместитель министра внутренних дел выступил по телефону из Рима. Он дал понять, что если в ближайшее время не появятся конкретные результаты, полетят головы. В заключение, добавил он, нужно очистить станцию от разных подонков, и теперь это действительно нужно сделать раз и навсегда.

Следующие полчаса Далмассо провел, выслушивая споры

¹¹ Межведомственный комитет по экономическому планированию.

и протесты своих подчиненных. Отдел был сильно недоукомплектован, средства и оборудование оставались неадекватными и устаревшими; дежурных нельзя было нагружать; понадобилось бы больше, чем те жалкие тридцать активных камер наблюдения, на которые они могли рассчитывать в данный момент; самые крупные проблемы на самом деле возникали не внутри вокзала, а в прилегающих районах, которые не находились под строгой юрисдикцией «Полфера»... Все это было понятно Далмассо, как и причины для жалоб, – и недовольство подчиненных он вполне разделял, но загвоздка состояла в том, что ему нечем было их успокаивать. На все просьбы о предоставлении дополнительных ресурсов он получил от своего непосредственного начальства лишь туманные и неопределенные обещания.

По окончании собрания полицейские стали с ворчанием расходиться. Лица их были угрюмыми, а настроение – хуже некуда. Были объявлены отсрочки отпусков и продленные смены.

Меццанотте все еще оставался на месте, приводя в порядок свои бумаги. Проходя мимо него, Карбоне нарочно задел складную столешницу его стула, в результате чего ворох бумаг полетел на пол. Он пошел дальше, даже не обернувшись; за ним тащились Лупо и Тарантино, его несносные приспешники, которые топтали разбросанные по полу страницы, выдувая розовые пузыри из жевательной резинки. Из-за своей привычки всегда жевать ее они выглядели еще тупее, чем

обычно.

После инцидента с ультрас двумя неделями ранее Меццанотте старался избегать любых столкновений с Карбоне. К тому времени, когда он вернулся из пятидневного отпуска по болезни, его раздражение частично прошло, и на тот момент повторное рассмотрение вопроса уже не имело особого смысла. В любом случае, несмотря на то что Карбоне лишил его премии за освобождение заложника, поведение Рикардо во время вылазки на «поезде ужаса» произвело сильное впечатление на четырех оперативников, которых он захватил с собой, и те принялись рассказывать о случившемся. У него сложилось впечатление, что это способствовало небольшому повышению его рейтинга в отделе, так что ему было чему радоваться.

Когда Карбоне и его приспешники ушли, ухмыляясь и обмениваясь «пятянями», Меццанотте попытался встать, но Колелла, сидевший позади него, удержал его, положив руку ему на плечо.

– Не стоит, Кардо, – прошептал он ему на ухо, – пусть идет.

Позади троицы шествовала агент Нина Спада, которая старательно обходила упавшие бумаги и бросала на него долгие взгляды, сопровождаемые улыбкой – то ли ироничной, то ли озорной. Апулийка по происхождению, она была миниатюрной, но весьма фигуристой, чего не могла скрыть даже униформа, которая едва скрадывала ее взрывоопасную сек-

суальность. Половина мужчин в отделе с ума по ней сходили, но Нина Спада была та еще штучка и без труда их отваживала. Она прекрасно знала, как выжить в этой преимущественно мужской высокотестостероновой среде. Прямолинейная до откровенности, Нина была обладательницей черного пояса по дзюдо, а вне службы разъезжала в шипованной кожаной куртке на старом «Харли Дэвидсон Спортстер». Поговаривали, что она спала с Карбоне.

– Ох, Кардо, ты видел, как она на тебя смотрела? – Колелла пихнул его локтем. – Я думаю, ты ей нравишься...

– Не говори ерунды, Филиппо, она просто со мной поздоровалась. С тех пор, как я здесь, мы обменялись лишь двумя словами – «да» и «нет».

На самом деле, хотя Нина, как и большинство ее коллег, благоразумно держала дистанцию, он уже не в первый раз ловил на себе ее настойчивые взгляды, интерпретировать которые не решался.

– Да брось, ясно же – она на тебя запала.

– Завязывай, кому говорю... Лучше помоги мне собрать эти гребаные бумаги.

* * *

Сидя на своем месте в комнате отдыха офицеров, Мещанотте зевнул и потянулся. Затем угрюмо уставился на кипы бумаг перед собой: отчеты о преступлениях, служебные ра-

порты, протоколы всех видов. Он просидел за столом уже несколько часов, но так и не смог разобраться с накопившимися делами. Рикардо ненавидел офисную работу и никак не мог привыкнуть к тому количеству документации, которую ежедневно приходилось вести в полиции. Поэтому с облегчением принял телефонный звонок дежурного Фумагалли. У патруля были проблемы, и ему срочно требовалось подкрепление. Рикардо мог бы просто послать пару человек, но, поскольку у него возник повод избавиться от этой смертельной скуки, решил заняться этим лично. Он прошел через комнату офицеров, остановился в дверях и, увидев Колеллу, который по своей привычке, как только выдавалась свободная минутка, возился с компьютером, велел ему следовать за собой.

Направляясь наружу, мимо навесов, они шагали по тротуару в восточном конце двора, огибая платформу 21. У вечно закрытого входа в Королевский павильон – роскошный зал ожидания, изначально предназначенный для семьи и двора Савойской династии, – как всегда с тех пор, как ему указали на него, взгляд Меццанотте на мгновение остановился на одном из больших декоративных керамических расписных люнетов, нависавших над воротами. На нем также был изображен Муссолини, лицо которого, однако, было отстрелено каким-то партизаном после Освобождения, и с тех пор никто не осмеливался его восстановить. Этот след истории, который не смогло загладить время, завораживал его.

– В чем дело? – спросил Колелла, который, задыхаясь, тащился за ним.

– Патруль застал врасплох трех молодых парней с баллончиками, которые расписывали бок поезда, остановившегося на платформе за пределами станции. Двоих удалось задержать, но третий забрался на вершину одного из контейнеров и угрожает прыгнуть.

Первый участок широкой возвышенной насыпи, по которой проходил пучок путей, выходящих из электростанции, был загроможден строениями и сооружениями разного рода, многие из которых сейчас не использовались и были полуразрушены, как, например, мрачные кабины управления железнодорожным мостом, стоявшие посреди рельсов. Среди них были и две железобетонные водонапорные башни. Именно туда направлялись двое полицейских.

Это было в три часа пополудни, солнце светило вовсю. Было не очень жарко, но воздух оставался неподвижен и тяжел. Окна верхних этажей домов и дворцов с видом на эстакаду, прорезавшую город, казались сценами пустого театра. Рикардо шел по насыпи, где между рельсами и стрелочными переводами то тут, то там росли пучки сероватой травы и грибные ростки, когда заметил что-то на земле. Сначала он не понял, что это за бесформенный сверток, брошенный в куче обломков. Затем, когда подошел ближе, различил морду с маленьким розовым языком, торчащим между острыми клыками, и непрозрачные глаза, широко раскрытые до такой

степени, что они почти выскакивали из глазниц. Это была мертвая кошка; ее маленькое тело окоченело и скрючилось, а шерсть была так измазана землей, что приобрела желтоватый оттенок. У нее были отрублены все четыре лапки, а в широкой ране на животе яростно жужжал рой мух.

Колелла, который сильно отстал, догнал его, пыхтя как паровоз, и остановился рядом с ним.

– Что там такое?

Рикардо лишь выразительно кивнул в сторону кошки.

– Ну и мерзость! Видать, погибла под поездом, бедняга, что тут поделаешь... Пойдем?

Рикардо еще несколько мгновений стоял, глядя на изуродованный труп животного, затем пришел в себя.

– Да, пойдем.

* * *

Дверь из облупившегося и ржавого железа вела в здание, граничащее с восточной частью вокзала, со стороны площади Луиджи ди Савойя, прямо напротив автобусного терминала. На одной из дверей – простая пластиковая табличка с надписью «C.D.A. – Центр социальной помощи», а под ней – «Зарезервировано для пассажиров первого класса».

Она была открыта. Стоя на тротуаре в нескольких метрах от нее, Лаура некоторое время наблюдала за ней. Здесь постоянно сустились какие-то убогие и потрепанные на вид

люди. Она попыталась заглянуть внутрь, но ничего не смогла разглядеть. Лаура колебалась еще несколько минут, переминаясь с одной ноги на другую, а затем приняла решение. Она тяжело вздохнула и пошла дальше. Войдя, испуганно огляделась.

Стены голого помещения с высоким потолком, под которым проходили большие выступающие трубы, были украшены красочными фресками, вносящими веселую нотку в унылую обстановку. Помимо нескольких металлических шкафов и картотек, в комнате было всего три стола, за одним из которых сидел крупный мужчина с густой черной бородой. Лаура узнала в нем Леонардо Раймонди, главу Центра. Еще здесь были два волонтера. Они разговаривали с грудастой женщиной в обтягивающей одежде и с такой черной кожей, какой только может быть черная кожа, толстым и грязным парнем, от которого исходила резкая вонь, и худым и нервным молодым человеком, чьи руки заметно дрожали. На двух деревянных скамьях, установленных у стены по бокам входной двери, ждала своей очереди небольшая толпа бомжей, наркоманов и иммигрантов, преимущественно мужчин. Все уставились на нее с настойчивым любопытством, от которого ей становилось не по себе.

Как только бородатый мужчина заметил Лауру, он помахал ей рукой и продолжил разговор с женщиной – той самой, которую Лаура приняла за нигерийскую проститутку. Через несколько минут Раймонди тепло попрощался с ней, надол-

го сжав обе ее руки в своих, затем встал и подошел к Лауре. Он действительно был очень высоким. Его исхудалое лицо, изборожденное ранними морщинами, выглядело усталым, а глаза – печальными, несмотря на улыбку, которой он одарил ее. Но в глубине его взгляда, как сразу почувствовала Лаура, горели непоколебимая сила и решимость.

– Ты Лаура, не так ли? Приятно познакомиться. Я – Леонардо, но все здесь называют меня Лео, – сказал он ей низким, мягким голосом, полным обнадеживающего самообладания, поразившим ее еще тогда, когда они разговаривали по телефону. – Давай не будем просто стоять, а пойдем и поговорим; я объясню, как здесь все устроено, а ты расскажешь мне немного о себе.

Лаура последовала за ним к его столу и села на стул, который до недавнего времени занимала чернокожая женщина. Раймонди молчал несколько секунд, прикрыв глаза, поставив локти на стол и подперев ладонями лицо, словно пытаясь собраться с мыслями, потом заговорил:

– Видишь ли, Лаура, есть три вида бедности: первый – это несчастье, отсутствие денег, отсутствие дома, голод и холод; второй – болезнь, физическая или психическая, к которой я также отношу все наркотические зависимости; и затем – самое худшее из всего – одиночество, отсутствие личных и социальных отношений, семейных связей или дружбы. А здесь, на вокзале, всего этого в избытке. Центральный вокзал – место пересечения всех форм несчастий и трудностей в горо-

де, перекресток боли и отчаяния. Многие из самых слабых и несчастных людей, не могущих идти в ногу со временем и оттесненных на обочину общества, рано или поздно оказываются здесь. И мы заботимся об этих несчастных людях. Только мы. Потому что до них никому нет дела. Ни политикам, ни организациям, ни гражданам. За исключением тех случаев, когда они воспринимаются как угроза безопасности и общественному порядку, как это было в последние дни. И поэтому единственным ответом, решением, которое нам предлагают, являются репрессии; при этом никто не понимает, что одних репрессий недостаточно – если они не сочетаются с солидарностью, то ни к чему не приводят. Необходимо устранить причины всего этого дискомфорта, помочь этим людям воссоединиться с обществом, реинтегрироваться, иначе проблема будет повторяться бесконечно, без изменений, снова и снова. Что касается нас, то мы делаем всё возможное и невозможное, имея в своем распоряжении скудные средства, понимая, что самая серьезная и трудно искоренимая проблема – это одиночество. Потому что проблемы первого типа можно решить, возможно, с помощью работы, а болезни можно вылечить. В то время как одиночество в конечном итоге разрушает личность, лишая ее идентичности. Для того чтобы восстановить ее, требуется долгий и трудный путь оздоровления с весьма неопределенными результатами.

Раймонди сделал паузу. Не зная, что сказать, Лаура энергично кивнула, как, впрочем, делала уже несколько раз за

время его речи.

– И этого очень много, понимаешь, – страданий и несчастья, даже в таком богатом обществе, как наше. Гораздо больше, чем можно себе представить. Просто посчитай: наркоманы, бездомные, алкоголики, психически больные; люди, которые сидят или сидели в тюрьме... нелегальных иммигрантов пока оставим в стороне. Это два с половиной миллиона. И в каждую из этих ситуаций вовлечены в среднем четыре члена семьи, итого получается десять миллионов человек. Каждый шестой прохожий, который пересекает улицу, может быть, пытается улыбнуться, но в сердце у него царит смерть.

«Знаю, знаю, – подумала Лаура. – Знаю слишком хорошо...» Но ничего не сказала, просто кивнула в очередной раз.

– Наша работа может быть тяжелой, чего уж тут, – продолжал Раймонди, – и ты должна это понимать. Конечно, бывают и радости, но для каждой из них нужно пройти через множество разочарований и поражений. С тех пор как я здесь, я познал бездну и ад, я видел, как умирают люди, я соприкоснулся с глубочайшим отчаянием и болью в сердце. Требуется много терпения и упрямства, нужно научиться защищаться от эмоций. Но я не теряю веры, потому что знаю: то, что я делаю, то небольшое, что мне удастся сделать, все равно имеет значение для этих людей, и я по-прежнему убежден, что даже в самом запутанном случае где-то есть решение –

просто нужно продолжать искать, пока не найдешь его.

Из всей речи Раймонди именно эти несколько слов запечатлелись в голове Лауры: «нужно научиться защищаться от эмоций». «Да, – подумала она, – это именно то, что мне так необходимо». Слушая его, Лаура убедилась в том, что действительно сделала правильный выбор.

* * *

– Четыре эспresso, пожалуйста.

После того как трое юных художников-граффитистов были переданы родителям, с должным нравоучением, но без протоколов, и с обещанием, что впредь они будут вести себя хорошо, Меццанотте отвел Колеллу и двух других агентов в «Гран-бар» в восточной части Главной галереи, чтобы предложить им кофе. Они заслужили это. Все закончилось хорошо, но потребовалось несколько часов на то, чтобы убедить мальчишку слезть с резервуара для воды, и не обошлось без напряженных моментов. Джулио Сгамбати, более известный среди миланских граффитистов под кличкой Кабум, перелез через металлическую балюстраду и сел на узкий выступ резервуара, держась руками за железные прутья; его ноги болтались на высоте более десяти метров. Черная толстовка с капюшоном, джинсы с очень низкой талией, из которых торчали цветные трусы-боксеры, колючий ежик волос и серьга; на вид ему было около шестнадцати лет, но по документам

позже выяснится, что всего четырнадцать. Его отец, работавший водителем грузовика, видимо, не знал другого способа привить дисциплину своему непокорному и мятежному сыну, кроме как поднимать на него руку и лупить ремнем. Пацан был буквально в ужасе, когда узнал, что его остановила полиция. «Он меня до смерти измочалит, я лучше покончу с собой», – повторял он, глядя в пространство перед собой широко раскрытыми глазами. Мещанотте забрался на самый верх резервуара и сел, прислонившись спиной к балюстраде, не слишком близко к граффитисту, но достаточно близко, чтобы того можно было поймать при малейшем подозрительном движении. Он долго беседовал с ним, терпеливо пытаясь преодолеть стену уныния, гнева и недоверия, за которой тот скрывался. Его отец никогда не поднимал на него руку, за исключением того единственного ужасного случая, но сам Рикардо прекрасно знал, каково это – расти в тени слишком сурового и строгого родителя. Возможно, именно поэтому ему удалось найти нужные слова, чтобы завоевать доверие граффитиста и мало-помалу успокоить его.

...Он высыпал пакетик сахара в маленькую чашку, стоявшую на стойке, и теперь медленно потягивал кофе, слушая болтовню Колеллы и двух офицеров. Поговорив о развитии событий в деле, которое чуть больше месяца назад потрясло весь корпус железнодорожной полиции – убийстве суперинтенданта Петри несколькими бригадами во время обычной проверки поезда, – они начали сплетничать о некоторых

коллегах, чьи имена Рикардо все еще с трудом сопоставлял с лицами. Только когда почувствовал в кармане брюк вибрацию своего мобильного телефона, который часто держал в беззвучном режиме во время дежурства, Меццанотте вспомнил, что телефон вибрировал и раньше, когда он был на вершине водонапорной башни и в дежурной части с граффитистами и их родителями. Рикардо вытащил его. Это была Аличе: черед ее неотвеченных звонков и голосовых сообщений.

– Алло, Али, прости меня, но...

Аличе не позволила ему закончить. Она была сама не своя; ее тон менялся, из обвиняющего становясь умоляющим.

– Кардо, я тебя столько времени ищу, где тебя носит? Почему ты не отвечал? Я... – И она разрыдалась.

– Извини, я был занят, трудное задание... Что стряслось?

– О, Кардо, это было ужасно!.. Я только что вернулась домой, и... И... – Ее голос вновь дрогнул. Несколько мгновений она изо всех сил пыталась сдержать слезы. В конце концов сдалась и заплакала.

Теперь начал волноваться и Меццанотте. Заметив вопросительные взгляды Колеллы и других коллег, позабывших о своих разговорах, он произнес, слегка повысив голос:

– Аличе, прошу тебя, успокойся! Я ничего не понимаю, что произошло?

На другом конце линии повисла тишина. Потом Аличе

высморкалась и прошептала:

– О, Кардо, мне так страшно, так страшно... Пожалуйста, возвращайся домой. Приезжай поскорее!

– Выезжаю. Жди.

Меццанотте выбежал на улицу, не попрощавшись и даже не задумавшись о том, что надо переодеться. В его голове одна за другой всплывали мысли о том, что могло произойти, и от этих мыслей все внутри клокотало от ярости.

* * *

Когда он распахнул дверь небольшой двухкомнатной квартиры на четвертом этаже здания без лифта на Виа Падова, арендованной по возвращении в Милан после двух лет, проведенных в Турине в качестве дежурного агента за рулем, в гостиной было темно и пусто. По лестнице Рикардо мчался сломя голову – и вконец запыхался. Включив свет, огляделся. Он уже заметил, что на замке нет следов взлома, но на всякий случай держал кобуру расстегнутой. Все выглядело правильно, все было на своих местах, кроме двух пластиковых пакетов с продуктами, брошенных на столе рядом с мини-кухней. Рикардо несколько раз звонил Аличе, но ответа не получил. Дверь в ванную была открыта, внутри никого не видно, поэтому, если Аличе еще дома, она должна находиться в спальне. Может быть, что-то не давало ей ответить? Или кто-то... Пульс ускорился, когда Меццанотте на

цыпочках направился в комнату; его пальцы касались рукоятки «Беретты».

Несколько секунд он стоял неподвижно перед приоткрытой дверью. Света в комнате не было. Стояла тишина. Пытаюсь задержать дыхание, Рикардо медленно открыл дверь.

Аличе была там, одна. В полумраке, освещенном бликами уличных фонарей, она скорчилась на краю кровати, обхватив руками поджатые ноги и уронив голову на колени. Ее густые рыжие волосы отливали медью в полумраке комнаты. Когда она подняла мокрое от слез лицо и увидела темный силуэт, выделяющийся в освещенной рамке порога, то вздрогнула.

– Это я, – пробормотал Рикардо. – Я здесь.

Аличе ничего не сказала, даже не пошевелилась.

Когда он перевел взгляд на комод, стоявший у стены напротив кровати, над которым находилось основание беспроводного телефона, то увидел, как мигнул зеленый светодиод, сигнализирующий о наличии сообщений в автоответчике.

Меццанотте подошел к комоду и нажал кнопку прослушивания. Голос, раздавшийся после сигнала, был хриплым и глухим; вероятно, его искажал носовой платок, прижатый к динамику. Акцент был неразличим.

– Ты слишком много болтаешь, Меццанотте. Держи свою пасть закрытой и не вмешивайся в дела, которые тебя не касаются, если не хочешь, чтобы случилось что-то плохое. Мы следим за тобой, инспектор, за тобой и твоей рыжей шлю-

хой. Она хороша, да? Отличный зад... Интересно, как она им трясет, когда ее трахают? Возможно, нам захочется попробовать... Что скажешь; может, она захочет, чтобы ее хоть раз как следует оттрахали настоящие мужики, а не такой полудурок, как ты? Как по мне, так, похоже, ты просто не можешь... – Еще один сигнал оборвал сообщение по истечении отведенного времени.

Только когда запись остановилась, Меццанотте осознал, что во время прослушивания так сильно сжал кулаки, что ногти впились в ладони.

Несколько месяцев назад, когда начались эти угрозы, он обратился к следователю прокуратуры, который был назначен для расследования дела, основанного на его заявлении. Рикардо знал доктора Требески, уже имел возможность сотрудничать с ней, ценил ее и доверял. Именно поэтому он решил рассказать все, что знал. «Давайте посмотрим правде в глаза, инспектор: что бы вы хотели сделать? – сказала ему заместитель прокурора, поправляя на носу маленькие очки, придававшие ей вид угрюмого профессора. – Подать официальную жалобу? Ну и что с того? Вы потребуете защиты у полиции, а вам подсунут друга или сообщника обвиняемого... Нет, поверьте мне, я советую вам – и как судья, и как друг: самое лучшее для вас сейчас – это стиснуть зубы и терпеть. Предварительное расследование идет полным ходом, и обвинительное заключение уже составлено, не в последнюю очередь благодаря вам. Вскоре мы будем требовать вы-

несения приговора, и я не сомневаюсь, что в конечном итоге добьемся весьма сурового вердикта. Увидите, все кончится раньше, чем вы думаете. Кроме того, в конце концов, мы всё же говорим о полицейских, пусть и коррумпированных, а не о мафиози или каморристах. Я не верю, что они когда-нибудь выполнят свои угрозы, хотя не отрицаю, это, конечно, неприятно».

Меццанотте был не так уверен в этом. Он уже указал судье на то, что, возможно, расследование еще нельзя считать завершенным. Рикардо подозревал, что главарь банды скрылся. Среди арестованных по делу не было ни одного, кто обладал бы статусом лидера, и тот факт, что никто не дал соответствующих показаний, несмотря на огромное количество улик, говорит о том, что они надеялись на вмешательство кого-то, кто вырвался из сетей следствия и находится довольно высоко на иерархической лестнице. Но Требески, уверенная, что у нее на руках есть все необходимые козыри, была полна решимости продолжать. Рикардо ответил, что если какие-то детали еще не выяснены, то они выяснятся в ходе слушаний.

Хотя он не мог полностью разделить убежденность следователя прокуратуры в том, что те, кто угрожал ему, не перейдут от слов к делу лишь потому, что носят форму, учитывая то, что они уже доказали свою склонность к решительным поступкам, а также его оптимизм по поводу сроков и результатов судебного процесса, Рикардо не мог отрицать, что рассуждения Требески были здравыми.

Однако не из-за этого — или, по крайней мере, не только из-за этого — он наконец последовал ее совету. Заявить об угрозах, попросить о помощи означало бы показать себя слабым и испуганным — такой радости он ни за что на свете не хотел бы доставить своим преследователям, а также всем тем коллегам, которые считали его покрытым позором за то, что он осудил других полицейских.

Поэтому Меццанотте решил терпеть, хотя в то время и не представлял себе всего, что ему придется пережить, включая принудительный перевод из убойного отдела в «Полфер». Но если ситуация была сложна для него, что уж говорить об Аличе... Он познакомился с ней по возвращении в Милан, когда на его форме красовались новенькие знаки отличия заместителя инспектора. По окончании курсов повышения квалификации, на которые он был принят, одержав победу на внутреннем конкурсе, Рикардо был назначен в убойную часть Мобильного отдела при Главном управлении полиции на улице Фатенефрателли, в тот самый полицейский участок, где его отец долгое время был руководителем и, по общему мнению, лучшим человеком, когда-либо занимавшим эту должность. Дочь журналистки и университетского профессора, получившая степень по литературе с художественным уклоном, Аличе Дзанетти работала неполный рабочий день в художественной галерее в центре города, а в остальное время писала странные абстрактные картины, которые Меццанотте, так и не набравшись смелости признаться ей в этом,

находил ужасающими. Она понравилась ему с самого первого момента – не только потому, что была красива и восхитительно сексуальна, но прежде всего из-за беззаботной веселости, с которой воспринимала жизнь, типичной для человека, всегда жившего в тепличных условиях, не заботясь ни о чем на свете. Легкость Аличе была именно тем, чего не хватало ему самому на том этапе его жизни. Рикардо был молод, но успел повидать достаточно, и она частенько «помогала» ему улыбаться, своими пальчиками растягивая уголки его губ, чтобы он «не был таким букой» все время. И все между ними шло прекрасно – по крайней мере до тех пор, пока Требески не начала расследовать то, что он, после долгих колебаний, решил ей рассказать. Сначала Аличе поддерживала его, старалась быть рядом с ним, несмотря на его все более мрачное и непредсказуемо меняющееся настроение и склонность закрываться в трудные времена. Но когда начались телефонные звонки с угрозами и другие формы запугивания, все изменилось. Страшно напуганная и встревоженная, Аличе начала думать, что, может быть, им с Меццанотте придется оставить все как есть и отозвать все обвинения. Она не понимала и не разделяла упрямства, которое побуждало его двигаться вперед, несмотря ни на что, и начала обижаться на него, почти обвиняя его в том, что с ними происходит. Это дело было источником ожесточенных споров и ссор, которые в последнее время случались очень часто, отдаляя их друг от друга все больше и больше.

Однако до сих пор его преследователи никогда не обращались к Аличе напрямую. «Неудивительно, что ее это огорчило, – подумал Меццанотте. – Эти трусы заметили мое слабое место и теперь не стесняются его использовать». Он хотел сказать ей, чтобы она успокоилась, что все будет хорошо, что он позаботится обо всем, – но знал, что это будут лишь пустые слова. Он чувствовал себя бессильным, и не было более невыносимого для него душевного состояния.

Сбросив туфли, Рикардо лег рядом с ней и обнял ее. Аличе прижалась к нему, спрятав лицо на его груди и тихо всхлипывая. Они оставались так еще долгое время, в то время как снаружи, по мере наступления ночи, постепенно стихал шум транспорта, уступая место низкому, непрерывному гулу – дыханию спящего города. Тогда Аличе наконец успокоилась. Меццанотте почувствовал, как напряжение в ее теле спадает. Она подняла лицо, и он наклонился, чтобы поцеловать ее. Мягко, едва прикасаясь. А затем – с нарастающей страстью, по мере того как желание усиливалось, удивляя их обоих. Их охватило острое вожделение. Они начали нетерпеливо раздеваться. Лихорадочные руки расстегивали пуговицы, опускали молнии, тянули ткань, чтобы освободить плоть от одежды.

Несколько мгновений – и они уже обнажены, стоя на коленях на кровати напротив друг друга. Аличе, нежная и соблазнительная, груди большие и полные, талия тонкая, бедра широкие, молочно-белая кожа вся в веснушках. И он, худой

и крепкий, плечи немного узковатые, но рельефно-мускулистые и покрыты татуировками; среди них неизгладимое наследие его панковского периода – череп с «ирокезом»; символ «Красс»¹², состоящий из стилизованной змеи, обвивающей крест; великолепный грифон с распростертыми крыльями и слова «No Future»¹³ и «I Don't Need This Fucking World»¹⁴.

Рикардо взял грудь Аличе в руки и поднес к губам. Он ласкал ее соски, один за другим, вызывая у нее приглушенные стоны. Вздрогнул, почувствовав, как ее прохладные пальцы сомкнулись вокруг его члена. Когда он оказался над ней, Аличе подалась тазом вперед и вцепилась в его ягодицы, решительно направляя внутрь себя. Они занимались любовью с каким-то неутолимым бешенством, не открывая глаза и отчаянно цепляясь друг за друга, словно потерпевшие кораблекрушение на плавучем обломке. Оргазм пришел коротким, бурным приступом, который заставил их отстраниться друг от друга, словно от удара током. Они упали каждый на свою сторону кровати, обессиленные и задыхающиеся. Опустошенные.

В течение какого-то времени Меццанотте лежал неподвижно, уставившись в потолок. До тех пор, пока не заметил, что, лежа на боку рядом с ним в позе эмбриона, Аличе снова

¹² «Красс» – британская панк-рок-группа, образовавшаяся в 1977 г.

¹³ «Будущего нет» (англ.).

¹⁴ «Мне не нужен этот гребанный мир» (англ.).

тихо плачет. Он протянул руку, чтобы погладить ее по спине, сотрясавшейся от рыданий, но она резко отодвинулась.

* * *

Стоя в дребезжащем по рельсам трамвае, который мчался, раскачиваясь туда-сюда вместе с другими пассажирами, Лаура держалась за поручень, чтобы не упасть. Почти восемь часов, она точно не успеет к ужину вовремя. Соланж, должно быть, уже сидит за накрытым столом. Одна, потому что расписание отца и так было известно. Возможно, она пытается заглушить свой гнев, выпивая один бокал вина за другим. После утренней ссоры опоздание Лауры могло быть последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, но девушке было все равно. Она чувствовала себя измученной, но счастливой. Во время собеседования Раймонди изложил ей свою собственную историю, о которой Лаура уже читала статью в газете: трудное детство, бегство из дома в шестнадцать лет, пристрастие к наркотикам, сначала как потребителя, а затем и как дилера; первая отсидка в тюрьме, затем снова наркотики, грабежи и кражи, и так до нового ареста; в тюрьме – раскаяние и отчаяние, две попытки самоубийства; встреча с тюремным священником, благодаря которому он вновь обрел веру и волю к жизни; условно-досрочное освобождение, начало новой жизни, решение посвятить себя людям, отвергнутым обществом, и открытие Центра социальной по-

мощи при содействии миланской курии в большом помещении, бесплатно предоставленном железной дорогой. Затем Раймонди перепоручил Лауру нескольким волонтерам, которые подробно объяснили ей, как устроен Центр и в чем заключается их работа. Она сразу почувствовала себя принятой, без принуждения, и это особенно приятно удивило ее.

Погруженная в свои мысли, Лаура не обратила внимания на внезапное ощущение холода, от которого по телу пробежал озноб. Но именно так *оно* заявляло о себе, и Лаура хорошо это знала. Затем она почувствовала покалывание у основания шеи, как будто кто-то смотрел на нее. Сначала это был лишь едва ощутимый дискомфорт. Лаура попыталась отмахнуться от этого чувства, но ничего не получалось. И вдруг она почувствовала, что этот взгляд направлен прямо на нее; жадный и настойчивый, он скользил по ней, обволакивая ее всю. Он излучал чистое желание – ни следа привязанности или нежности, только жестокую, свирепую жажду обладания.

Только тогда Лаура начала тревожиться. Это случилось снова. Она была уставшей, на взводе. Отвлеклась – и позволила этому случиться. Все произошло так быстро, в считанные мгновения... Лаура закрыла глаза, прижала ладони к вискам и попыталась сосредоточиться, мысленно выстроить в своем уме стеклянный колокол, который она обычно постоянно держала вокруг себя, чтобы защититься, отгородиться от мира, – но было уже слишком поздно. Это чужое желание

уже преодолело все барьеры; девушка чувствовала его внутри себя, отталкивающее и непристойное, растущее, набухающее, расширяющееся с неудержимой яростью волны наводнения. Теперь это был уже не просто взгляд, а руки, ошупывающие ее, тыкающие, ползающие повсюду, от которых не было ни спасения, ни защиты.

Вместе с паникой поднялась тошнота. На лбу выступили бисеринки пота, дыхание стало прерывистым. Каждый раз вторжение чужих эмоций, ощущение их в собственном разуме и плоти, словно они были ее собственными, с точно такой же интенсивностью, было ужасным, шокирующим и сокрушительным опытом, к которому она никогда не сможет привыкнуть.

С сердцем, лихорадочно бьющимся в груди, почти желая выплеснуть его из грудной клетки, Лаура, как затравленный зверь, панически озиралась вокруг, под враждебно настроенными взглядами других пассажиров. Они, наверное, думали, что она сумасшедшая или наркоманка в ломке. Ей стало стыдно, но это было сильнее ее, она не могла себя контролировать. И тут заметила его. Он сидел в конце трамвая на одной из деревянных скамеек, одной рукой обнимая маленького шестилетнего мальчика, занятого ковырянием в носу; другая его рука небрежно лежала на плечах утонченной, надменной, рассеянной женщины. Мужчина смотрел на нее, скривив губы в самодовольной ухмылке. Это был он. Костюм и галстук под элегантным темным пальто, короткие

волосы того же оттенка серого цвета, что и его очки в стальной оправе, черный портфель между ног. Уважаемый менеджер, любящий семьянин. С виду. Но Лаура чувствовала, какие извращенные желания бурлили в нем, видела, какие отвратительные вещи он хотел с ней сделать, с чем играла его больная фантазия, пока он, спокойный и блаженный, сидел между женой и сыном. Она не могла поверить в то, что такие вещи могут доставлять кому-то удовольствие. Она не могла представить, что их вообще возможно *представлять*.

Ее желудок буквально выворачивало. Со спиной, покрытой ледяным потом, и горлом, сжатым так, что в него не пролезла бы и булавка, Лаура бросилась к дверям трамвая и, задышавшись от нехватки воздуха, схватилась за кнопку требования остановки. Она звонила и звонила, среди грязных и насмешливых взглядов и ворчания людей, пока водитель не остановился и не открыл ей.

Лаура как раз успела выскочить наружу, когда рвотные позывы заставили ее согнуться пополам. Сидя на корточках на тротуаре, опираясь одной рукой о стену, чтобы не рухнуть на землю, она извергла из себя все, что было в ее теле.

* * *

Ночной воздух был сырым и холодным, пронизанным дымкой, образующей желтоватые ореолы вокруг уличных фонарей. Меццанотте шел по тротуару, оставляя за спи-

ной опущенные ставни кебабных, телефонных центров, китайских парикмахерских, египетских продуктовых магазинов, южноамериканских ночных клубов. Виа Падова была не только одной из самых длинных улиц города – почти четыре километра от Пьяццале Лорето до порога Кашина Гобба, за пределами кольцевой дороги, – но и одной из самых многонациональных. Сложная реальность, полная противоречий и конфликтов, и в то же время чрезвычайно жизненная, которая очень нравилась Меццанотте. Было три часа, и вокруг ни одной живой души – за исключением нескольких редких автомобилей, которые проносились мимо, на мгновение ослепляя его своими фарами. Он встретил лишь небольшую группу уроженцев Магриба под арками железнодорожной эстакады, которые, несомненно, занимались какими-то темными делами. Когда он проходил мимо, они не сводили с него глаз, их лица были напряженными и мрачными.

Под капюшоном худи в его ушах на полной громкости звучала музыка в наушниках. Хардкор-панк, *его* музыка, та самая, которая несколькими годами ранее сопровождала его вплоть до грани самоуничтожения.

Ну что ж, всему приходит конец.
Черт, мы все умрем в конце концов,
Умрем в конце концов...

Голос Джелло Биафры, вокалиста группы «Дэд Кеннедиз», был злобным, безумным криком, который взлетал над

разрушительным хаосом музыки, превращая песню в звуковой эквивалент танка, сметающего все на своем пути. Меццанотте ускорил шаг, пытаясь подстроить свой пульс под этот сумасшедший ритм, хотя и был не в форме; его дыхание становилось тяжелым, а мышцы просили прекратить эти мучения.

Даже после того как Аличе наконец перестала плакать и уснула, Рикардо еще несколько часов лежал на кровати, не в силах заснуть; его голова была набита мрачными мыслями, кружившимися вокруг, клевавшими его мозг, как стервятники клюют падаль. В конце концов, больше не в силах это выносить, Рикардо бесшумно встал и вышел из комнаты. Он пропустил ужин и был голоден. Все еще обнаженный, съел ледяные остатки запеченной вегетарианской пасты, стоя перед открытым холодильником, затем влез в свой старый и рваный спортивный костюм, обулся в кроссовки и вышел в ночь. Даже после ухода из бокса Рикардо никогда полностью не прекращал тренировки. Отчасти потому, что некоторые привычки умирают с трудом – и вы становитесь зависимы от физических нагрузок, как от наркотика, – а отчасти потому, что заботился о поддержании физической формы. Но в последнее время он сильно отпустил себя. Не бегал и не ходил в спортзал уже несколько недель и с трудом мог вспомнить, когда в последний раз надевал перчатки. У него было ощущение, что он наблюдает за постепенным и неумолимым распадом своей жизни, не имея возможности сделать что-ли-

бо, чтобы предотвратить его. В некоторые моменты Рикардо был настолько полон разочарования и страдания, что, казалось ему, он вот-вот лопнет.

Это тупик

Тупик

Тупик

Тупик. Именно так он себя чувствовал: в тупике. И до сих пор не мог понять, как все могло так быстро пойти прахом. Всего шесть месяцев назад казалось, что все идет как по маслу. Из всех жизней, которые он прожил за свои двадцать восемь лет – Рикардо-хулиган, Рикардо-боксер, Рикардо-панк-рокер, Рикардо-полицейский, – именно эта последняя, самая маловероятная и неожиданная, учитывая его послужной список, та, которую он выбрал, чтобы удивить всех – и не в последнюю очередь самого себя, – после выхода из ямы боли, раскаяния и вины, в которую его ввергла внезапная смерть отца, оказалась правильной.

Благодаря тому что он внес решающий вклад в раскрытие дела Убийцы с кольцевой дороги, его считали не иначе как героем. Повышение до инспектора за выдающиеся заслуги пришло в рекордно короткие сроки, и в коридорах полицейского управления уже шептались, что в молодом Меццанотте можно увидеть задатки отца. Они с Аличе были влюблены друг в друга и решили начать жить вместе, и она временно

переехала к нему домой, ожидая, пока он найдет более подходящую квартиру. Возможно, в первый раз в жизни Рикардо чувствовал себя почти безмятежно, обманывая себя тем, что обрел некое подобие стабильности.

Но потом...

Я вошел в зал, где 26 июля 2002 года собралась оперативная группа по расследованию убийств. Я работал в Мобильном отделе Главного управления полиции Милана – подотдел убийств и преступлений против личности – всего несколько месяцев, только что закончив курс подготовки заместителей инспекторов. Я получил это повышение, выиграв внутренний конкурс после двух лет, проведенных за рулем в Турине. Большие, чем где-либо еще, там, на улице Фатенефрателли, где была создана легенда о моем отце, фамилия, которую я носил, была неудобным наследием. Я держался в тени и старался изо всех сил, чтобы развеять любые подозрения в фаворитизме и доказать фактами, что я заслужил это место. Я был немного сбит с толку, поскольку подозревал, что Дарио Вентури, бывший сотрудник и один из лучших друзей папы, приходившийся мне кем-то вроде дяди, замолвил словечко по поводу моего назначения. Он был заместителем комиссара, фактически вторым человеком в миланской полиции, и, если б захотел, для него это не было бы проблемой.

В городе уже несколько дней стояла духота, и, как будто этого было недостаточно, с системой кондиционирования воздуха в управлении полиции было что-то не в порядке и она работала с перебоями. В переполненном помещении опе-

ративной группы витали в воздухе запах пота и уныние.

Весной, с разницей в сорок дней, в Милане были найдены тела двух женщин, обе со смертельными ножевыми ранениями. Убийца с яростью набрасывался на них, а затем наносил смертельный удар в горло, перерезая сонную артерию. На телах также были обнаружены следы сексуального и физического насилия. Первоначальное расследование показало, что они были иностранными проститутками без вида на жительство и что их исчезновение произошло за несколько дней до того, как их тела были найдены. Следовательно, они должны были содержаться где-то, отдельно друг от друга, человеком, который затем убил их и избавился от тел. При вскрытии были обнаружены следы седативных препаратов. По мнению судебного медэксперта, вполне вероятно, что большую часть времени пребывания в плену жертвы провели в полубессознательном состоянии или в состоянии обморока. Поиск по предыдущим делам привел к выявлению двух других убийств с весьма схожими характеристиками, которые произошли в течение года в таком временном диапазоне, что до этого момента их не связывали воедино. Среди совпадений было и то, что все жертвы были найдены на обочинах кольцевой дороги, а работали они, как правило, в близлежащих районах. Мотивом убийств, безусловно, были не деньги, поскольку из сумок, найденных рядом с трупами, деньги не изымались. Вместо этого убийца, вероятно, коллекционировал вещи своих жертв: под одеж-

дой убитых «ночных бабочек» не было нижнего белья, и у каждой из них были отрезаны пряди волос.

Все указывало на то, что этот тип был серийным убийцей, и имелись все основания опасаться, что вскоре он нанесет новый удар. Как только дело получило широкую огласку, средства массовой информации тут же подхватили его, и вскоре неизвестного маньяка окрестили «Убийцей с кольцевой дороги».

Под усиливающимся давлением прессы 28 июня управление полиции создало оперативную группу, в которую вошли — для улучшения межведомственного сотрудничества — не только прокурор, координирующий расследование, сотрудники и агенты отдела убийств, но и представители Корпуса карабинеров и Финансовой гвардии, а также консультант, направленный СПАНП, специальным подразделением по анализу насильственных преступлений, созданным несколькими годами ранее в составе Государственной полиции с целью оказания поддержки следственным органам и судебным властям в расследовании серийных преступлений.

Дело с самого начала оказалось непростым. Убийца предусмотрительно избавился от мобильных телефонов жертв сразу после того, как завладел ими. На телах проституток и на их личных вещах были обнаружены следы спермы, другие органические остатки и отпечатки пальцев. ДНК и отпечатки пальцев были одинаковыми у всех жертв, и это безусловно подтверждало, что их убил один и тот же

человек, но их не было ни в одной полицейской базе данных, поэтому личность убийцы выяснить не удалось. Изучение записей с камер видеонаблюдения, найденных вблизи мест похищения проституток и обнаружения их тел, не дало никаких результатов. Допросы друзей и знакомых жертв, если удавалось разыскать таковых, их сутенеров и проституток, работавших в тех же районах, оказались пустой тратой времени: много «я не знаю», «я не видел» и горстка неясных и противоречивых показаний. По словам профайлера СПАНП, если кольцевая дорога была местом охоты убийцы, то это потому, что он хорошо ее знал и ему было удобно по ней передвигаться, поэтому появилось предположение, что места преступлений были связаны с работой, которой занимался убийца. Рассмотрели различные варианты: пассажиры, таксисты, водители грузовиков, водители доставки, санитары «скорой помощи», уборщики мусора, – но таких людей было слишком много, чтобы даже составить полный список, не говоря уже о том, чтобы навести о них справки. Что касается чрезвычайных патрулей и контрольно-пропускных пунктов, установленных вдоль кольцевой дороги, то они ни к чему не привели. Ведь трасса, что образована Западной обьездной дорогой, Восточной обьездной дорогой, внешней Восточной обьездной дорогой и Северной обьездной дорогой, была крупнейшей системой городских автомагистралей вокруг города, асфальтовым кольцом, полностью окружавшим Милан на протяжении более ста ки-

лометров, по которому ежедневно проезжали десятки тысяч автомобилей. Для ее эффективного патрулирования не хватило бы и всех полицейских города.

Короче говоря, расследование зашло в тупик, и среди следователей начали появляться опасения, что если убийца не допустит какой-либо ошибки или неосторожности, его никогда не поймают.

Затем, 22 июля, через месяц после предыдущего случая, нашли еще одну мертвую «ночную бабочку». Труп был обнаружен на улице Кусаго, под эстакадой западного участка кольцевой дороги, автомобилистом, который позвонил в городскую полицию. Лорета Валла, двадцати трех лет, албанка по национальности, обычно занималась проституцией возле развязки Линате и Восточной кольцевой дороги. О ее исчезновении не было заявлено, но установили, что о ней ничего не было слышно в течение восьми дней. Способ убийства – тот же самый. Не было никаких сомнений: по всем признакам, она должна была считаться пятой жертвой Убийцы с кольцевой дороги.

Журналисты пришли в ярость: на первых страницах газет и в новостях правоохранные органы прямо обвинялись в инертности и некомпетентности, а Милан описывался как незащищенный и опасный город, брошенный на произвол судьбы. Именно тогда оперативная группа была усилена, и я, в числе прочих, тоже вошел в ее состав.

Помимо шумихи в средствах массовой информации, сле-

дователей особенно беспокоил тот факт, что в процессе расследования убийств неуклонно сокращались как периоды, в течение которых убийца держал свою жертву в плену, так и промежутки времени между обнаружением одной жертвы и исчезновением следующей. Как объяснил консультант СПАНП, эмоциональный интервал, который в таких случаях проходит между одним убийством и следующим, то есть время, необходимое для того, чтобы временно удовлетворенный импульс убийства проявился снова, сокращался. Убийца наслаждался вкусом крови и теперь уже не мог без нее обходиться, она стала для него наркотиком. И, как наркоману, ему требовались все большие и частые дозы, чтобы почувствовать удовлетворение. Короче говоря, следовало ожидать, что он не только продолжит убивать, но и что будет делать это все чаще и чаще.

По всем этим причинам 26 июля напряжение в зале заседаний было ощутимым. Офицер, возглавляющий отдел по борьбе с убийствами, комиссар Альтъери, вкратце рассказал новичкам о развитии событий в деле и различных зацепках, накопленных следователями. Воротник его рубашки был растянут, галстук ослаблен, и он явно был настроен мрачно. Накануне комиссар полиции вызвал его вместе с начальниками Мобильного и убойного отделов к себе в кабинет, и, несмотря на закрытую дверь, крики раздавались по всему этажу. Помощник прокурора Кристина Требески бесстрастно внимала ему. Она походила на сфинкса в своем

строгом, сером костюме, застегнутом на все пуговицы. Она даже не потела, судя по всему.

Затем консультант СПАНП составил психологический профиль убийцы, обновленный после того, как была обнаружена последняя жертва. Я не мог не заметить, что он был молод и нервничал, слишком много жестикулировал, а его голос периодически срывался на фальцет. Он произвел на меня впечатление компетентного, но неопытного человека, который сталкивался с большим количеством серийных убийц в книгах и гораздо меньшим – в жизни.

– Наш объект – одинокий, относительно организованный хищник. Он действует в одиночку, планирует и осуществляет свои преступления с ясностью и самообладанием. Он всегда выбирает жертв одного и того же типа, которые имеют для него особое значение. Это малоподвижный убийца, хотя у него довольно широкий радиус действия, а его техника охоты – орлиная: он бродит по своей территории – кольцевой дороге, – пока не заметит добычу, а поймав ее, уносит в гнездо – скорее всего, в свой дом, – где мучает ее, прежде чем убить. Он забирает фетиши и трофеи у своих жертв, и я бы не удивился, если он также фотографирует их во время заточения.

Мы можем предположить, что это белый гетеросексуальный мужчина итальянской национальности в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Обладая хорошим интеллектом, хотя и низким или средним уровнем образования, он

не имеет семьи и работает на неквалифицированной работе с низким уровнем ответственности. Короче говоря, это внешне нормальный человек, интегрированный в общество, даже если он ведет уединенное и одинокое существование.

Что касается его личности, то это замкнутый и сложный человек. У него было трудное детство, отмеченное какой-то травмой и, возможно, слишком репрессивным воспитанием. Его социальная жизнь чрезвычайно бедна из-за фундаментальной неспособности общаться с другими людьми, особенно с женщинами, по отношению к которым он испытывает сильное чувство неполноценности. Тот факт, что его сперма была обнаружена в полости рта и на телах убитых женщин, но не во влагалище, говорит о том, что он импотент. В этом контексте неудивительно, что в качестве мишени он выбирает проституток. На самом деле они являются особенно легкой добычей, и он, по всей вероятности, является их постоянным клиентом.

Убийство доставляет ему сильное удовольствие, а также волнующее чувство власти и контроля. Также, безусловно, присутствует элемент символической мести женщинам в целом. Их убийство для него – это форма мести, способ, который он нашел для утверждения своего превосходства и мужественности. Только уничтожая их, он восстанавливает свою самооценку. Значимым в этом смысле является использование ножа, который приобретает значение замены пениса – не преуспев со своим половым орга-

ном, он проникает в них лезвием, — а также тот факт, что раны, которые он наносит, сосредоточены на груди и лобке, как будто он хочет уничтожить саму суть женственности.

Все это было чрезвычайно интересно, но в целом имело мало практической пользы. Если говорить конкретнее, то это не давало никаких новых подсказок следствию и не способствовало сужению списка возможных подозреваемых, который на тот момент был настолько широк, что стадиона «Сан-Сиро» не хватило бы, чтобы вместить их всех.

Мне, новичку в отделе по расследованию убийств, было поручено координировать работу небольшой группы агентов, отвечавших за сбор телефонных сообщений, которые день ото дня с возрастающей скоростью поступали в штаб-квартиру полиции. Наша задача состояла в том, чтобы отсеять их и передать следователям оперативной группы только те, которые не были явно необоснованными и заслуживали дальнейшего расследования. С первых дней мы собрали богатый ассортимент сумасбродов и мифотворцев. Среди них полезных — ноль.

Несмотря на то что общий климат был не самым лучшим и я не принимал непосредственного участия в следственных действиях, я был счастлив и рад возможности участвовать в таком важном расследовании. Это дело меня заинтересовало, и я, как только мог, изучал досье, ко-

торое к тому времени состояло из нескольких папок, часто оставаясь в управлении полиции после окончания смены. Я также раздобыл материалы ФБР и исследования о серийных убийцах, которые читал дома по ночам, пока глаза не закрывались, а мозг не отключался, чему Аличе, с которой у меня в то время все только начинало становиться серьезным, была совсем не рада.

Я начал понимать, насколько сложны расследования серийных убийств. У преступника нет четкого и ясного мотива, и никакие прямые отношения не связывают его с жертвой, поэтому, в отсутствие свидетелей, у следователей не остается ничего, кроме информации и улик, которые они могут получить при осмотре мест преступления и тел жертв. В нашем случае было только последнее, поскольку мы понятия не имели, где действовал убийца.

Прошло около десяти дней, в течение которых зной не давал городу передышки, а расследование не продвинулось ни на шаг. Среди членов рабочей группы, измученных жарой и стрессом, распространилось чувство недоверия. Однажды вечером, закончив просмотр дневных отчетов, я снова стал читать досье расследования. Я читал список личных вещей в сумочке Лореты Валлы, которую убийца, как обычно, предусмотрительно оставил рядом с трупом, когда наткнулся на описание одного из найденных предметов: связка ключей, на которой были следы крови. Ничего странного, на первый взгляд. Жертва была зарезана, и кровь принадлежа-

ла ей, криминалисты проанализировали ее. С другой стороны, сама сумочка была залита кровью. Так что же вдруг привлекло мое внимание именно к этой детали? Я думал об этом, пока в моем сознании не сформировался вопрос: если ключи были в сумочке, то как они могли испачкаться? Они действительно принадлежали Валле, и я не мог представить ни одной правдоподобной причины, по которой она или убийца должны были взять их в руки в момент убийства. Мне хватило одного краткого изложения списка, чтобы подтвердить, что связка ключей была единственной среди предметов, содержащихся в сумке, в связи с которыми упоминались следы крови.

Гораздо более способные и опытные полицейские, чем я, уже просмотрели этот список, так что, вероятно, это было «пустышкой», но что-то тут не вязалось, хотя я не мог точно объяснить, что именно. Я проверил все досье на убитых проституток: в двух других случаях – во втором и четвертом – в списках личных вещей упоминались пятна крови на ключах, найденных в их сумках. Затем отыскал фотографии сумочек жертв и внимательно изучил их одну за другой с помощью лупы. Когда я наконец оторвался от фотографий, сердце у меня в груди забилось быстрее. Однако, прежде чем предаваться ликованию, я решил на всякий случай проверить сами объекты. Когда же вернулся из комнаты для хранения улик, у меня большие не было сомнений. Как бы я ни был удивлен и ни верил, я действительно кое-что об-

наружил: пятна крови были на всех пяти связках, а не только на трех (в двух случаях составитель списка забыл упомянуть их из-за спешки или небрежности), но их можно было найти именно на одном ключе, меньшем, чем остальные, одинаковом в каждой связке по марке и модели. Пять совершенно одинаковых ключей, которые в каждой сумке были единственным предметом, испачканным кровью. Случайности или совпадения быть не могло: эти ключи там оставил убийца.

У меня было искушение немедленно позвонить кому-нибудь и рассказать о своем открытии, но к тому времени уже перевалило за полночь, и в управлении полиции не было ни души. Кроме того, я решил, что, прежде чем говорить об этом, лучше подумать еще немного с холодной головой, дабы быть полностью уверенным, что я не совершил ошибку, и не рисковать выставить себя дураком. Вернувшись домой, я не мог заснуть, несмотря на сильную усталость, — отчасти потому, что все еще был на взводе, отчасти из-за невыносимой жары. Я продолжал думать о ключах. Если убийца положил их туда нарочно, для него они были важны, что-то значили. Но что именно? Я понятия не имел, но в то же время эти проклятые ключики всколыхнули смутные и путаные воспоминания, которые плавали за краем моего сознания, не давая мне возможности сосредоточиться на них. Это было досадное чувство, подобное тому, что испытываешь, когда слово вертится на кончике языка, но ты

никак не можешь его вспомнить.

И только посреди ночи, после нескольких часов, проведенных в постели в поту, когда я уже почти заснул, меня посетило озарение: Синяя Борода! Именно там я услышал о нем – в одной из сказок Перро, которую одна из бесчисленных нянек, нанимаемых отцом для моего воспитания, прочитала мне в детстве, расстроив меня так сильно, что несколько недель мне снились кошмары.

Сказки Перро тем не менее должны были быть у меня дома – я никогда не выбрасывал книги своего детства. Если я правильно помнил, они лежали где-то на чердаке, в коробке. Мне потребовалось некоторое время, но в конце концов я нашел этот том и перечитал сказку.

Синяя Борода был очень богат, но его синяя борода делала его таким страшным, что женщины сторонились его, тем более что в прошлом у него были жены и никто не знал, что с ними случилось. Впечатлив одну девушку своим богатством, он все же сумел жениться на ней. Однажды, вынужденный уехать по делам, он оставляет жене связку со всеми ключами от своих владений. Есть только один, которым ей запрещено пользоваться, иначе она навлечет на себя его гнев, – маленький ключ, открывающий небольшую комнату на первом этаже. Дама из любопытства открывает маленькую дверь в запретную комнату, где на стенах висят разрубленные тела предыдущих жен Синей Бороды. От испуга ключ выскальзывает из ее руки и оказывается на

полу в луже крови. Поскольку ключ заколдован, стереть с него кровь девушке никак не удастся, поэтому по возвращении, увидев окровавленный ключ, Синяя Борода обнаруживает непослушание своей жены и решает убить ее, так же как и своих прежних жен. В последний момент ее, разумеется, спасут братья, убив Синюю Бороду.

Серийный убийца проституток, очарованный сказкой о серийном убийце? Это могло иметь смысл. И при ближайшем рассмотрении тот факт, что оба они убивали женщин, – не единственное сходство между нашим случаем и историей, рассказанной Перро. Подобно тому как девушка выходит замуж за Синюю Бороду ради его богатства, проститутки пошли с убийцей за деньги. И орудие убийства было таким же: наш парень тоже использовал нож, и он прикончил своих жертв, перерезав им горло.

На следующее утро, в начале собрания, я поднял руку, как в школе, и немного неуверенным от волнения голосом рассказал о том, что обнаружил. Мои слова были встречены недоуменными взглядами и раздраженным бормотанием – «смотри-ка, кто заговорил», читалось в них, – но все же они дали мне договорить. Когда я закончил излагать свою теорию, они вынуждены были со мной согласиться: окровавленные ключи в сумочках жертв оказались не случайно: это дело рук самого убийцы. Этот новый след вернул целевой группе проблеск уверенности и оптимизма. Комиссар Альтъери немедленно направил несколько человек для про-

работки этой темы. Моя интерпретация того, что в ключах была скрыта отсылка к сказке Перро, вызвала некоторый скептицизм. В целом ее посчитали притянутой за уши и слишком заумной. Только консультант из СПАНП повел себя адекватно, заявив, что это рабочая гипотеза, которую нельзя сбрасывать со счетов, пусть она и не кажется самой вероятной.

Энтузиазм по поводу новой подсказки, к сожалению, был недолгим. На ключах были обнаружены отпечатки пальцев убийцы, но оказалось, что они открывали очень распространенную и дешевую модель замка, которая продавалась в любом из магазинов товаров для дома и супермаркетов города. Невозможно отследить такие до одного покупателя. Это был еще один тупик. Что касается моей веры в то, что убийца был каким-то образом вдохновлен историей о Синей Бороде, неважно, правдивой или вымышленной, я должен был признаться себе, что в данный момент это не поможет направить расследование в какое-либо определенное русло. Мы продолжали бродить в темноте на ощупь.

Седьмого августа, в четыре утра, раздался телефонный звонок, проливший свет на истинное положение вещей. Я ответил, даже не открывая глаз, нащупав телефон на прикроватной тумбочке. Звонили из участка. Всех членов оперативной группы вызывали на срочное совещание.

– Когда? – только и сумел пробормотать я, пытаюсь проснуться.

– Сейчас. Немедленно, – был сухой ответ, за которым последовал щелчок прерванной связи.

Полчаса спустя я ждал в зале заседаний вместе с десятками других полицейских, неумытых, заспанных, одетых как попало, небритых и нечесаных. Обмениваясь недоуменными взглядами и обеспокоенным шепотом, мы напряженно ждали. Никто не имел ни малейшего представления о том, что произошло. Было известно лишь то, что комиссар Альтъери и его заместитель Требески находятся в офисе комиссара полиции вместе с другими крупными шишками и прибудут как можно скорее, чтобы ввести команду в курс дела.

Мы ждали почти час. Когда Альтъери и Требески появились в дверях, первые лучи очередного палящего дня уже озяряли небо за пыльными стеклами окон. Комиссар казался растерянным и, по сравнению с тем, когда я впервые увидел его в комнате оперативной группы, менее чем за две недели до этого, выглядел лет на десять старше. Неудивительно, что теперь под ним буквально горело кресло, а дело, которое, вероятно, должно было стать венцом его карьеры, почти стало его погибелью. Даже всегдашняя невозмутимость Требески начала давать трещины.

На этот раз она заговорила первой. В свете ее рассказа серьезность произошедшего и его последствия для расследования сразу же стали очевидны для всех.

Ночью, около часа ночи, Матильда Бранци, 26 лет, гражданка Италии, проживающая в Милане, попала в аварию

на своем автомобиле на Северной окружной дороге. Последним, с кем она говорила, был ее отец, которому Матильда позвонила, чтобы предупредить его, сказав, чтобы тот не беспокоился, что она как-нибудь справится и в крайнем случае вызовет эвакуатор. Мужчину, вдовец со слабым здоровьем, вернулся в постель. Он проснулся около трех часов ночи, угнетенный ужасным предчувствием; безуспешно пытался связаться с дочерью и по мобильному телефону, и по стационарному телефону в ее доме. Глубоко обеспокоенный, он позвонил своему брату, правоцентристскому советнику в городском совете Милана. Тот позвонил мэру, который поднял на ноги самого комиссара полиции. Была отправлена патрульная машина, обнаружившая брошенный на обочине автомобиль с включенными аварийными сигналами, поднятым капотом и одной распахнутой дверью. Сама же Матильда Бранци бесследно исчезла. Нельзя было быть абсолютно уверенным, но гипотеза о том, что женщина была похищена Убийцей с кольцевой дороги, должна была восприниматься серьезно. На месте похищения уже работали криминалисты, и оставалось надеяться, что они отыщут улики, полезные для расследования.

Если это действительно была работа нашего объекта, — а лично я не сомневался, что это так, — для нас, сотрудников правоохранительных органов, это была катастрофа. Стоило бы этой новости просочиться в окружающий мир, и мы все очутились бы в аду. СМИ обрушились на полицию,

когда жертвами чудовища стали нелегальные иммигранты, более того, проститутки. Теперь же, когда преступник выбрал в качестве жертвы итальянку из хорошей семьи, с нас заживо содрали бы кожу. С этого момента образ Милана как «города в тисках террора» уже нельзя было считать просто журналистским преувеличением. Кроме того, поскольку Бранци была племянницей городского советника, на нас давили бы еще и политики. В таких условиях работать было бы совершенно невозможно.

Еще большие поводов для беспокойства добавил молодой профайлер, который тем временем прибыл, сжимая в руках несколько смятых листков бумаги. Прежде всего он заявил, что убежден, что за этим похищением стоит именно наш маньяк, который, становясь все более наглым, по мере того как обретал уверенность в своих силах, воспользовался неожиданной возможностью. Затем сообщил нам о результатах некоторых своих расчетов. Матильда Бранци, указал он в своих записях, исчезла через шестнадцать дней после обнаружения тела Лореты Валлы, что на шесть дней меньше, чем время, прошедшее между обнаружением четвертой жертвы и похищением самой Валлы. Это подтверждает его теорию о том, что эмоциональный интервал между преступлениями неуклонно сокращается.

Албанская проститутка оставалась в руках монстра в течение восьми дней, прежде чем была убита, в то время как заключение предыдущей жертвы длилось двенадцать

дней. Учитывая это, по его расчетам, тело Матильды Бранци должны были найти в течение пяти-шести дней, не более.

Седьмое августа казалось бесконечным. Жара стояла, пожалуй, еще хуже, чем в предыдущие дни: влажность была такой, что воздух приобрел водянистую консистенцию. Как только средства массовой информации начали распространять новости, коммутатор полицейского управления сошел с ума, и моя команда и я были буквально завалены телефонными звонками.

Тонкая нить, за которую цеплялись все надежды, а именно что Убийца с кольцевой дороги не имеет отношения к исчезновению женичины, оборвалась около полудня: его отпечатки пальцев были найдены на капоте автомобиля. К сожалению, это было практически все, что криминалисты смогли обнаружить на месте похищения.

В головах членов оперативной группы начал раздаваться зловещий тикающий звук; он означал, что время, оставшееся Матильде Бранци до того, как монстр зарежет ее, практически вышло.

В конце судорожного и безрезультатного дня Альтъери, выглядевший к этому моменту как человек, которого только что переехал грузовик, появился в зале заседаний и объявил о мерах, принятых на самом верху: на следующий день начнется масштабный розыск с совместной мобилизацией элементов полиции, карабинеров, финансовой служ-

бы и даже контингента военных, предоставленных армией. Она включала дорожное и воздушное патрулирование, контрольно-пропускные пункты, обыски и поголовные допросы потенциальных подозреваемых.

Операция началась на следующий день на рассвете, но, как ни впечатляюще было развертывание людей и средств, она навела меня на мысль о тщетных метаниях вслепую, о шаге, рожденном скорее отчаянием, чем продуманной стратегией расследования, принятой скорее ради сценографического эффекта, который он мог произвести на СМИ и общественное мнение, чем ради реальных шансов на успех. Рев трех вертолетов, которые начали летать над городом, возможно, звучал успокаивающе для ушей горожан, но вряд ли он мог принести пользу Матильде Бранци или оказать реальную помощь в расследовании. Что касается обысков и допросов лиц, вытащенных более или менее наугад из большого котла возможных подозреваемых, то шансы на то, что убийца тоже попадет в сети, были ненамного выше, чем шансы стать миллионером, играя в телеигре. Это дело превращалось в «Титаник», и началась фаза «каждый сам за себя». Никто больше не пытался привести корабль в порт – все судорожно искали шлюпку или спасательный круг, чтобы спасти свои задницы.

В те суматошные часы чертовы ключи и их возможная связь со сказкой о Синей Бороде канули в Лету. Возможно, только потому, что это была моя идея, я, с другой сто-

роны, оставался убежден в том, что, даже если мы пока не знаем, как решить задачу, эти ключи представляли собой единственное настоящее окно в сознание убийцы, единственный след, который мог привести нас к нему.

Во все более редкие свободные минуты на работе, а затем и дома, отрываясь от Аличе, еды и сна, я продолжал читать и перечитывать эту сказку, пока не начинали слезиться глаза, пока слова не расплывались в голове, потеряв всякий смысл. То, что я испытывал к этому делу, уже нельзя было назвать просто увлечением. Я не думал ни о чем другом, для всего остального не было места. Я начинал лучше понимать своего отца – его полную, чуть ли не болезненную преданность работе, из-за которой он по нескольку дней не бывал дома, а когда был там, становился рассеянным и отсутствующим, – и обнаружить, что я в чем-то похож на него. Это было чем-то, что одновременно пугало меня и приносило странное утешение.

Читая текст Перро, я изо всех сил старался поставить себя на место убийцы, проникнуть в его мысли. Я пытался понять: что же так глубоко затронуло его, что он отождествил себя с главным героем? Конечно, оба они убивали женщин, но достаточно ли этого? Если наш объект действительно был очарован этой сказкой, то, скорее всего, его интерес к теме возник еще до того, как он начал похищать и убивать проституток – возможно, в детстве, – и, если уж на то пошло, именно это навело его на подобную мысль,

подсказало ее.

В начале повествования было одно предложение, на котором я каждый раз задерживался, прежде чем возобновить чтение, с ощущением, что от меня что-то ускользает. «У этого человека, на его несчастье, была синяя борода, и это делало его таким уродливым и страшным, что не было девушки или замуженной женщины, которая, увидев его, не убежала бы в страхе...»

Еще один день прошел безрезультатно, и я никак не мог выбросить из головы мысль о том, что, пока мы тратим драгоценные силы и ресурсы на эту мощную, но бесполезную фронтальную операцию, Матильду Бранци, скорее всего, пытается монстр.

Днем 10 августа я снова ломал голову над Перро. Внезапно с моих глаз словно сдернули пелену. В своем профиле консультант СПАНП описал убийцу как сложного человека, неспособного наладить нормальные отношения с женщинами, поэтому он стал постоянным клиентом проституток. Я наконец-то понял, в какой детали он мог узнать себя, которая, должно быть, вызвала в нем резонанс задолго до того, как он начал убивать, заставив его отождествить себя с главным героем сказки: у него тоже, как у Синей Бороды с его бородой, было что-то, что уродовало его лицо – шрам, ожог или что-то еще, – чего он стыдился и что делало его непривлекательным в глазах противоположного пола.

Правда, пока не было ничего конкретного, что бы под-

твердить мою гипотезу. Это была всего лишь догадка, но она вызвала у меня то же чувство, которое испытываешь, собирая пазл, когда ставишь на место кусочек, который наконец-то позволяет увидеть всю картину, после чего, как по волшебству, все остальные кусочки сами находят свое место.

На этот раз я не стал дожидаться, пока все обдумаю, чтобы укрепить свое убеждение. Время было тем ресурсом, которого у нас не оставалось. Я бросился в кабинет Альтьери. Секретарша попыталась остановить меня, но я проигнорировал ее и распахнул дверь. Я нашел комиссара вместе с заместителем прокурора Требески. Я не мог не задать вопросом, изучали они там новые стратегии расследования или решали, как спасти свои должности и задницы. В этом отношении обратный отсчет шел не только для бедной Матильды Бранци, но и для них. В квестуре ходили слухи, что Виминал¹⁵ вот-вот снесет несколько голов. И не было бы странным, если б Генеральная прокуратура также обдумывала подобный шаг. В случае смерти Бранци возникала острая необходимость в козлах отпущения для СМИ и общественности, и эти двое были одними из идеальных кандидатов.

Прежде чем они успели открыть рот, я в нескольких взволнованных словах объявил им обоим о своей убежденно-

¹⁵ Виминал – древний холм в Риме, на котором сейчас находится Министерство внутренних дел Италии.

сти в том, что убийца назвал себя Синей Бородой, потому что был обезображен. Комиссар едва слушал меня; на его лице отчетливо читалось раздражение, смешанное с отвращением. Он уже собирался выгнать меня, но Требески оставила его, положив ладонь на его руку, и попросила меня объясниться попонятнее. Я постарался повторить то, до чего дошел, как можно более обстоятельно.

– Потрудитесь объяснить, заместитель инспектора, на каких фактах вы основываете эту вашу теорию? – наконец спросил меня комиссар. И на мой ответ, что я догадался, прочитав сказку Перро глазами убийцы, он саркастически выпалил: – Сегодня утром я отклонил предложение о помощи одной провидицы, которая утверждала, что находится в контакте с духами жертв монстра; так что же, теперь я должен полагаться на ваши паранормальные идеи?

Но следователь прокуратуры не согласилась с ним. Не знаю, сделала она это, потому что действительно была убеждена или просто из отчаяния, но она сказала Альтъери, что моя теория согласуется с психологическим профилем убийцы, и что в любом случае в нашем положении не стоит отвергать эту гипотезу; нужно проверить ее. Она так настаивала, что комиссар неохотно согласился дать мне двух человек и сорок восемь часов.

Уходя, я не сомневался, что главной заботой прокурора по-прежнему является раскрытие дела. Поддерживая меня перед Альтъери, Требески также поставила на карту свой

авторитет, и этим она заслужила мое уважение и благодарность.

В тот же вечер я приступил к работе. Вместе с двумя офицерами, которые были назначены мне, мы начали прочесывать все известные зоны проституции в окрестностях кольцевой дороги, начиная с тех, где были найдены жертвы монстра. Если нам повезет, то, допросив как можно больше «ночных бабочек», мы найдем кого-нибудь, напоминающего клиента с изуродованным лицом. Поскольку те, кто был выслушан на ранних стадиях расследования, были крайне немногословны, я решил, что мы не должны представляться полицейскими. В штатском, на машинах без опознавательных знаков, мы вместо этого притворялись журналистами, которые вели расследование убийств монстра. Это сделало бы показания женщин неприемлемыми в качестве доказательства в суде, но в данном случае я полагал, что цель оправдывает средства. Время заканчивалось, в течение нескольких дней убийца прикончил бы свою пленницу, и если бы мне удалось обнаружить что-то, что позволило бы спасти ее, я сомневался, что меня будут ругать за то, что я сделал это, не следуя процедурам.

Через два дня моя идея уже не казалась такой яркой, а убежденность в том, что я на правильном пути, постепенно гасла. Мы без устали носились туда и сюда по кольцевой дороге в удушающую жару, допрашивая сотни проституток. До сих пор нам не удалось выманить зверя из но-

ры, а времени оставалось все меньше и меньше. Было одиннадцать часов вечера 12 августа. Мы с двумя офицерами остановились на дороге, где встретились для подведения итогов. На карте города, лежащей на капоте моей машины, в свете уличного фонаря, среди роя насекомых, я отметил последние участки, которые обошел каждый из нас, и мне нужно было решить, что делать дальше. Я чувствовал себя подавленным и удрученным, желудок болезненно сжимался. Если расчеты профайлера были верны, обратный отсчет для Матильды Бранци завершался, ее могли убить в любой момент. Оба агента были готовы идти до конца, но до какого конца? Если к тому времени мы ничего не нашли, то, скорее всего, искать было нечего. Моя идея была неудачной, так что стоило признать это. Я обманывал себя, думая, что моя интуиция нащупала верный путь, я, новый член команды, состоящей из лучших полицейских в городе, — но это было не так.

Пришло время сдатьсь. Я пытался, но все пошло не так. Я отправил двух офицеров домой с рекомендацией хорошо выспаться и сел в машину. Я и сам не преминул бы воспользоваться этим советом: в последние несколько дней я не спал больше пары часов подряд, но не думал, что смогу сейчас это сделать, поскольку знание о том, что это могут быть последние часы жизни Матильды Бранци, продолжало терзать мой мозг.

Я съехал с кольцевой дороги и двигался по темной доро-

ге, окруженной пятнами неопрятной растительности, за комплексом жилых домов, когда заметил одинокую проститутку, ожидающую в луче уличного фонаря Я поймал себя на мысли о том, что это была бы идеально легкая добыча, и эта мысль неприятно поразила меня. Господи, да я начал думать как убийца!

Я как раз проехал мимо нее, когда внезапный импульс заставил меня остановиться и включить задний ход. Еще до того, как полностью осознал это, я уже был напротив нее и опускал стекло. Это было сильнее меня, очевидно, – я просто не мог это оставить.

Женщина была нигерийкой неопределенного возраста, с гладкой темной кожей и стройным телом, облаченным в яркое платье-футляр. Представившись журналистом, который следит за историей Убийцы с кольцевой дороги, я задал ей ряд банальных и безобидных вопросов, почти случайным образом переключив разговор на интересующую меня тему – клиента, который был чертовски уродлив. «Да», – ответила проститутка, а я постарался не выдать своего ликования. «Его лицо, – сказала она, – было просто ужасным – таким, будто его специально изуродовали». Она ходила к нему несколько раз, и он всегда был добрым и щедрым. Обычно она просто немного работала руками и ртом, потому что он никогда не был достаточно твердым, чтобы трахнуть ее. Пару раз, после безуспешных попыток, он разрыдался – и его чудовищное лицо уткнулось ей между си-

сек. Она не видела его уже несколько месяцев, и нет, она не знает ни его имени, ни где он живет; они всегда делали все это на старом матрасе, который он держал в кузове своего фургона. Женщина понятия не имела о марке или модели, а что касается цвета, то она была уверена, что он зеленый. Да, может быть, логотип или надпись на боках и были, но это просто не отложилось в ее памяти. Было ли что-то еще, какие-либо детали или подробности, которые она помнила? Кое-что было: в задней части этого фургона находилась целая куча растений.

Вернувшись в машину, я немедленно связался по радио с оперативным отделом штаб-квартиры полиции и попросил их срочно провести поиск по магазинам цветов и растений в Милане вблизи кольцевой дороги – и по регистрационным данным зеленых фургонов, сопоставив полученные данные, чтобы посмотреть, что обнаружится.

Я сидел в машине, как мне показалось, невыносимо долго, с нетерпением ожидая результатов. Неужели к тому моменту, когда надежда уже была потеряна, я что-то нашел? Когда они наконец перезвонили мне, из проверок выяснилось, что в столичном районе Милана около семисот магазинов растений и цветов и несколько десятков зеленых фургонов. Один – в частности, «Пежо Эксперт» – был зарегистрирован в питомнике Корсико, небольшом городке на внутренних территориях, примыкающих к Западной кольцевой дороге.

В яблочко! Я попросил установить личность и контактные данные владельца компании, Чиро Казаджиове, шестидесяти четырех лет, уроженца Казерты, проживающего в Корсико более тридцати лет, женатого и имеющего двоих детей, без судимостей. С профессиональной, семейной и биографической точки зрения он не подходил под профиль убийцы, поэтому, если это не очередная оплошность, речь шла о каком-то его работнике или помощнике.

Я позвонил ему по домашнему номеру. Было уже больше часа ночи, я рисковал разбудить его, что, конечно, не сделало бы Казаджиове более покладистым и сговорчивым, но я не мог ждать до следующего утра, каждая минута была драгоценна. После нескольких гудков мне ответил сонный голос с тяжелым неаполитанским акцентом. Пропустив все любезности, я представился инспектором полиции, который проводит расследование чрезвычайной важности. Я должен был сыграть на неожиданности: если б я загнал его в угол, пока ему еще не хватает ясности мысли и бдительности, то мог бы выжать из него что-нибудь, прежде чем он выстроит свою защиту.

– Вы владелец фургона «Пежо Эксперт» зеленого цвета?

– Да, он зарегистрирован на фирму, но на самом деле находится у моего племянника, который использует его для доставки... Почему вы спрашиваете? Что-то случилось? Несчастный случай? Его украли?

– Ваш племянник, вы говорите?

– Да, бедный сын моей сестры, полудурок. Именно в качестве одолжения ей я взял его к себе несколько лет назад, поскольку он не мог найти никакой работы...

– У вашего племянника что-то не так с лицом?

– Что? Но как вы... то есть вы расскажете мне, что происходит?

– Эта информация может оказаться важной для расследования очень серьезных преступлений. Я спрашиваю вас: лицо вашего племянника деформировано или как-то изуродовано?

– Ну да, у него врожденный порок развития, синдром чего-то там... Я, однако, не...

– Имя и адрес?

– Что?

– Ваш племянник, как его зовут и где он живет?

– Я... но почему я должен вам говорить? Послушайте, я даже не уверен, что вы действительно полицейский. Или объясните мне, что происходит и какое отношение к этому имеет мой племянник, или я вешаю трубку!

В этот момент мне оставалось только открыть карты.

– Я работаю в Мобильном отделе полиции Милана и расследую преступления, совершенные Убийцей с кольцевой дороги. Ваш племянник может быть замешан в этом деле, и нам нужно разыскать его как можно скорее. Если вы откажетесь сотрудничать, то рискуете быть обвиненным в соучастии в пяти, а может быть, в шести убийствах.

Я надеялся, что мои слова прозвучали достаточно угрожающе. Если б он бросил трубку в тот же миг, нам пришлось бы получить ордер и официально вызвать его в полицейское управление для дачи показаний, потратив драгоценное время, которого у нас не было, — вернее, его не было у Матильды Браници. Но после нескольких минут колебаний мужчина сдался. Он дал мне имя и адрес своего племянника и объяснил, как туда добраться. Его звали Рауль Валле, и он по-прежнему жил в Корсико, недалеко от города.

Теперь у меня было достаточно зацепок. Пришло время позвонить комиссару Альтьери. Хотя вряд ли можно сказать, что я ему понравился, я был уверен, что на этот раз даже ему придется признать, что собранные мной улики надежны. Я, конечно, ошибался. Я набрал номер его мобильного телефона, и он ответил сразу же, с первого звонка.

— Комиссар, извините, что звоню вам в это время, но это очень важно. Надеюсь, я вас не разбудил...

— Нет, Меццанотте, я в офисе. Вы все еще преследуете сказочных героев? Кажется, время, которое я вам дал, истекло.

Стараясь быть как можно более ясным и кратким, чтобы не злоупотреблять его не слишком долгим терпением, я рассказал ему о том, что обнаружил.

— Нам нужен ордер на обыск, мы должны как можно скорее войти в этот дом. Браници, возможно, еще жива, но времени у нее осталось не так много.

– Нет, заместитель инспектора, ничего подобного. Кажется, вы нашли человека, который соответствует личности этой Синей Бороды, но у вас нет ничего, что могло бы связать его с убийствами. В любом случае, это не имеет значения. Мы нашли его, Меццанотте, мы идем за ним.

– Что?!

– Убийца с кольцевой дороги – мы знаем, кто он и где живет. Все доступные патрули направляются туда прямо сейчас. И знаешь, кого мы должны благодарить? Твою команду сигнальной службы, которую ты бросил, чтобы гоняться за орками и гоблинами.

В нескольких поспешных словах он объяснил мне, что в полицию позвонила женщина, рассказав, что она проезжала мимо машины Бранци на кольцевой дороге в ночь похищения. Рядом с ней стояла еще одна неподвижная машина, и женщина, у которой была отличная память, запомнила ее модель и несколько цифр номерного знака. Мои люди, которые собрали отчет, вернулись к владельцу, 35-летнему холостяку, жившему в Ро и ежедневно ездившему в Милан, где тот работал. По словам консультанта СПАНП, он вполне подходил под профиль убийцы. Но это было еще не все: копаясь в его прошлом, мои люди нашли жалобу, позже отозванную, за нанесение телесных повреждений проститутке.

Когда Альтьери положил трубку, не попрощавшись, я еще не до конца осознал шок от этой новости. «Конечно, это была бы настоящая ирония, – с горечью подумал я, –

если б дело было раскрыто благодаря службе отчетности, которая всегда плотно прижимала меня, именно тогда, когда я где-то в другом месте гнался за славой из-за одной из своих провальных идей...»

Но что, если это не так? Что, если, хотя все говорит об обратном, правильной была версия Синей Бороды? И если нынешний рейд окажется неудачным? Мы рисковали опоздать. Если предположить, что в тот момент похищенная была еще жива, то, по всей вероятности, мы нашли бы только ее труп.

Я чувствовал себя ужасно одиноким и неуверенным. С одной стороны, у меня был соблазн вернуться в квестуру, чтобы вместе с остальными членами оперативной группы принять участие – хотя, конечно, не в качестве главного героя – в возможном триумфе. Не то чтобы они там особо скучали по мне – в любом случае, никому не пришло в голову позвонить мне, чтобы предупредить о последних событиях. С другой стороны, я все еще не мог заставить себя сдаться. И не только потому, что был слишком упрям и горд, чтобы признать свою неправоту. На кону стояла жизнь человека.

Я пытался дозвониться до помощника прокурора Требески, но ее мобильный телефон был отключен. Что же делать?

В конце концов я принял решение, завел машину и помчался в сторону Корсико. Если б я упустил возможность раскрыть дело, упрямо следуя зацепке, в которую верил толь-

ко я, то выставил бы себя дураком. Но большие всего я хотел поступить правильно, и если существовал хоть малейший шанс, что безопасность пленницы зависит от меня, я не мог его игнорировать, даже ценой того, что буду выглядеть перед коллегами и начальством как новичок, жаждущий славы.

Когда я приехал, была половина второго ночи. Дом, адрес которого дал мне владелец питомника, находился в конце улицы, застроенной складами и промышленными сараями. Он представлял собой скромный двухэтажный коттедж, окруженный небольшим ухоженным садом, за которым возвышалась темная масса насыпи кольцевой дороги. Шторы на окнах были задернуты, но в некоторых горел свет. На тротуаре напротив был припаркован зеленый «Пежо Эксперт».

Я остановился на безопасном расстоянии и приготовился ждать. Хотя облака начали понемногу заволакивать небо, заслоняя звезды, духота стала, наверное, еще более невыносимой, чем днем. Бетон и асфальт выделяли накопленное за день тепло, раскаляя воздух. Между задней частью коттеджа и кольцевой дорогой располагался участок неводеланной земли, посреди которого, должно быть, находилась дренажная канава или что-то в этом роде, потому что это место кишело комарами, жутко изводившими меня, а из-за жары закрыть окна было немыслимо.

Час спустя, обливаясь потом и покрываясь укусами, я

был на грани помешательства. Кроме тени, которая пару раз прошла перед окном, я не видел абсолютно ничего и уже начал сомневаться, увижу ли вообще что-нибудь полезное, сидя в машине и крутя пальцами.

Я должен был действовать, иначе вполне мог бы вернуться в полицейский участок с поджатым хвостом. Когда тоненький голосок в моей голове начал робко протестовать, что это не очень хорошая идея, я взял фонарик, вышел из машины и подкрался к фургону. Обошел вокруг него, осматривая его и пробуя боковые и заднюю двери. Они были закрыты, но с подросткового возраста, когда я водился с бандой мелких преступников, занимавшихся различными кражами, в том числе и автомобильных магнитол, я научился нескольким трюкам, которые теперь могли пригодиться. Через несколько минут я взломал замок на задней двери и проскользнул внутрь. В свете фонаря увидел старый свернутый матрас и несколько растений в горшках, которым не помешали бы солнце и вода. Я уже собирался выйти, чтобы обыскать кабину, когда мое внимание привлекла искра за одним из горшков. Я подошел и поднял предмет. Это был кулон со сломанной цепочкой. Кулон, который я уже видел. Идентичный тому, который был на Матильде Бранци на фотографии, предоставленной ее отцом, и с которым, по словам последнего, подарившего его ей, она никогда не расставалась.

Я вылез из фургона и, бросившись к машине, снова попы-

тался дозвониться до Альтьери, который дважды отклонил звонок. С третьей попытки он наконец ответил:

– Меццанотте, ну что еще? Мы тут заняты, между прочим.

Прежде чем он успел в очередной раз бросить трубку, я поспешил рассказать ему о том, что узнал.

– Подождите... Вы хотите сказать, что без ордера проникли в частную машину, взломав ее? Вы с ума сошли, или как?

Я не смог сдержаться:

– У меня не было ордера, потому что вы отказались предоставить его мне. И вообще вы утверждали, что у меня нет улик, что связывали бы моего подозреваемого с убийствами. Теперь они у меня есть!

– Меццанотте, вы понимаете, что мы уже арестовали убийцу? Он доставлен на допрос, а в его квартире проводится обыск.

– Он сделал какие-нибудь признания? Вы нашли Бранци? Есть ли совпадения по отпечаткам пальцев или какие-либо другие детали, не вызывающие сомнений в его причастности к преступлениям?

Я почувствовал колебание в его голосе, когда он ответил мне, что пока нет.

– И как же тогда быть уверенным? Комиссар, я говорю вам: в фургоне был кулон заложницы. Вы взяли не того человека. Я не прошу вас поверить мне на слово – просто дай-

те мне средства проверить, так ли это. И попытаться спасти Матильду Бранци, если еще не поздно.

На другом конце линии воцарилась тишина. Я представил, как комиссар взвешивает все «за» и «против». Согласиться со мной означало косвенно признать свою ошибку, но если он откажется и на следующий день выяснится, что я был прав, а за это время, возможно, заложник будет убит, Альтъери будет уничтожен.

– Вы уверены, Меццанотте?

– Это ее кулон, синьор, я не сомневаюсь.

– Очень на это надеюсь... Ладно, это займет некоторое время, но я пошлю к вам пару патрулей с ордером. А пока ждите там – и больше никаких инициатив. Следите за домом, но абсолютно ничего не предпринимайте; у вас нет ни опыта, ни навыков, чтобы справиться с такой ситуацией.

Когда связь была прервана, я долго сидел и смотрел на коттедж, обхватив руками руль. Адреналин накатывал на меня волнами. Вспышки на горизонте, сопровождаемые отдаленными раскатами, предвещали грозу, обещающую окончательно смести жару, но пока что воздух, неподвижный и насыщенный электричеством, был удушливым, как никогда.

Я сделал это. Я шел по тонкому следу окровавленных ключей, пока не добрался до него, моей Синей Бороды, как презрительно называл его Альтъери. Тень, которую я время от времени видел в окнах – теперь я был уверен в этом, – принадлежала неуловимому серийному убийце, ко-

торый несколько месяцев держал в страхе всю миланскую полицию.

Скоро все закончится. Как только прибудет обещанное комиссаром подкрепление, мы ворвемся в коттедж и избавим город от этого кошмара раз и навсегда. Я просто надеялся, что мы успеем спасти жизнь Матильде Браници. Именно это делало ожидание невыносимым: с каждой прошедшей минутой вероятность того, что мы найдем лишь тело заложника, возрастала. Возможно, он перерезал ей горло в тот самый момент – или собирался это сделать – в нескольких десятках метров от того места, где я стоял. Практически у меня на глазах. Что я буду делать, если узнаю, что горло Браници было перерезано, когда я просто стоял там?

Отвлеченный этими мрачными мыслями, я не сразу понял, что в это время в коттедже что-то происходило. Тени стали чаще появляться у окон, двигаясь быстро и рывками, словно кто-то в сильном волнении рыскал по дому.

Осознать это и решить, что я не могу просто стоять и смотреть, – одно. Приказ Альтъери был безапелляционным: «Больше никаких инициатив». Но он также велел мне следить за домом, и в глубине души я просто хотел присмотреться, чтобы понять, что происходит. Так, по крайней мере, я сказал себе, – но в душе знал, что если выйду из машины, то попросту не смогу ограничиться этим.

Когда первые капли начали разбиваться о ветровое стек-

ло, я проверил, заряжена ли «Беретта», и снял ее с предохранителя. Затем вышел с пистолетом в руке под проливной дождь и побежал к дому в темноте, разрываемой молниями. Привычный тоненький голосок кричал в моей голове, пересиливая раскаты грома. Я его не слушал – момент был совсем неподходящий. Перелез через низкий забор и сделал несколько прыжков по бесплодному лугу.

Когда прислонился к стене коттеджа, я уже промок до костей, а мое сердце колотилось в груди как бешеное. Теперь я должен был быть очень, очень осторожным. Заметь он меня – и наверняка убьет свою пленницу или попытается сбежать, а то и вовсе выкинет какой-нибудь отчаянный фортель; а виноват в этом буду я.

С крайней осторожностью я подошел к ближайшему окну и заглянул внутрь через щель между занавесками. В центре того, что должно было быть гостиной, спиной к окну стоял высокий дородный мужчина и оживленно жестикулировал. Казалось, он кричит на кого-то, но двойное остекление не давало мне услышать ни единого слова. На мгновение мужчина обернулся, позволив мне увидеть его лицо. В нем действительно было что-то чудовищное: тяжелый лоб нависал над впалыми и асимметричными глазами, скул практически не было, а под бесформенным носом был рот – широкая, неровная щель, рассекающая лицо, из которой торчало несколько неестественно кривых зубов.

Я подошел еще ближе к стеклу, вывернув шею в попытке

определить, к кому он обращается, и увидел женскую фигуру, прижавшуюся к стене. Она была обнажена и защищала голову руками, будто ожидала, что в любую минуту ее ударят. Ее тело было покрыто пятнами, но я не понимал, были то пятна грязи или следы побоев. Я не видел ее лицо, но это могла быть только Матильда Бранци.

Внезапно мужчина выбежал из комнаты. Через несколько мгновений он снова появился с ножом в руке и начал бродить по гостиной, что-то выкрикивая в приступах безудержной ярости. Инстинктивно я обернулся назад, надеясь увидеть патрули, посланные мне на помощь, но сквозь тьму и потоп не пробивалось никаких мигающих огней. Я должен был найти выход сам. Бранци жива, но если я не придумаю что-нибудь – причем быстро, – ей конец.

Я обошел здание, осматриваясь. И входная, и задняя двери были бронированы, пробить их было невозможно. На окнах первого этажа стояли решетки, а на втором этаже – нет. Одно из них, с левой стороны коттеджа, было приоткрыто, а рядом с ним находилась водосточная труба. Она была металлической и довольно прочной на вид, и имелся небольшой шанс, что она выдержит мой вес. Я понимал, что это не самая потрясающая идея, но ничего лучшего мне в голову не пришло. Я сунул пистолет в подмышечную кобуру и начал карабкаться вверх. Вскоре я столкнулся с определенными сложностями. Дождь лил сплошным потоком, как будто кто-то окатывал меня из ведра, ослепляя меня

и делая металл чрезвычайно скользким. Чем выше я поднимался, тем тревожнее скрипели кронштейны, удерживающие трубу, прикрепленную к стене. Упорными усилиями мне удалось достичь уровня окна, только чтобы обнаружить, что расстояние между ним и водосточной трубой больше, чем мне показалось снизу. Даже наклонившись и вытянув руку как можно дальше, я не смог дотянуться до тонкого выступа подоконника. Тем временем труба начала слегка наклоняться, отрываясь от стены. Время почти закончилось. Оставался только один выход – прыгать. Я бросил взгляд вниз. Я был на высоте пяти метров или чуть больше, и если б я упал, то, возможно, не пострадал бы слишком сильно, но у меня не было бы второго шанса. И для Бранци это стало бы концом. Не задумываясь об этом, придав себе ускорение со всей оставшейся энергией, я устремился к окну. Мне удалось зацепиться одной рукой за подоконник. Когда я болтался в воздухе, по моей руке пробежали мучительные спазмы, но я все равно не разжимал ее. С последним, огромным усилием, едва не вывихнув плечо, я подтянулся к окну и замертво ввалился внутрь. Я был измотан, ноги и особенно руки онемели и болели, но терять было нечего. Я достал «Беретту» и спустился вниз по лестнице.

Стоя на пороге гостиной, я увидел внушительный силуэт Рауля Валле, возвышающегося над Матильдой Бранци. Держа эсеницу, которая слабо сопротивлялась, одной рукой, другой он занес нож, лезвие которого было окрашено в

красный цвет. На ее обнаженном теле уже было несколько кровоточащих порезов.

– Полиция! Стой, или я буду стрелять! – крикнул я, направив на него пистолет, который держал двумя руками.

Он повернулся и расширил глаза, а на его обезображенном лице появилась гримаса непонимания и ужаса. Как будто его заботило только одно – закончить начатое, – он снова повернулся к женщине и поднял нож. Я сделал три выстрела подряд. Одна из пуль пронзила его ладонь, выбив оружие. Рауль Валле с воплем упал на землю, зажимая раненую руку. Он не двинулся с места, склонив голову и совершенно не интересуясь тем, что происходило вокруг. Когда я защелкнул наручники на его руках за спиной, он никак не отреагировал.

Теперь можно было заняться несчастной Бранци. Она не двигалась, лишь тихо постанывала. К счастью, ее раны были неглубокими. Я перевязал их, как только мог, и укрыл ее скатертью, сорванной с обеденного стола. Затем опустился рядом с ней, уложив ее голову себе на плечо, и прошептал: «Всё позади, всё кончено», – в равной степени успокаивая и ее, и себя. Я замолчал, лишь когда услышал вой сирен вдалеке.

После остановки в ближайшей больнице Фатэбенефрателли, где Матильда Бранци была госпитализирована, а Раулю Валле обработали руку, мы отвезли последнего в полицейский участок. Тем временем другой арестованный был отпущен с многочисленными извинениями. Выяснилось, что

он действительно останавливался рядом с заглохшей машиной Бранци, предлагая подвезти ее в ту роковую ночь. Но женщина, проявляя осторожность, отказалась от помощи.

В последующие дни Валле был подвергнут нескольким психиатрическим экспертизам и длительным допросам. Он согласился рассказать о себе и своих преступлениях. Этот мужчина выглядел таким умиротворенным после ареста, будто с него сняли тяжелую ношу, и с самого начала проявил желание сотрудничать.

Рауль Валле родился в Корсико сорок два года назад. Сразу после родов стало ясно, что с его лицом что-то не так. Диагноз прозвучал в ушах его родителей как приговор: синдром Тричера-Коллинза, редкий и неизлечимый врожденный порок развития. Отец вовремя признал его и дал свою фамилию, но потом он исчез и больше никто его не видел, поэтому мальчик рос с матерью, Розой Казаджиове, домохозяйкой. Оставшись наедине со своим несчастным сыном, она прониклась к нему чрезмерной и болезненной привязанностью. Они всегда жили вместе, он и она, Рауль и Роза, Роза и Рауль, в этом абсолютно нездоровом симбиозе, до самой смерти последней примерно годом ранее. Одержимая и чрезмерно заботливая, она продолжала опекать своего сына, командуя им, будто он все еще ребенок, даже после того, как Рауль стал взрослым мужчиной. Когда она заболела болезнью Альцгеймера, они постепенно поменялись ролями, и настала

очередь Рауля ухаживать за ней, что он и делал на протяжении многих лет, до самого конца и с большой самоотдачей. Застенчивый интроверт, сильно комплексующий из-за своего чудовищного лица, Рауль не имел друзей и, конечно же, о девушках только мечтал. В школе его дразнили и жестоко изводили, поэтому после получения аттестата о среднем образовании он бросил школу, несмотря на то что до этого момента был очень хорошим учеником. Целыми годами он особо ничего не делал, не считая получения водительских прав – нужно было возить мать за покупками. Когда средства Розы стали подходить к концу, Раулю пришлось брать подработки, а потом его нанял к себе дядя. Разъезжая в одиночестве по кольцевой дороге в своем фургоне, Рауль совершил открытие, которое полностью перевернуло его мир: существование проституток. За ними не нужно было ухаживать, их не отталкивало его уродство, им просто нужно было платить, и они делали для него все то, что делали бы для любого другого мужчины. Он покупал их так часто, как мог – средства его были весьма скудны, – и внезапно для себя обнаружил, что не очень-то хорош в мужском плане. Это было унижительно и очень неприятно. У него никогда не вставал так, чтобы он мог войти – и это доставляло ему кучу неудобств. «Ночные бабочки», казалось, не возражали, ибо знали другие способы доставить ему удовольствие, но после каждой такой встречи у Рауля оставалось горькое послевкусие и мучительное чувство разочарования.

Роза взяла за привычку читать сыну сказки перед сном очень рано, когда он еще лежал в колыбели. Со временем это стало их самым интимным и драгоценным ритуалом, который продолжался до самого конца детства Рауля, и только потому, что мать, с ее прогрессирующей болезнью, больше не могла читать. В первые годы каждый вечер это были разные истории, пока однажды Роза не прочитала ему «Синюю Бороду» Перро, и с тех пор он никогда не хотел слушать ничего другого. Приходилось неустанно перечитывать эту историю снова и снова, без устали. Ему было пять лет. Он сразу же узнал себя в главном герое, чья борода пугала всех вокруг, как и его собственное уродство, — и, кто знает, может быть, уже тогда зверское насилие, которым была пропитана сказка, вызвало в нем темные отголоски. Для Рауля Синяя Борода был прекрасным принцем, в котором люди — и женщины в частности — не могли увидеть ничего, кроме его жуткой внешности, хоть он и был полон всяческих достоинств. Сильный и гордый человек, прошедший свой собственный путь, вопреки всему и всем, заслужив право вызывать страх, а не насмешки и презрение... Ему удалось скопить огромное состояние, которое он не постеснялся использовать для исполнения любых своих желаний — например, чтобы иметь молодую и красивую жену. Рауль видел в нем свой недостижимый идеал. Синяя Борода был его героем. Мальчик считал вполне нормальным, что этот жесткий, но справедливый человек наказывал жен, которым предо-

ставил все свое богатство, позволяя им жить как королевам, как только обнаруживал их неблагодарность, предательство и обман. Каждый раз, когда его любимца убивали в конце сказки, Раулю становилось плохо. Пока мать, не догадавшись о проблеме, не стала пропускать во время чтения последние строки текста. Так Рауль мог свободно представить себе альтернативную концовку, и все стало идеально: Синяя Борода, убивший бесчисленное количество жсен, наконец нашел ту, которая действительно любила его, и они жили долго и счастливо.

После смерти матери, когда он остался один в коттедже и рядом с ним не было никого, кто мог бы удержать его в реальности, его скрытое безумие вырвалось наружу. Влюбившись в проститутку, с которой он регулярно встречался, Рауль решил подражать Синей Бороде, пригласив ее жить к себе, в иллюзии, что она может ответить ему взаимностью. После одной из их встреч он сделал ей предложение, а когда она отказалась, оглушил и похитил ее. Он держал жсеницу взаперти в течение нескольких недель. Сначала старался быть внимательным и добрым, но она не давала ему даже приближаться к себе и пыталась использовать любую возможность для побега, что ужасно его раздражало. Через несколько дней Рауль обнаружил, что введение транквилизаторов делает ее более послушной и сговорчивой. Ощущение того, что она находится под его полным контролем, подчиняясь любой его воле, было пьянящим. Он

начал играть с ней в игры, которые становились все более жестокими, пока не перешли в откровенное насилие.

Однажды, во время очередной попытки побега, охваченный яростью, он схватил нож. В тот момент его отождествление с Синей Бородой было полным, как никогда раньше. Пока Рауль наносил удары, один за одним, чувство собственного могущества росло, пока не стало полным, когда он наконец перерезал ей горло. Он хотел было оставить труп себе, как это делал его герой, но через несколько дней зловоние стало таким, что ему пришлось избавиться от него. Тогда ему пришла в голову идея оставить в ее сумочке маленький окровавленный ключ, как своего рода дань уважения Синей Бороде и свидетельство того, что то, что он сделал с ней, было справедливым наказанием за ее непослушание.

Какое-то время ему хватало хранимых им трофеев и фотографий, но в конечном итоге тоска по столь сильным эмоциям, которые он испытывал, пытая ее, а затем убивая, начала изводить его. У него возникло желание повторить все. Некому было останавливать его, и он снова сорвался...

Закончив рассказывать свою историю, прояснив все сомнения и удовлетворив любопытство следователей и психиатров, Рауль Валле покинул этот мир – и камеру, в которой он зубами перегрыз себе вены.

Моя жизнь тем временем приняла новый оборот. В управ-

лении я обнаружил, что стал героем. Когда вскоре после рассвета я вышел из патрульной машины с Валле в наручниках, во дворе на улице Фатенебенефрателли меня встретила вся оперативная группа, которая долго аплодировала мне. Требески обняла меня; и даже Альтьери – хотя было видно, что он охотно обошелся бы без этого – пришел пожать мне руку. На пресс-конференции, созванной для объявления об аресте Убийцы с кольцевой дороги, меня усадили рядом с ними, и мой решающий вклад в урегулирование дела был решительно подчеркнут. Через несколько дней начальник Мобильного отдела сам вызвал меня в свой кабинет, дабы сообщить, что он ходатайствовал за меня и добился от квестора моего повышения за особые заслуги. Указ о повышении в звании до инспектора, подписанный начальником полиции, пришел через пару недель. Это стало поводом для нового праздника в мою честь, во время которого несколько коллег не преминули сказать мне, что рады тому, что в Мобильном отделе появился еще один Меццанотте.

Это был мой момент славы. Я начал проявлять себя, получая восхищение коллег и уважение начальников. Я чувствовал себя удовлетворенным, и мне казалось, что я достиг внутреннего равновесия – настолько, что мы с Аличе начали строить планы на будущее.

Всю свою жизнь я не хотел ничего, кроме как быть принятым и оцененным, чувствовать себя частью чего-то. И наконец-то добиться успеха в том, что являлось сферой де-

ательности моего отца, чем-то вроде получения после его смерти того, что при жизни он никогда не хотел и не мог мне дать. Что-то вроде посмертной компенсации.

Все было бы идеально, за исключением одного. Тогда я не придавал этому значения – ведь были и другие неотложные дела, – но теперь эта мысль не выходила у меня из головы, точно древесный червь, грызущий мои внутренности.

Пока я искал Синюю Бороду, некоторые проститутки, которых я допрашивал, убежденные в том, что я журналист, а не полицейский, упомянули, что в течение некоторого времени существовала группа полицейских, которые трясли их, вымогая деньги и сексуальные услуги угрозами и побоями. Мне очень не хотелось в это верить, но об этом мне рассказывали женщины разных национальностей, которые работали не в одних и тех же районах, так что, скорее всего, они не знали друг друга, но их версии примерно совпадали. И потом, зачем им лгать? Подобные откровения могли принести одни неприятности. Поэтому я незаметно провел дальнейшее расследование самостоятельно. И понял, что все это правда.

Что мне было делать? Я упомянул об этом в разговоре с парой коллег, которым я мог бы доверять. Их реакция была безразличной. Казалось, упоминание об этом их задело – они выглядели раздраженными. Они ничего не хотели знать об этом и прямо посоветовали мне забыть обо всем и заняться своими делами. И в самом деле, с чего бы мне волноваться о

том, что меня вообще не касалось, — особенно сейчас, когда в моей жизни все было так прекрасно? Я мог бы забыть обо всем, разумеется, — это было бы логичнее и удобнее всего; но было бы это правильно? Я прекрасно понимал, что, промолчав, стану невольным соучастником этих мерзавцев — и на это я пойти никак не мог. То, что я знал, отравляло все мое существование. Молчи я обо всем услышанном и дальше, в собственных глазах опустилсЯ бы ниже плинтуса.

Я попытался поговорить с одним из своих непосредственных руководителей, заместителем начальника убойного отдела, которого я считал порядочным человеком. Он поблагодарил меня и сказал, чтобы я не волновался, что он позаботится об этом. Через пару недель, видя, что ничего не происходит, я вернулся в его кабинет. Он едва сдержал себя, дав мне понять, что ради моего же блага мне лучше не настаивать ни на чем.

Я подумал: не стоит ли мне поговорить об этом с Дарио Вентури? Он работал вместе с моим отцом в золотые годы его карьеры и был одним из его ближайших соратников, наряду с Томмазо Карадонной. Они были настолько близки, как на работе, так и вне ее, что их прозвали «три мушкетерами». Я знал их обоих с детства, и после драматической смерти отца они всегда были рядом со мной, особенно Вентури. Он был настолько близок к моей семье, насколько это вообще возможно. Но, с одной стороны, мне не хотелось обращаться к нему каждый раз, когда у меня воз-

никали проблемы, — это заставляло меня чувствовать себя привилегированным или, что еще хуже, рекомендованным, и это было то, что я ненавидел; с другой стороны, хотя мне и в голову не пришло бы усомниться в его честности, я знал, что Вентури был полицейским с большой «политической» чувствительностью, и, признаюсь, я боялся, что он может найти способ все скрыть. В тот момент я не смог бы вынести разочарования и в нем.

Я все время думал, что сделал бы мой отец на моем месте. Я не мог себе этого представить, но в одном был уверен: непреклонный и целеустремленный комиссар никогда не потерпел бы, чтобы горстка «запачканных мундиров» пряталась, как раки, внутри корпуса городской полиции. Так или иначе, он сделал бы все, чтобы их наказали.

В конце концов, после долгих колебаний, терзаясь сомнениями и неуверенностью, я решил обратиться к следователю прокуратуры Требески, которая на основании моей жалобы открыла расследование.

В течение нескольких недель я оставался как бы в подвешенном состоянии. Затем, когда, по просьбе Требески, судья по предварительному расследованию выпустил первые уведомления о предъявлении обвинения и постановления об избрании меры пресечения, сделав расследование достоянием общественности, все изменилось.

Внезапно все вокруг будто замерло, застыло. В отделе я стал своего рода прокаженным. Только что я был героем,

раскрывшим дело Убийцы с кольцевой дороги, – и вот, на тебе, меня заклеили как предателя, шпиона, подставившего сослуживцев. По правде говоря, открыто демонстрировать мне враждебность и презрение отваживалось лишь меньшинство; многие просто отвернулись от меня, и у меня сложилось впечатление, что несколько человек делают это из страха публичного осуждения, а вовсе не из-за того, что не одобряют моих действий. Попадались и те, кто не стеснялся – пусть и не всегда публично – выражать мне свою поддержку.

Дело в том, что своей жалобой я открыл ящик Пандоры. Предварительное расследование прокуратуры выявило гораздо более обширную и разветвленную коррупцию, чем можно было себе представить. В дело были вовлечены не только несколько агентов Мобильного отдела – особенно из второго подотдела по борьбе с иностранной преступностью и проституцией, – но и несколько местных полицейских участков, и даже некоторые чиновники. Список преступлений был длинным: преступный сговор, крышевание проституции, вымогательство, избиения и телесные повреждения, сексуальное насилие и даже убийство (было подозрение в причастности банды к смерти албанского сутенера).

Я был абсолютно один в целом море презрения и противодействия, и довольно скоро понял, что работать нормально в таких условиях не могу. Не то чтобы я не ожидал че-

го-то подобного – некоторую степень непонимания и враждебности со стороны коллег я предвидел, хотя и не в такой степени. Но что застало меня врасплох, так это раздражение и холодность, проявленные по отношению ко мне моим начальством. Особенно задевало то, что ни один руководитель не оказывал мне ни малейшей поддержки. Они делали вид, что не замечают остракизма и провокаций, которым я постоянно подвергался, и даже пальцем не пошевелили, чтобы их пресечь. Создавалось впечатление, что они молчаливо упрекают меня в том, что я обратился к судье вместо них (как будто я не пытался!), тем самым не давая им возможности без лишнего шума самим со всем разобратся.

Ситуация стала еще хуже, когда выяснилось, что у одного из офицеров, попавших под следствие, есть больная дочь, нуждающаяся в очень дорогостоящем уходе. Враждебность ко мне усилилась, словно подобие морального оправдания, касающегося одного, могло быть применено в широком смысле ко всем причастным.

В течение нескольких месяцев я держался, хотя в это время стал объектом реальных угроз и анонимного запугивания. Я терпел молча, не реагируя, накапливая злость и разочарование. Пока однажды, когда стоял в очереди в столовую с подносом в руках, инспектор из отдела по борьбе с широкомасштабной преступностью, которого я знал как близкого друга некоторых подозреваемых, прошепел мне на

уху целую кучу оскорблений, не плюнул в мою тарелку. Это была капля, которая переполнила чашу моего терпения. Вне себя от радости, я набросился на гада и выбил из него все дерьмо. Потребовались четыре человека, чтобы разнять нас. Я рисковал получить серьезные дисциплинарные санкции: как минимум отстранение от работы, а то и лишение лицензии. Хотя теоретически я мог рассчитывать на смягчающее обстоятельство – провокацию, – мне не следовало ожидать особого сочувствия. Многие люди в высших эшелонах квестуры теперь ждали любого предлога, чтобы избавиться от моего некомфортного присутствия. Я избежал худшего только благодаря вмешательству заместителя квестора Вентури, от помощи которого к тому времени уже не мог отказаться. Используя свое влияние, старый друг моего отца сумел заблокировать дисциплинарное разбирательство против меня – но при одном условии. Далеко не безболезненное условие: я должен был согласиться на перевод.

«Временно, – заверил меня Вентури, – только пока не закончится это безобразное дело и не осядет пыль. В более отдаленное место». То, что он имел в виду, было отделом железнодорожной полиции на Центральном вокзале, где ответственным должностным лицом был его верный друг, и он относился ко мне с пристальным вниманием. Я чувствовал себя жертвой несправедливости – ведь я не сделал ничего плохого, даже, по сути, наоборот, – а вместо того, что-

бы поблагодарить меня, он попросил меня отказаться от должности... Но выбора у меня не было – либо перевод, либо прощание с униформой полицейского, причем навсегда. А это значило бы, что последние четыре года моей жизни прошли впустую. Хотя я и принял неизбежность, для меня перевод был равнозначен смерти.

Центральный вокзал. Площадь 220 000 квадратных метров. 500 поездов и 320 000 посетителей в день. Для охраны территории и обеспечения безопасности путешественников горстка из примерно тридцати агентов «Полфера» занималась наблюдением и контролем и, распределенные на четыре смены, не могли гарантировать более трех-четырех патрулей, дежуривших одновременно в течение дня, и максимум пару ночью. Неудивительно, что эффективное противодействие распространению незаконной деятельности внутри вокзала – карманникам, ворам в магазинах и на платформах, продавцам контрафактных и контрабандных товаров, мошенникам – было невероятно трудной задачей. Не говоря уже о нелегальных носильщиках, попрошайках, наркоманах... И, конечно, о толпах бездомных, ищущих место, где бы свернуться калачиком, и пробирающихся в залы ожидания, на террасы над билетными кассами, в телефонные будки, в припаркованные на ночь поезда... всюду.

А еще было все, что происходило снаружи, в районах, прилегающих к электростанции. Строго говоря, это не входило в обязанности железнодорожников, но патрульные машины полицейского участка Гарибальди проезжали здесь не чаще двух-трех раз в день, и они не могли отказать в экстренном вмешательстве. Бомжи предпочитали болтаться между

колоннами Вагонной галереи и киосками с напитками и бутербродами, расположенными на ее концах. На площади Дукка д'Аоста, вечно заваленной мусором и использованными шприцами, так как мусоровозы часто сюда не пропускали, в любое время суток торчали группы дебоширов и бездельников разных национальностей, грабежи и разбои были в порядке вещей, а торговцы наркотиками развернули здесь оживленный бизнес. Тут был угол, где дети выпендривались на своих скейтбордах, угол фехтовальщиков и угол, где, когда их прогнали с поста внутри остановки метро, появились складные столы для игры в «три карты». Площадь Луиджи ди Савойя, с правой стороны, если смотреть в сторону вокзала, была царством иммигрантов с Востока, которые предлагали себя для подработки в качестве каменщиков, рабочих или сиделок, расположившись на скамейках и лужайках маленького сада. Мужчины здесь всю приторговывали контрабандными сигаретами, а женщины за несколько евро делали стрижки. С левой стороны площадь Четвертого Ноября превратилась в пестрый и хаотичный базар, где доминировали неграждане ЕС африканского происхождения, где между навесами трамвайных остановок и клумбами покупалось и продавалось все: одежда, специи, гашиш, выпивка, секс. Периодически во время ссор и сведения счетов атаквали то одну, то другую территорию, очерченную границами, которые были настолько же невидимыми, насколько и четкими. Время от времени представителей обеих сторон находили в

луже крови на асфальте.

Привокзальный район, особенно после наступления темноты, был ничейной землей упадка, несчастья и насилия, Диким Западом, населенным изгоями и преступниками, где единственными законами были законы сильнейших и хитрейших. Пассажиры, прибывающие или уезжающие, пересекали его с опущенной головой и быстрым шагом, задерживая дыхание, пока не чувствовали, что находятся в безопасности. Жители прятались в своих домах, а те, кому приходилось там работать – владельцы магазинов, таксисты, железнодорожники, операторы банкоматов, – были вечно бдительны и, если верили в Бога, молились о спасении своей души.

То, что это так, с каждым днем становилось все яснее и яснее. Благодаря непреодолимому притяжению, оказываемому Центральным вокзалом на бродяг всех мастей, он превратился в своего рода социальную свалку под открытым небом, где скапливались отходы, порожденные бешеной конкурентной жизнью мегаполиса. Это место, будто бельмо на глазу, портило тот облик Милана, который отчаянно хотелось видеть руководящей верхушке – и, учитывая то, что именно с вокзала начиналось знакомство с городом многих путешественников и туристов, раздражение политиков было вполне понятным.

Началась «большая зачистка», объявленная комиссаром Далмассо. За два дня до этого квестор устроил большую облаву, и были запланированы последующие. Масштабная опе-

рация, в которой участвовали около ста офицеров, кинологи и криминалисты, конные полицейские и даже вертолет. Входы в Центральный вокзал и метро были перекрыты. Сотни опознаний и личных досмотров привели к десяткам арестов нелегальных иммигрантов и толкачей, а также к изъятию изрядного количества наркотиков, нескольких ножей и пистолета. Что касается сотрудников «Полфера», то они максимально усилили патрульную службу на участке, одним из координаторов которой был Меццанотте, и начали проводить политику нетерпимости. КПЗ участка уже трещала по швам, а на столе Рикардо стопка отчетов о преступлениях, обвинительных заключений и различных протоколов достигла тревожных размеров. Однако у него сложилось впечатление, что конкретных результатов достигнуто очень мало. В результате этих операций торговля перемещалась на несколько улиц в сторону, но через несколько дней все продолжалось как прежде. Это было похоже на бросание камней в пруд: раздавался всплеск, по воде на несколько мгновений расходились концентрические волны, а затем поверхность становилась совершенно гладкой и неподвижной, будто ничего не произошло. Возможно, Раймонди, глава Центра социальной помощи, который в своем интервью резко раскритиковал макси-рейд, был прав. Перед лицом проблем такого масштаба одних репрессий оказалось недостаточно.

Была половина шестого вечера пятницы 25 апреля, стоял теплый весенний вечер. Меццанотте устал и нервничал.

И без того тяжелый день осложнялся еще и необычайным наплывом людей, привлеченных в Милан демонстрацией в честь Дня освобождения. Он не чувствовал себя подходящим для такой деятельности, и ему ужасно не хватало детективной работы. Сразу после перевода Рикардо попросил Далмассо о назначении в небольшую команду криминальной полиции отдела. Два наиболее интересных расследования, проводимых в настоящее время, касались незаконного оборота наркотиков из Франции через курьеров, путешествующих, набив желудки кокаином, и краж меди на железной дороге. Возможно, это покажется неожиданным, но данный металл, считающийся отличным проводником электричества и легко поддающийся переработке, пользуется большим спросом на черном рынке, настолько, что его прозвали «красным золотом», а металл, используемый для железнодорожных кабелей, отличается своим качеством и чистотой. Однако об этом и слышать никто не хотел. Далмассо объяснил ему, что в той деликатной ситуации, в которой он оказался, не следует выставять себя напоказ, и отфутболил его – иначе и не скажешь – в патрульную службу.

Его смена почти закончилась, и Рикардо проводил последний обход перед тем, как отправиться домой, где его, как пить дать, встретит Аличе, обиженная из-за пропущенных выходных в Лигурии. Он покинул вестибюль билетной кассы, миновал Вагонную галерею и вышел наружу. Издалека увидел справа от себя скопление людей у одного из двух

фонтанов, расположенных по обе стороны фасада, вода в которых, когда они работали, извергалась изо ртов двух приземистых каменных масок. В небольшой толпе стояли двое мужчин в серо-голубой униформе – вероятно, кто-то из его патрульных, – поэтому Рикардо двинулся в ту сторону. Подойдя ближе, он заметил нескольких завсегдатаев вокзала, включая Генерала и Амелию. Расположившись полукругом, склонив головы, словно в оцепенении, они рассматривали что-то на земле. Генерал, которому, должно быть, надоело стоять на месте, оторвался от группы и, хромая, направился прочь. Заметив Меццанотте, подхромал к нему, отсалютовав по-военному в знак приветствия. Стоило Рикардо на мгновение поднести руку к козырьку, Генерал просиял. Его лицо озарилось лучезарной улыбкой, полной искренней радости.

Меццанотте пробился сквозь толпу, обойдя двух полицейских, на которых он бросил вопросительный взгляд.

– Ничего серьезного, инспектор, просто дохлая кошка. Скоро ее уберут, мы об этом позаботились.

Меццанотте опустил взгляд. На земле, в углу, лежало изуродованное кошачье тельце. Кто-то вспорол несчастной животине брюхо и отрезал лапки. Шубка, грязная и свалявшаяся, была неопределенного, какого-то желтоватого цвета. Рикардо сразу вспомнил кошку, которую они с Колеллой нашли на рельсах возле станции несколькими днями ранее. Он присел на корточки, чтобы лучше рассмотреть останки. «Надо же, – подумалось ему, – выглядит почти так же, но не мог

же их обеих и в самом деле переехать поезд...» В это время появился уборщик с черным полиэтиленовым пакетом. Меццанотте остановил его, подняв руку, огляделся, словно ища что-то; затем вытащив мобильный из кармана, включил фонарик. Телефон был рождественским подарком от Аличе. Её она привезла из Нью-Йорка, куда ездила по делам, и торжественно вручила ему – модель была навороченная и фотографии делала отличные. Повертев в руках свернутый пакет, он задумался, кому в голову пришло засунуть в телефон фотоаппарат. В самом деле, чего ж не кофеварку, к примеру, – было бы самое оно. Однако он отвлекся... Реальность требовала внимания. Рикардо несколько секунд возился с устройством, пытаясь понять, как работает камера, затем быстро сделал несколько снимков кошки и предложил служащему продолжить.

Небольшая толпа стала расходиться. Меццанотте ускорил шаг, чтобы догнать Амелию, которая толкала свою тележку на несколько футов впереди него. Пожилая бродяжка кричала рот, не устаивая его и взглядом.

– Чего палишься, коп?

Амелия, Амелия, сама приветливость... С виду – ни дать ни взять божий одуванчик, но внутри – колючая проволока да кремь.

– Тебе что-то известно обо всем этом? Ты видела, кто это сделал?

Амелия протянула к нему костлявую руку, одарив беззу-

бой улыбкой.

– А шоколадки ты принес? Шоколадки для старой Амелии... Есть, нет?

Меццанотте порылся в куртке. На дне кармана, неожиданно для самого себя, он обнаружил несколько подтаявших конфет.

– Что, и это всё? Только две? – разочарованно протянула Амелия. – Этого и на один укус не хватит...

– От сладкого зубки заболят, – назидательно произнес Рикардо. – Ты погляди, твои-то давно лечения просят...

– Деточка, вот воткну это тебе в глаз, и у тебя заболит! – прошипела старуха, с удивительной быстротой вытаскивая спицу из кучи хлама в своей тележке.

– Хорошо, не волнуйся. В следующий раз принесу больше, честное слово.

– Так-то лучше, коп, – проворчала старуха.

– Ну так что?

– Да не знаю я, кто уколошил животину, – буркнула она. – Одно знаю: она не первая. На вокзале таких полным-полно было, вот чего.

– Что ты имеешь в виду?

– Да все о том же; ты что, оглох? Уши разуй. Сначала мыши. Теперь кошки.

Это был особенный вечер в доме Кордеро. Все трое вместе за обеденным столом, Лаура, мать и отец – это случалось не так часто. Энрико проделал огромную работу, чтобы оказаться здесь: на следующий день он уезжал в деловую поездку на Восток и должен был загладить свою вину перед женой, о чем свидетельствовал огромный букет цветов на другом конце высокотехнологичного стола из углепластика, искусно освещенного дизайнерской люстрой, которая выглядела как облако, нависшее над их головами. Соланж не могла смириться с тем, что муж не хочет брать ее с собой, но это был бы тур де форс – Пекин, Гонконг и Токио за четыре дня, – и у Энрико не было бы времени даже вздохнуть, не говоря уже о том, чтобы присматривать за своей требовательной супругой.

Несмотря на то что выдался редкий случай сбора всей семьи, атмосфера была не самой лучшей. Они ели, обмениваясь короткими взглядами и едкими фразами о еде и событиях прошедшего дня. Казалось, все они сейчас где-то далеко, обращаясь в своих мыслях к чему-то невысказанному, к тому, что давно витало между ними и никогда не высказывалось.

У Лауры не было аппетита, что предвещало надвигающуюся бурю. Она внимательно изучала родителей, делая вид,

что увлеченно ест. Особенно ее настораживала мать. Обычно угрозу представляла именно она. Пока что Лаура заметила две вещи: на Соланж было одно из ее платьев для торжественных случаев, и, если Лаура хоть сколько-нибудь знала свою мать, роль головокружительного декольте, оставлявшего мало места для воображения, заключалась в том, чтобы заставить супруга отчаянно хотеть ее – и лишит его всякой близости нынешней ночью. Кроме того, она еще не допила первый бокал вина. В присутствии Энрико Соланж всегда старалась сдерживать себя, чтобы не вызвать его подозрений.

Как и боялась Лаура, именно ее мать нарушила молчание.
– Твой отец должен поговорить с тобой.

Энрико на несколько мгновений задержал взгляд на тарелке и приложил руку ко лбу, как бы собираясь с мыслями. Затем поднял глаза на свою дочь и вздохнул. По его лицу было видно, что начинать этот разговор он хотел не больше, чем, скажем, проходить колоноскопию, но портить вечер было нельзя.

– Мама рассказала мне об этом твоём волонтерстве... – начал он.

– О да! – с энтузиазмом перебила его Лаура. – Я действительно хотела поговорить с тобой об этом. Это такой интересный и увлекательный опыт, я действительно...

– Дай ему закончить, – холодно вмешалась Соланж.

– Да, не буду отрицать, что я немного волнуюсь, – продолжил ее отец. – Ты выбрала очень серьезный факультет. Я бы

не хотел, чтобы ты отвлекалась от учебы.

– Это всего три дня в неделю, папа. Это не проблема, правда. Обещаю, мои оценки не пострадают.

Энрико – это было совершенно очевидно – был вполне готов удовольствоваться этим, но пылкий взгляд жены приказал ему продолжать по согласованному сценарию, не пропуская ни одной строчки.

Последовавшие за этим слова были произнесены голосом отца, но принадлежали они матери, в этом у Лауры не было ни малейших сомнений. Обстановка на вокзале опасна и непредсказуема, состояние Лауры слишком неустойчиво, стресс ей противопоказан, он может вызвать новые обострения и ухудшение здоровья; им не хотелось бы запрещать ей что-либо, заставлять ее – все, что они хотят, это чтобы она прислушалась...

– Я уже совершеннолетняя; вы не можете помешать мне, и я не намерена отказываться.

– Конечно, можем, пока ты живешь в этом доме и мы тебя содержим, – выпалила Соланж.

– *Мы*, мама? – язвительно возразила Лаура.

Ее мать покраснела от возмущения, ища глазами мужа. Лаура поняла, что дала маху; нападать на мать в присутствии отца было не самой хорошей идеей. Как бы он ни обожал свою дочь, чары, которыми Соланж держала его в течение двадцати лет, почти никогда не позволяли Энрико принять сторону Лауры.

– Так, по-твоему, следует разговаривать с матерью? Немедленно извинись!

Девушка резко встала, едва не опрокинув стул.

– Извините меня, вы оба, – объявила она, не сумев скрыть дрожь в голосе, – но я больше не голодна и устала. Я пойду спать.

Вылетев из столовой, Лаура убежала к себе, заперлась в своей комнате, хлопнув дверью, и бросилась на кровать. Как и всякий раз, когда ее мать одерживала верх в споре, а отец поддерживал ее, а не Лауру, унижение было невыносимым. Глаза щипало от подступавших слез, но она не давала себе плакать. Это означало бы признать, что Соланж имеет над ней все ту же власть, а она не собиралась делать это, даже для себя, даже если та не видит ее и никогда об этом не узнает. В любом случае, если они мечтали, что она перестанет ходить в Центр помощи, им пришлось бы привязать ее к кровати, чтобы остановить.

Говоря о «ее проблеме», Энрико и Соланж имели в виду эпилептические припадки, которым Лаура была подвержена с детства. После первых приступов ее обследовали у всевозможных специалистов и провели необходимые экспертизы. В конце концов у нее была диагностирована легкая форма эпилепсии. Почему она страдала от этого, оставалось загадкой, ведь с ней все было в порядке.

Ни врачи, ни ее родители не имели представления о том, что вызывало эти приступы. Да и откуда им знать? Лаура ни-

когда не говорила об этом. Причина была ей известна, отлично известна. Настоящей проблемой были не сами припадки – это было лишь последствие, побочный эффект.

Лаура обладала особой способностью; ее можно было бы назвать шестым чувством. Про себя она привыкла называть его «даром», потому что так делала ее бабушка, единственный человек в мире, которому Лаура когда-либо доверяла свою тайну, – но сама считала это скорее недостатком или проклятием.

Аврора Кордеро, мать Энрико, умерла пятью годами ранее, и Лаура все еще очень скучала по ней. Она была необыкновенной женщиной, с которой ее связывали особые отношения. Единственный, кто действительно мог понять ее, с кем она могла полностью раскрыться. Потому что бабушка *знала*.

«Дар» Лауры заключался в ее способности мгновенно и непосредственно воспринимать то, что чувствуют окружающие ее люди. Их эмоции и чувства отражались в ней, и она ощущала их так сильно, словно они были ее собственными. Острая и абсолютная форма эмпатии. Часто в эти моменты у нее возникали видения того события, которое – пережитое, вспомненное или воображаемое – вызвало их. Иногда это происходило и с местами и предметами, словно особенно глубокие эмоции могли оставаться пропитанными ими. Если внутреннее потрясение было слишком бурным и стремительным, ее мозг – возможно, в силу действия некоего за-

щитного механизма – в какой-то момент замыкался, и она в конвульсиях падала без сознания на пол.

Это не было чем-то, что Лаура могла делать сама, это просто случалось. Гнев, печаль, страх, радость окружающих, если они превышали определенный порог интенсивности, обрушивались и вторгались в нее. Быть незащищенной, вынужденной, несмотря на собственное нежелание, чувствовать, как они вспыхивают внутри, подвергаться всем этим чужим эмоциям – в основном негативным, нередко грязным и отвратительным – было глубоко дестабилизирующим опытом, к которому Лаура так и не смогла привыкнуть. Время от времени она задавалась вопросом: сколько боли, тоски, мучений, стыда, радости, раскаяния, зависти, ревности, надежды, ненависти, любви, ностальгии может вынести человек, прежде чем сломается? Ведь она уже пережила больше, чем большинство людей за всю жизнь.

Сколько себя помнила, Лаура всегда обладала «даром». Вероятно, это было в ней с рождения. Родители рассказывали ей, что в детстве часто случалось, что без видимой причины она вдруг начинала безутешно плакать. Однажды – Лауре тогда было около двух лет – в гости приехал старый друг ее отца, которого они давно не видели. Когда он подошел к малышке, чтобы познакомиться, та разрыдалась. Как ни старались смущенные родители успокоить девочку, им это так и не удалось – Лаура продолжала рыдать. На следующий день они узнали, что бедняга покончил жизнь самоубийством.

Его компания обанкротилась, и сам он был по уши в долгах.

– Ты всегда была слишком чувствительной, – так заканчивала мать все эти истории, и по ее тону было очевидно, что она отнюдь не рада такой особенности своей дочери.

Лаура была замкнутым и молчаливым ребенком. Одиночество было единственной известной ей защитой от натиска чужих эмоций. Она никогда никому не рассказывала о том, что происходит внутри нее, мрачно осознавая, что это ее отличие от всех остальных и что ей не поверят или не поймут. Только бабушке Авроре, которая что-то почувствовала, удалось побудить ее открыться и признаться, пообещав, что она больше никогда и никому об этом не расскажет. У Лауры всегда было впечатление, что ее бабушка знает об этом больше, чем готова признать, но ее подозрения, что она тоже обладает «даром», так и не подтвердились.

Со временем Лаура научилась держать эту способность под контролем – по крайней мере, частично. Прежде всего она поняла, что должна обуздать свои эмоции – ведь чем больше была взволнованна, тем легче проявлялся «дар». Что касается трюка со стеклянным колоколом, то его ей предложила бабушка. Не всегда и неидеально, но обычно это срабатывало. Когда Лаура создавала в своем сознании прозрачный барьер вокруг себя, который действовал не только как экран и защита, но и изолировал ее от людей и мира, чужие эмоции доходили до нее в лучшем случае приглушенным эхом. Однако это требовало усилий, постоянной концентра-

ции, что в конечном итоге могло истощить ее. Поэтому Лаура по-прежнему проводила много времени в одиночестве и посещала людные места лишь тогда, когда действительно не могла этого избежать, и не позволяла людям подходить слишком близко, потому что это было для нее рискованно. Многие за это считали ее холодной и сдержанной, снобом и высокомерной гордячкой. Социальная жизнь для нее практически отсутствовала, друзей у нее было мало, а романы обычно были спорадическими и ничем не заканчивались. До сих пор Лаура никогда не шла до конца ни с одним из парней.

Хотя она все еще была девственницей, свой первый – и единственный – полноценный сексуальный опыт получила в возрасте четырнадцати лет. Это случилось воскресным утром. Поскольку Лаура была одна в доме и ей стало скучно, она начала бродить по квартире и в итоге отправилась исследовать родительскую спальню. На полу, у подножия неубранной кровати, лежало роскошное красное вечернее платье из шифона и кружева, которое ее мать надевала накануне вечером для премьеры в «Ла Скала». Поддавшись искушению, Лаура стянула с себя джинсы и футболку и примерила его. Когда она снова встала перед зеркалом, внезапно ее охватил порыв непреодолимого волнения, застигнув ее врасплох. В следующее мгновение ее там уже не было – она стояла перед другим зеркалом, тем самым, которое находилось в роскошном туалете «Ла Скала». На ней снова было красное платье; одна бретелька сползла, открывая грудь. Наклонившись впе-

ред, она крепко держалась руками за край раковины. Однако лицо, которое отразилось в зеркале, было не ее лицом, а лицом Соланж, с растрепанными волосами, красными щеками и таким развратным выражением, какого она никогда раньше не видела. За спиной Соланж стоял мужчина, в котором Лаура узнала молодого руководителя отцовской компании. Подстрекаемый голосом Соланж, исходящим из уст Лауры, мужчина спустил брюки и трусы-боксеры до лодыжек, поднял ее юбку выше талии, спустил трусики, схватил за бедра и с силой проник в нее. Несмотря на то что все в этой сцене вызывало у нее отвращение, Лаура не могла не смотреть дальше. Она также не могла помешать удовольствию Соланж, когда мужчина, задыхаясь и постанывая, грубыми толчками входил в нее. На пике оргазма, однако, Лаура не выдержала и лишилась чувств. Она очнулась на больничной койке. Горничная обнаружила Лауру, бьющуюся в конвульсиях, на полу родительской спальни. С этого самого момента Соланж больше не была прежней для дочери – воспринимать ее так, как раньше, Лаура больше не могла.

На вопрос, почему она решила изучать медицину, намереваясь специализироваться в неврологии, Лаура обычно отвечала, что мозг глубоко очаровал ее. Это самый удивительный орган, который только существует в природе. Его сто миллиардов нейронов – столько же, сколько звезд в Млечном Пути, – делают его самой сложной и загадочной структурой во Вселенной. Как из скопления нервных клеток и се-

рии электрических импульсов могло возникнуть сознание, способное размышлять о себе и о мире, создавать произведения искусства и математические теоремы? Каков механизм, лежащий в основе памяти? Откуда пришли и какую функцию имеют сны? На все эти вопросы Лаура еще не нашла ответов. Но причина, побудившая ее стать неврологом, на самом деле была другой, гораздо более острой и личной: она хотела узнать, что такое «дар», почему он у нее есть и, возможно, как от него избавиться. Среди всех тайн мозга не было другой, которая заставляла бы ее размышлять, гадать, теоретизировать и анализировать. Как-то раз в статье одного итальянского исследователя Лаура наткнулась на термин «зеркальные нейроны», который очень ее заинтересовал. Эти конкретные нейроны, скопления клеток мозга, активируются, когда мы испытываем эмоцию сами и когда смотрим на кого-то еще, кто ее испытывает. Во втором случае они отображают происходящее в наблюдаемом субъекте так, как если бы это происходило в самом наблюдателе – имитационный механизм, который может лежать в основе эмпатии. Тогда Лаура подумала, что, возможно, ее «дар» происходит от какой-то аномалии или гипертрофии ее зеркальных нейронов. Будь причина в этом или в другом, она все равно найдет ее, даже если на это уйдет целая жизнь.

«Государственная полиция – Отдел полиции железных дорог – Оперативный пункт “Полфер” – Центральный вокзал Милана – Объект: вербальная запись о задержании в соответствии со статьей 4 закона № 152/1975 некоего Исмаила Мастура, уроженца Марокко, без документов, места жительства и места пребывания. Мы, нижеподписавшиеся: ассистент Голлини Арриго и агент Минетти Марко, принадлежащие к офису в нашем главном офисе, сообщаем, что в 8:15 утра 28 апреля 2003 года...»

«Еще один протокол, и я умру», – подумал Меццанотте, подавив зевок. Он огляделся. Из окон, выходящих на площадь Луиджи ди Савойя, были видны кроны деревьев, сотрясаемые ветром, который сдул смог и мелкую пыль, придавая небу синеву редкой для Милана интенсивности. За столами находились только двое коллег, остальные были заняты на внешних службах. Одним из них был Карбоне, который, судя по пустому выражению лица, раскладывал пасьянс на своем компьютере; как только он понял, что Меццанотте смотрит на него, счел нужным одарить его злобным взглядом.

Взяв мобильный телефон, чтобы проверить, есть ли звонки или текстовые сообщения, Рикардо вспомнил фотографии мертвой кошки, сделанные несколькими днями ранее.

До сих пор у него не было и минуты, чтобы взглянуть на них. По правде говоря, он почти полностью забыл обо всем этом. Открыв галерею мобильного телефона, Меццанотте задался вопросом: что побудило его сделать эти снимки? В конце концов, это всего лишь животное, убитое в месте, где насилие было хлебом насущным и где регулярно происходили гораздо более страшные вещи. И все же, прокручивая изображения истерзанного маленького трупика, он все еще испытывал это чувство, это ощущение: в преднамеренной и методичной жестокости, проявленной к бедному зверьку, было что-то леденящее душу, отчего его бросало в дрожь. «И это произошло как минимум дважды, – подумал Рикардо. – Даже больше, если Амелия права».

Он попытался увеличить изображение, чтобы разглядеть детали, но на этом крошечном экране ничего не мог разглядеть. Тогда Меццанотте снял трубку стационарного телефона, набрал номер агента и попросил прислать Колеллу. Через несколько минут его светловолосая голова появилась в дверях офицерской комнаты.

– Глянь-ка, – произнес Рикардо, показывая ему мобильный телефон, – не мог бы ты перенести некоторые фотографии отсюда на компьютер?

– Конечно, без проблем. Минуточку...

Колелла исчез, чтобы через некоторое время вернуться с кабелем. Подключив его к компьютеру, он вздохнул, сверкнув глазами.

– Да, клевый у тебя мобильник... – Набрал несколько команд, затем указал на новую папку на рабочем столе. – Вот и всё, они там.

Колелла хотел было уйти, но Мещанотте удержал его:

– Подожди, тебе тоже надо посмотреть.

Он открыл изображения и прокрутил их одно за другим. Разрешение было таким, каким было, но все же это совсем другое дело, чем при просмотре на мобильном телефоне.

– Тебе это ничего не напоминает? – спросил Рикардо.

Колелла скорчил гримасу отвращения, затем покачал головой.

– А ту дохлую кошку, которую мы недавно видели на рельсах?

– Ах да...

– Ты сказал, что, скорее всего, ее переехало поездом. Но у нее были такие же травмы и увечья, как и у той кошки, которая лежала у одного из фонтанов возле станции, так что поезд тут точно ни при чем.

– Ага. И что дальше? – спросил Колелла, который не понимал, к чему клонит его друг.

– Значит, кто-то убил их обеих. Как ты думаешь, кто мог устроить такой беспредел?

– Понятия не имею. Может, местные отморозки решили позверствовать... Или какие-нибудь наркоманы... Да тут в любого ткни; на вокзале отморози полно – выбирай кого хочешь.

– Да, возможно, – согласился Меццанотте, увеличив некоторые детали изображений. С нарастающим беспокойством он осмотрел сначала длинный разрез через брюхо и грудь кошки, от задних лап до передних, между разорванными краями которого виднелись внутренности и грудная клетка, также разорванные, а затем обрубки конечностей. – Просто двое животных, убитых одним и тем же образом, с одинаковой жестокостью, свирепой и в то же время холодной, ясной... Не знаю. Но я не могу назвать это просто жуткой забавой или последствиями тяжелого трипа.

– Тебе виднее, – Коллела пожал плечами.

– Кстати, – продолжал Меццанотте, больше рассуждая сам с собой, чем обращаясь к другу, – на земле вокруг тела не было крови. Убили ее вовсе не там. Тот, кто это сделал, кто бы это ни был, сделал это в другом месте, а затем намеренно оставил труп на виду. Почти... почти как будто он искал одобрения. Как будто гордился этим и хотел показать всем, насколько он хорош.

– Ну и мерзость! – воскликнул Карбоне, проходя за их спинами к выходу. – Я и не знал, что тебя возбуждают такие вещи, Меццанотте. Ну ты и хренов извращенец...

– Отвали, Карбоне! – крикнул ему вслед Рикардо, после чего они с Колеллой вернулись к разглядыванию изображений на экране.

– Я не знаю, Кардо, – наконец сказал Филиппо, пожимая плечами. – Все, что я вижу на этих фотографиях, это мертвая

кошка. Кому какое дело, кто и почему ее убил?

Инстинктивно Меццанотте хотел ответить «мне», но не смог бы объяснить почему.

* * *

– Спасибо, синьорина, правда. Спасибо вам от всего сердца.

Тонкая рука Лауры исчезла между большими мозолистыми руками мужчины, стоявшего напротив стола. В своей благодарности он был неловок, едва не раздавив ее. Это был тихий с виду пятидесятилетний мужчина, лицо которого избороздили глубокие морщины. На протяжении всего интервью доминирующим чувством, которое Лаура ощущала в нем, был стыд, но теперь ей показалось, что есть в нем и искра надежды. Он освободился из тюрьмы Сан-Витторе пару недель назад. Жена бросила его и вернулась в Калабрию с детьми, он оказался бездомным и без гроша в кармане, поэтому очутился на вокзале, где спал на скамейках в залах ожидания и ел то, что находил в мусорном ведре, потому что сама идея просить милостыню смущала его. Он хотел всего лишь получить честную работу, чтобы попытаться начать жизнь с чистого листа. Лаура вручила ему лист бумаги со списком общежитий, суповых кухонь, центров распределения одежды и душевых, объяснив порядок доступа к различным услугам. Как только он приведет себя в порядок и немного восстано-

вится, Центр поможет ему связаться с агентствами по трудоустройству и социальными центрами.

После первых нескольких дней, в течение которых Лаура чувствовала себя неуверенно и неловко, она начала осваиваться со своими задачами. Подход к людям в Центре был мягким, доброжелательным, не было никаких фильтров на входе, не проверялась регистрация. Волонтеры должны были сначала выслушать человека. Важно было наладить диалог с людьми, обращающимися в Центр, завоевать их доверие, побуждая их открыться. Диалог должен был быть активным, чтобы выявить конкретные проблемы и потребности людей – и наиболее подходящие способы их решения. В случае прямой просьбы о помощи волонтеры могли вместе проложить правильный путь восстановления, выполняя функцию руководства и поддержки, не только практической, но и психологической. С этой целью в Центре трудились профессионалы, которые бесплатно консультировали в юридической и медицинской сферах. В тот день, например, пришла очередь врача, и в помещении была устроена импровизированная приемная.

Лаура очень хорошо ладила с другими волонтерами. Они сразу же приняли ее в свою семью и не позволили ей остаться без поддержки и совета. Среди них были: Джиджи, почтовый работник; Вилма, бывшая проститутка; Мария, домохозяйка и мать мальчика, умершего от передозировки наркотиков; Джанкарло, отставной бизнесмен; Лорис, бывшая мо-

дель с кокаиновой зависимостью. «Моя бесстрашная армада Бранкалеоне¹⁶, – ласково определил их Раймонди. «Накопец-то нормальный человек в этой банде чудиков», – сказал он однажды, подмигнув Лауре, которая внутренне улыбнулась, подумав, что в действительности она была самой странной из всех.

В Центре, однако, «дар» время от времени оказывал ей большую помощь – с ним ей было легче понять тех людей, с которыми она имела дело, почувствовать их нужды и потребности. Но прежде всего волонтерство помогало именно ей. Возможность использовать свои навыки для облегчения печали и боли, которые Лаура постоянно ощущала вокруг себя, а не просто быть пассивным свидетелем, приносила ей огромное удовлетворение и придавала смысл всем страданиям, которые она испытывала. Более того, за исключением инцидента в трамвае в первый вечер, постоянное столкновение с такими резкими и сильными эмоциями, как те, что она испытала на вокзале, казалось, пошло ей на пользу, даже укрепило ее. Хотя это и было ужасно утомительно, возможно, с таким «даром» действительно следовало смотреть правде в глаза, а не пытаться тщетно игнорировать ее и убеждать, как она делала всю свою жизнь.

Когда бывший заключенный ушел, Лаура перечитала сделанные ею записи и добавила несколько пометок в лист ин-

¹⁶ «Армия Бранкалеоне» – комедийный кинофильм реж. М. Моничелли (1966).

тервью, а затем подняла глаза, чтобы посмотреть, кто следующий. Вид девушки, отделившейся от небольшой толпы, ожидавшей у стены, на мгновение лишил ее дара речи. Высокая и худая – чересчур, подумала Лаура, – она была одета в пышную балетную юбку, такую же розовую, как ее волосы, и старую, потертую кожаную куртку, украшенную сверкающими стразами. Длинные ноги были обтянуты разноцветными полосатыми колготками, скрывавшимися в тяжелых военных ботинках. Судя по кукольному личику, щедро измазанному косметикой, ей было не больше восемнадцати. Девушка двигалась плавно и легко, озираясь по сторонам глазами испуганной лани. Выглядела она совершенно невероятно, и Лаура мысленно сравнила ее с персонажами японского аниме. Словом, девушка ее очаровала.

– Привет, я Лаура. Пожалуйста, присаживайся. Как тебя зовут?

Девушка с розовыми волосами неуверенно опустилась на стул. Она явно нервничала и машинально, не замечая этого, чесала шею, будто у нее тик. Суженные едва ли не до точек зрачки делали ее глаза еще больше.

– Красивые. Кто их нарисовал? – тихо спросила девушка, разглядывая фрески, украшавшие стены комнаты.

– Тебе нравится? Кто-то из здешних волонтеров, наверное. Я не знаю наверняка, сама тут совсем недавно... Назови свое имя, пожалуйста.

Девушка напряглась.

– Я не... Я думала, тебе это не нужно, – сказала она, бросив обеспокоенный взгляд через плечо. – Может, мне лучше уйти?

– Не беспокойся, если ты не хочешь называть свою фамилию, это не имеет значения; мне нужно только твое имя, иначе я не смогу ничего написать на бланке интервью, – с улыбкой успокоила ее Лаура.

– А, тогда ладно... Я Соня.

– Сколько тебе лет?

Лаура отметила некоторое колебание перед ответом.

– Восемнадцать.

Интуиция подсказывала ей, что совершеннолетней девушка не была.

– Ну что ж, Соня, хочешь рассказать мне что-нибудь о себе?

– На самом деле я пришла сюда только ради этого. Мне сказали, что здесь меня смогут подлечить, – ответила девушка, поднимая левую руку. Та – и это показалось Лауре странным – была перевязана какими-то окровавленными тряпками.

– Конечно, иди.

Она проводила Соню за перегородку в конце комнаты, где врач попросил ее снять куртку и заставил сесть на кушетку, затем освободил руку от импровизированной повязки. Разрез на ладони был несколько сантиметров в длину, но не очень глубокий, никаких швов не требовалось. Дезинфи-

цируя рану и перевязывая ее должным образом, врач в какой-то момент нахмурился и посмотрел на Лауру, привлекая ее внимание к протянутой руке Сони. Едва Лаура пригляделась, как ощутила, как у нее сжалось сердце: локтевой сгиб испещряли маленькие темные отметины. Она должна была понять это раньше. Невнятный голос, суженные зрачки, склонность к почесыванию – все признаки, по которым, как ей говорили, можно распознать героинщиков.

Вернувшись за свой стол, Лаура пыталась придумать, как начать диалог и продлить встречу. Соня была такой очаровательной и милой, и казалась совершенно невинной... Лауре хотелось придумать что-то, найти способ помочь девушке. За несколько дней, проведенных в Центре, она уже встречала наркоманов и слышала множество историй о них от других волонтеров. Судя по тому, что она слышала, бедняги редко выбирались из этой передряги. Обычно такие истории заканчивались СПИДом, тюрьмой или передозировкой.

– Ты любишь танцевать, не так ли?

По лицу девушки пробежала тень.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, твоя юбка, и особенно то, как ты двигаешься... Я тоже когда-то танцевала, представляешь? Классический танец. К сожалению, мне пришлось бросить.

– Современные танцы. – На мгновение Лауре показалось, что Соня вот-вот расслабится, но когда она заговорила, голос ее звучал резко, недружелюбно и сердито. – Ерунда все

это, ничего серьезного. Детские выдумки. Я тоже бросила... Извини, но мне пора, – выпалила она, вновь оглянувшись, и Лаура заметила, как взгляд Сони перехватил парень, стоявший у входной двери. Лицо его было мрачнее некуда, а руки скрещены на груди.

– Это твой парень?

– Он... Да, мы вместе... Он ждет меня, у нас много дел, – ответила Соня, но Лаура не уловила в ее словах ни малейшего следа любви или привязанности. Напротив, то, что она чувствовала внутри себя, без всяких сомнений было страхом.

Лаура взяла ее руки в свои и, наклонившись, сказала тише:

– Мы можем помочь тебе, правда. Если хочешь, ты можешь уйти от него, пока не стало слишком поздно. Ты еще так молода...

– Послушай, ты ошибаешься, – воскликнула Соня, отступая. – Мне ничего не нужно, я в порядке, правда. Мне пора.

– Хорошо, но возвращайся, когда захочешь, договорились? Для чего угодно, даже просто поговорить. Я здесь каждый понедельник, среду и пятницу днем. Мне было бы очень приятно.

Лаура с тоской смотрела, как Соня уходит к ожидающему ее парню. Когда она поравнялась с ним, тот грубо схватил ее за руку и потащил к выходу.

Лаура всем сердцем надеялась, что она вернется.

Было семь часов вечера. Застряв в адских пробках Корсо Буэнос-Айрес за рулем своей тесной «Панды», рядом с Аличе, которая не произнесла ни слова с тех пор, как они покинули дом, Рикардо все еще размышлял над загадкой убитых животных. На всякий случай он опросил об этом всех патрульных участка во второй половине дня. Большинство из них ничем ему не помогли, но несколько человек вспомнили, что в последние недели в окрестностях станции им попадались мертвые кошки. К сожалению, никто не счел это достойным записи, и никто не смог вспомнить, какие именно травмы были нанесены животным. Возможно, конечно, ничего страшного, но к этому времени эта история заставила раздражающе тренькать маленький тревожный звоночек где-то в его голове. На следующий день Рикардо намеревался провести еще несколько проверок, а затем решить, что делать.

Когда небо озарилось первыми отблесками заката, металлический поток машин, стоящих в пробке, все еще медленно двигался между тротуарами, заполненными людьми, входящими и выходящими из магазинов. Аличе вздохнула, не переставая смотреть в окно. До последнего момента она сомневалась, стоит ли ехать с ним, так как у нее сильно болела голова. Меццанотте почти надеялся, что она останется дома.

Правда, у него и так было слишком много проблем, чтобы разбираться сейчас еще и с этим, но отношения с ней разваливались на глазах. Маятник их отношений в последнее время колебался между двумя крайностями – не разговаривать друг с другом и ссориться, перепрыгивая через все, что было между ними. Аличе снова вздохнула.

– В чем дело, Али?

– Кардо, насчет завтра...

Завтра, черт возьми. Весь день он изо всех сил старался не думать о том, что будет следующим утром, и ему это очень хорошо удавалось, а теперь вдруг все это снова напомнило о себе...

– Скажи мне, – пробормотал он, глядя перед собой и сжимая руки на руле до побеления костяшек.

– Пожалуйста, Кардо, скажи им завтра, что ты ошибся. Откажись от обвинений. Ты сказал, что обвинение собрало много доказательств, поэтому будет не так уж плохо, если ты отступишь. Они смогут осудить их даже без твоей помощи.

На следующий день должно было состояться предварительное слушание процесса, основанного на результатах его расследования. Требески неоднократно заверяла Рикардо в том, что его присутствие в зале заседаний не запланировано, но все же попросила его прийти в суд и быть доступным на случай, если прокурор сочтет необходимым его заслушать. В этом случае он впервые окажется лицом к лицу с коллегами, которых подвел под суд. По крайней мере, это было закры-

тое слушание, без посторонних свидетелей или зрителей.

– Все не так просто, я уже объяснял тебе. Я знаю, что тебе тоже тяжело, и мне очень жаль. Но я не могу отступить. Я никогда больше не смог бы смотреть на себя в зеркало, если б сделал это.

Наконец Аличе повернулась к нему, в ее глазах блеснули слезы.

– Но я больше не могу так жить! Я продолжаю слышать этот голос по телефону, те ужасные вещи, которые он угрожал сделать со мной... Мне это снится по ночам, я боюсь выходить из дома...

На самом деле Мещанотте думал об этом. В течение тех бесконечных ночей, когда сон не хотел приходить, а тоска давила на грудь как каменная глыба, у него возникало искушение сдаться. Однако в конце концов гордость, его проклятая гордость – в большей степени, чем чувство долга и справедливости – всегда брала верх. Тогда, даже если б его вызвали в суд, он показался бы сам себе трусливым слабаком, Иудой, бросившим своих коллег в тюрьму.

– Я не могу, черт, я не могу! – кричал Рикардо, ударяя кулаком по рулю; ярость, жившая в нем уже несколько месяцев, вдруг закипела. Жестокость этой вспышки заставила Аличе задохнуться, а затем разрыдаться. – Ни хрена я сделать не могу, понимаешь ты?!

Дверь открыл Дарио Вентури, как всегда, даже вне работы, отличавшийся строгой и безупречной элегантностью. Для своих шестидесяти с небольшим, подтянутый и рослый, он был в прекрасной форме – и темный костюм, как и короткая стрижка, подчеркивал это.

– А вот и вы! Мы уж начали беспокоиться, не случилось ли чего... Скоро будем ужинать.

– Извини, ты же знаешь, эти пробки... – оправдывался Меццанотте, пожимая ему руку.

Вентури похлопал его по плечу, затем повернулся к Аличе, одарив ее широкой улыбкой.

– Как славно, что и ты с нами! Как ты?

– Я... в порядке, доктор Вентури. Ничего особенного, просто небольшая мигрень.

Меццанотте был уверен в том, что от внимательного взгляда Дарио не ускользнули красные глаза Аличе, но тот ничего не сказал. Руководствуясь кристально чистыми нотами сонаты Шопена, они шли по полутемному коридору к гостиной, обставленной строго и немного старомодно. Сразу было заметно, что в доме не хватает женского присутствия.

Томмазо Карадонна и его жена Ванесса уже были там. В свои сорок пять лет Ванесса все еще могла с легкостью вскружить голову любому мужчине, просто пройдя по ули-

це. Длинные каштановые волосы, лучистые ореховые глаза, полные губы, скромное весеннее платье в цветочек, выгодно подчеркивающее ее пышные формы, – она стояла у открытого окна с зажженной сигаретой между пальцами. Карадонна рассеянно листал журнал, сидя на диване; на нем была куртка «Армани» поверх джинсов и футболки. В последнее время он немного располнел, а нахмуренные брови выдавали скрытое беспокойство; тем не менее Томмазо совершенно не выглядел на свои пятьдесят четыре года, а необыкновенное сходство с Робертом Редфордом, которому он был обязан своей славой неотразимого Казановы, неизменно бросалось в глаза.

– А это для тебя, – сказал Мещанотте, протягивая Вентури бутылку виски, которую держал в руке.

– Спасибо, Кардо. «Талискер» десятилетней выдержки, конечно, отличный скотч, но сегодня мы распробуем не его. Сегодня я дам вам попробовать нечто особенное. Я нашел у одного из своих поставщиков бутылку «Ардбег Угадал», настоящую редкость. Он производится на старинной винокурне на острове Айла, на Гебридских островах. Название значит «темное и таинственное место» – от названия озера, где берут воду, из которой его делают. Конечно, вкус несколько своеобразен и отдает торфом, но оттенок хереса его смягчает, честное слово. Его грубая сладость покорит вас.

Страсть к виски, наряду со страстью к классической музыке, была одной из немногих человеческих слабостей Да-

рио Вентури. Холостяк, без известных романтических отношений, без увлечений и пороков, он получил в квестуре прозвище Монах.

После обычного обмена приветствиями и любезностями Рикардо отвернулся от остальных, намеревавшихся поболтать, и с бокалом в руке направился к буфету в конце комнаты. На верхней части шкафа и на стене над ним висели десятки фотографий в рамках всех форм и размеров. Некоторые, самые последние, изображали Вентури на официальных мероприятиях или рядом с различными высокопоставленными лицами, но это были не те, что его интересовали. Он взгляделся в пожелтевшие от времени черно-белые фотографии. Десятки выцветших и потрескавшихся изображений рассказывали об эпопее «трех мушкетеров», а через нее — о пятнадцати годах миланской криминальной истории. В частности, была одна, которую Рикардо каждый раз разглядывал. Она была сделана во дворе Виа Фатенебенефрателли в 1977 году, сразу после ареста Турателло. Рикардо в то время было два года. В центре, прислонившись к «Альфетте» без номерных знаков с мигалкой на крыше, стоял отец; его коренастое тело было укутано в помятый макинтош, из-под усов торчала вечная сигара. Слева от него Томмазо Карадонна, с бакенбардами, в джинсах свободного покроя и клетчатой рубашке, размахивал пистолет-пулеметом «Беретта М12», держа пальцами другой руки знак победы, а с другой стороны Дарио Вентури, в темном костюме, практически идентичном

сегодняшнему, выглядел так торжественно и серьезно, будто только что принял первое причастие. Все трое улыбались – открыто, удовлетворенно и уверенно. Рикардо не помнил, чтобы отец когда-либо так улыбался. Через год его мать, которую он почти не помнил, сгорела от скоротечной лейкемии. Комиссар так и не оправился от потери жены. Его характер, и без того довольно ворчливый и угрюмый, еще больше испортился. Мрачный и замкнутый, он стал для маленького Рикардо слишком строгим и эмоционально отдаленным отцом. Только в компании двух своих коллег и друзей ему иногда удавалось немного оттаять, да и то он был скорее тенью прежнего себя.

* * *

Когда в 1970 году Альберто Мещанотте вместе с женой переехал в Милан из Варезе, где они оба родились и выросли, ему было двадцать восемь лет и он занимал должность заместителя комиссара. Он был назначен в Мобильный отдел в квестуре на улице Фатенефрателли, где и построил всю свою карьеру – сначала в отделе по борьбе с грабежами, а затем в убийном отделе, который возглавил в 1981 году. В 1988 году он возглавил Мобильный отдел и занимал эту должность в течение десяти лет вплоть до своей трагической смерти.

Милан в те дни был богатым и жестоким городом, сочной

косточкой, которую бросают голодным собакам, готовым на все, чтобы вонзить в нее клыки. Со средним числом убийств, подбравшимся к двум сотням в год, Милан дышал в спину Чикаго с его Диллинджером и Аль Капоне. Свистели пули, текла кровь, люди жили в вечном страхе.

Это были годы протестов и демонстраций – на площадях и улицах вспыхивали стычки и столкновения, а жертв терроризма с каждым днем становилось все больше и больше. Организованная преступность начала потихоньку раскидывать свои щупальца по городу, концентрируясь на отмывании денег и прибыльной индустрии похищения людей, а банды беспринципных и амбициозных гангстеров сражались за территорию с помощью автоматного огня.

Прежде всего две, разделенные кровавым соперничеством: банда из Катании, возглавляемая Франческо Турателло¹⁷ по прозвищу Ангелочек, которая контролировала подпольные игорные заведения, проституцию и торговлю кокаином, и банда Ренато «Красавчика Рене» Валланцаски¹⁸ из Комасины, специализирующаяся на грабежах и похищениях людей. Это были дерзкие и безжалостные преступники, которые, будучи загнанными в угол, без колебаний вступали в яростные перестрелки с силами правопорядка.

¹⁷ Франческо Турателло (1944–1981) – итальянский криминальный деятель и босс мафии, действовавший в основном в 1970-е гг. в Милане.

¹⁸ Ренато Валланцаска (р. 1952) – итальянский мафиозо, впоследствии писатель и режиссер.

В то темное и кровавое время быть полицейским в Милане было опасно. Но Альберто Меццанотте не боялся. Можно сказать, что он отчаянно желал подобного, вечно находясь в поисках опасности и острых ощущений. Резкий и не склонный к компромиссам, Альберто обладал жестким моральным кодексом и сильным чувством государственности. Он был полицейским старой школы, гончей на охоте. Всегда присутствуя на местах преступлений и в первых рядах во время рейдов, способный на блестящие следственные прозрения, Меццанотте-старший не гнушался пачкать руки, если это было необходимо. Арест преступников для него был не просто работой – он считал это призванием, миссией. Когда Альберто преследовал добычу, то не успокаивался, пока она не оказывалась за решеткой, выслеживая бандитов с неумолимым упорством и настойчивостью. В своем кабинете он держал военную койку, на которой нередко ночевал во время решающих этапов важного расследования. Со своими людьми, которые ради него готовы были броситься в огонь, он был жестким и требовательным, но всегда верным и чрезвычайно заботливым. Преступники боялись и уважали его.

Через пару лет после прибытия в Мобильный отдел Альберто уже имел под рукой двух своих лейтенантов. Сын рабочего из Фалька, уехавшего из Венеции, чтобы избежать нищеты, Дарио Вентури вырос в муниципальном доме в Сесто Сан-Джованни на северной окраине Милана. По воле своих очень религиозных родителей он готовился стать священни-

ком и учился в малой семинарии Миланского архиепископства. Обманув их надежды, после службы в армии Дарио поступил в полицию и в первые годы службы, готовясь к экзаменам по ночам, окончил юридический факультет, чтобы иметь возможность участвовать в конкурсах для офицеров. Умный и амбициозный, методичный и решительный, Дарио сразу отличился своими способностями. Он знал правила и процедуры досконально и даже в самых критических ситуациях никогда не терял самообладания. Умелый посредник, он обладал острой чувствительностью к журналистским и политическим последствиям расследования. Что касается Томмазо Карадонны, то он был безрассудным отпрыском аристократической семьи из Палермо. Он надел форму из духа авантюризма и в пику своей семье. Томмазо был симпатичным и обаятельным болваном, щедрым, импульсивным и безрассудным до идиотизма. Опытный водитель, наделенный завидной меткостью, он никогда не отступал, когда нужно было рисковать своей шкурой. Он оказался в Милане в качестве наказания после того, как уничтожил служебную машину и пять других автомобилей во время безрассудной погони по улицам Палермо. Его страсть к хорошей жизни, красивым женщинам и азартным играм делала его в некотором роде похожим на негодяев, за которыми он охотился, — настолько, что порой можно было подумать, что ему ничего не стоит оказаться по другую сторону баррикад. Но его глубокое знание ночных клубов и игорных заведений города не

раз оказывалось бесценным для их расследований.

Между этими тремя мужчинами, такими разными и во многом дополняющими друг друга, родилось нерушимое профессиональное и человеческое партнерство. Они стали неразлучны как на работе, так и вне ее. Именно вместе с Вентури и Карадонной Альберто Меццанотте отпраздновал рождение своего сына. Вместе с ними он оплакивал смерть жены. Дружба, связавшая их, пережила даже вторжение в их жизнь Ванессы Фабиани. Они познакомились с ней в 1984 году во время рейда в подпольный игорный зал, где та была вынуждена работать в качестве танцовщицы, чтобы собрать долг, который ее отец никак не мог выплатить заемщикам. Ей было двадцать шесть лет и она была красива настолько, что перехватывало дыхание. И Дарио Вентури, и Томмазо Карадонна влюбились в нее мгновенно. Оба они ухаживали за ней, но Ванесса в конце концов выбрала Карадонну. Вентури смирился с этим, стерпел – и даже стал шафером на свадьбе лучшего друга.

Под руководством комиссара Меццанотте «три мушкетера» провели необыкновенную серию великолепных арестов, которые сделали их имена легендарными. Именно они надели наручники на запястья Ренато Валланцаски в 1972 году за ограбление ресторана «Эсселунга» на Виале Монтероза. Еще раз Красавчик Рене был пойман ими позже, в 1980 году, после одного из его многочисленных побегов, в конце жестокой погони со стрельбой в метро. А в 1977 году в самом цен-

тре Милана они арестовали Франческо Турателло, положив конец его преступному правлению.

Но их шедевром стал арест Анджолино Эпаминонды, известного как Фиванец. Сын скромных катанских иммигрантов, Эпаминонда стал водителем, а затем правой рукой Турателло. После ареста последнего, чтобы унаследовать его корону, вместе со своими печально известными «индейцами» – сворой безумных убийц и наркоманов, – он не колеблясь вступил в бой с бандой братьев Мирабелла, оставшихся верными Ангелочку. Жестокая война, потрясшая город, оставила за собой шлейф из шестидесяти трупов. Привлечь к ответственности Фиванца для комиссара Меццанотте было идеей фикс. Он неустанно охотился за ним в течение многих лет, став его заклятым врагом, настолько, что гангстер однажды даже попытался уничтожить Альберто, напустив на него «индейцев», но потерпел неудачу. В 1980 году Фиванец впервые оказался за решеткой, но был освобожден за недостаточностью улик. Однажды ночью четыре года спустя комиссару наконец удалось найти квартиру, превращенную в некое подобие завода по производству «кокса», где, уже чувствуя дыхание полицейских на своей шее, прятался Эпаминонда. Мастерство Меццанотте заключалось в том, чтобы узнать пароль для входа в убежище и произнести его на строгом катанийском диалекте, чтобы ему открыли бронированную дверь, а затем ворваться внутрь с оружием наперевес.

В тюрьме Фиванец держал на стене камеры фотографию

Меццанотте, на которую плевал каждое утро, как только вставал с постели. Но в конце концов он сдался. Во время жесткого допроса, играя на его ахиллесовой пяте – любви к своим детям, – комиссар убедил его рассказать все. Фиванец признался в семнадцати убийствах и сотрудничал со следователями, чтобы восстановить картину в еще примерно сорока случаях. Раскаяние Эпаминонды позволило Меццанотте и его людям в последующие годы провести впечатляющую серию арестов, ликвидировав целые преступные сообщества и, по сути, опустив занавес над той эпохой кровопролития и насилия.

Пути «трех мушкетеров» разошлись вскоре после того, как Альберто Меццанотте стал начальником Мобильного отдела в ранге заместителя комиссара – но для всех он навсегда остался «комиссаром Меццанотте». Перейдя в 1989 году в «Дигос», а затем в Интерпол, Дарио Вентури начал стремительную карьеру, которая, благодаря влиятельным связям, которые он приобрел со временем, привела его на вершину миланской полиции. Что касается Томмазо Карадонны, тот ушел в отставку в 1994 году после интрижки, все детали которой так и не были до конца прояснены (его подозревали в коррупции), и основал частную охранную компанию. Однако их дружба продолжалась до тех пор, пока неизвестный убийца не прикончил Альберто Меццанотте тремя выстрелами в упор в 1998 году.

– Ты знаешь, что я до сих пор не привык видеть тебя без «ирокеза»? – Голос Карадонны вывел Меццанотте из задумчивости; он и не заметил, как тот оказался рядом с ним.

– Уже много лет как у меня его нет, – ответил Рикардо, инстинктивно проводя рукой по голове. Когда-то у него была прическа «ирокез» с выкрашенным в рыжий цвет гребнем, оставшимся с тех времен, когда он был басистом «Иктуса», самой старой панк-группы, когда-либо украшавшей миланские андеграундные сцены. Меццанотте избавился от него в тот момент, когда решил стать полицейским, так же как и полностью порвал свои связи с тем миром.

– Это правда, но мы редко виделись после того, как ты поступил в полицию, между курсами подготовки и переводом в Турин. И знаешь, что я тебе скажу? Мне твой «ирокез» нравился, хотя беднягу Альберто тогда чуть удар не хватил.

«Чуть не хватил – это уж точно», – подумал Рикардо. Хотя определенно бывали моменты и похуже. Он не мог не вспомнить последнюю встречу с отцом, за два года до его убийства. Это было его самое болезненное воспоминание – и его самое большое раскаяние. После той ужасной ночи у них больше не было контакта, кроме пары коротких телефонных звонков. Смерть отца навсегда лишила Рикардо возможности примириться с ним.

– Ну, как у тебя дела на железной дороге? – сменил тему Карадонна, нарушив молчание, установившееся между ними.

– Для меня дела обстоят несколько лучше, чем в квестуре, я не могу этого отрицать. Но это точно не убойный отдел.

– Да, я тебя понимаю... Если у тебя крепкие яйца и желудок, то выше убойного прыгать некуда – это высший пилотаж для полицейского. Хотя, скажу тебе честно, отдел по борьбе с ограблениями был моим любимым.

– Почему?

– Больше погонь и перестрелок, – проворчал Карадонна, и они оба разразились смехом.

– О чем это вы тут шушукаетесь? – спросил Вентури, присоединившись к ним.

– Ничего, Дарио. Ты все равно не одобрил бы, – ответил Карадонна, толкнув Меццанотте локтем.

Несколько мгновений все трое молча смотрели на фотографии, затем Вентури произнес:

– Завтра, не так ли?

– Да, завтра утром. Наверное, мне придется дать показания.

– Прямая спина и нос по ветру, Кардо, – вмешался Карадонна. – Возможно, это станет для тебя неожиданностью, учитывая, *что* многие в квестуре думают о тебе, но, на мой взгляд, тебе нечего стыдиться. Ты выполнил свой долг, и Альберто гордился бы тобой.

– Думаешь? Мне всегда было интересно, как бы он повел себя на моем месте.

– Что именно он сделал бы, мне неизвестно. Твой отец мог быть непредсказуемым. Но в одном я уверен: он не позволил бы им уйти от ответственности. Не так ли, Дарио?

– Ну, Альберто мог бы сам хватать их по одному и отправлять пинками до самого Сан-Витторе, – шутливо заметил Вентури. – Но он был не просто полицейским, а комиссаром Меццанотте, – добавил он уже серьезнее.

Рикардо посмотрел на него.

– Ты думаешь, что я был не прав, обратившись к судье, не так ли? Я должен был сначала поговорить об этом с тобой?

– Да, Кардо, так было бы лучше. К этому вопросу можно было подойти более осторожно и осмотрительно, ограничив ущерб. Но что сделано, то сделано, и не стоит об этом теперь.

– Да, в таких вещах ты мастер, – вмешался Карадонна, обхватив Меццанотте за плечи и по-отечески обняв его. – Но мы – люди действия. Благоразумие и дипломатия – не наша сильная сторона.

– Ты всегда рассуждал больше яйцами, чем мозгами, Томмазо, в этом нет сомнений, – ответил Вентури. – Однако в отношении Кардо я все еще сохраняю некоторую надежду.

Меццанотте расхохотался, что вызвало у них облегчение и благодарность. В этот момент он почувствовал, что находится не на враждебной территории, а в последнее время это случалось с ним не очень часто.

К тому времени, когда Лаура вышла из Центра помощи, уже наступили сумерки. В темноте, опускавшейся на площадь Луиджи ди Савойя, уличные фонари и фары автомобилей бросали на здания и людей призрачный свет. В тот вечер Лаура сильно задержалась – ее смена давно закончилась, но нужно было очень много всего сделать. В Центре жизнь всегда была ключом – никогда не оставалось свободного времени. Для нее, столько прожившей в добровольной изоляции, отстраненности и бездействии, возможность стать наконец полезной, ощущать себя частью чего-то важного было опьяняющим и захватывающим опытом. Работа придавала ей сил, и Лаура впервые чувствовала себя живой, как никогда прежде. Отношения с матерью перешли в стадию открытой войны, и, даже опоздай она на ужин, ситуация не стала бы хуже.

Прижимая к себе сумку, она шла с опущенной головой по тротуару, тянущемуся вдоль боковой стороны вокзала, направляясь к трамвайной остановке. Два иммигранта с Востока, пившие пиво на ступеньках ворот, открыто разглядывали ее, когда она проходила мимо. Чуть дальше мужчина мочился на заднюю часть припаркованного фургона. Днем здесь все было иначе, и Лаура неохотно призналась себе в том, что с наступлением темноты вокзал становился куда бо-

лее устрашающим. К тому же она была измотана, и от любой попытки сосредоточиться в висках начинала пульсировать тупая боль. Ей не терпелось принять душ и залезть в постель. Ужин, скорее всего, она уже пропустила.

Лаура ускорила шаг, когда к ней подошел коренастый парень, чтобы попытаться продать ей наркотики, одарив ее гнусной улыбкой. Она почувствовала внезапное ощущение холода, сопровождаемое дрожью, пробежавшей по позвоночнику. Лаура замерла, ее сердце бешено колотилось. Она с трудом дышала, словно воздух вдруг загустел. Нет, нет, только не сейчас... Этого не могло быть; несмотря на усталость, она была начеку, она ни на секунду не ослабляла свою защиту, стеклянный колокол в ее сознании был прочно установлен. И все же посторонние эмоции проникали в нее, не сталкиваясь с препятствиями, вместе с мрачным чувством угнетения. Вернее, набор эмоций. Это была мучительная смесь печали, боли и страха, которая, несмотря ни на что, почти заставила ее плакать. Лаура с недоумением огляделась вокруг, пытаясь найти источник, но он казался одновременно близким и далеким, везде и нигде, как будто эти интенсивные эмоции не были связаны с конкретным человеком, а витали в воздухе как ядовитое облако. Она никогда не испытывала ничего подобного; ей казалось, что ее засасывает в бездну отчаяния и мучений.

Затем Лаура заметила детей. Мальчик и девочка, с виду лет двенадцати и восьми. На нем были короткие шорты с

бретельками, рубашка светлого цвета и кепка; на ней – летнее платье в цветочек, волосы украшали банты. Они скакали, держась за руки, по одной из дорожек маленького сада в центре площади, через дорогу. Лауре показалось странным, что в этот час такие маленькие дети бродят одни, но поблизости не было ни одного взрослого, который мог бы за ними приглядывать. В какой-то момент мальчик остановился и обернулся с серьезным выражением лица. На мгновение Лоре показалось, что он смотрит прямо на нее, а в его глазах горит странный огонек, – но затем он снова запрыгал вперед, таща за собой ту, что, по мнению Лауры, была его младшей сестрой. У нее возникло было желание последовать за ними, но эмоциональная буря, продолжавшая бушевать внутри нее, удерживала ее на месте. Когда она смотрела, как они уходят в направлении автомобильного туннеля, пересекающего железнодорожную эстакаду, соединяющую улицы Тонале и Перголези, эмоции, терзавшие ее, постепенно утихали, пока не исчезли совсем, оставив ее растерянной и дрожащей посреди тротуара.

* * *

Был час ночи, и Меццанотте уже в третий раз объезжал квартал в поисках парковки. Он оставил Аличе перед воротами уже двадцать минут назад, и найти место для машины было нужно позарез. На самом деле ему очень хотелось в

туалет, и он уже пару раз чуть не врезался. На кузове его видавшей виды машины и без того было полно вмятин и царапин, и добавлять новые необходимости не было.

Дело в том, что Меццанотте был совершенно пьян. От бутылки виски – темного и таинственного – не осталось ничего, все было выпито до последней капли. В таком вечере он и нуждался – ему отчаянно не хватало возможности расслабиться в приятной компании. На следующий день, конечно, ему будет сложно сосредоточиться, но, может, оно и к лучшему. Настроение Аличе тоже слегка улучшилось. Почти все время она беседовала с Ванессой, хоть и выглядела несколько напряженной. Ясно дело – копы справа, девочки копов – слева. Солидарность, чтоб ее...

Наконец Рикардо заметил свободное место. Оно частично выходило на проезжую часть, но какая разница, он действительно больше не мог терпеть. С помощью серии резких маневров ему удалось припарковать машину, чудом не повредив ее. Выйдя из машины, он сразу понял, что находится слишком далеко от дома, поэтому, хотя это было не очень правильно для стража закона, проскользнул между двумя мусорными баками на темной пустынной улице и, тяжело вздохнув, с облегчением, опорожнил мочевой пузырь.

Рикардо шел домой не по прямой; его голова кружилась как карусель. Сделав несколько шагов, он услышал за спиной голос:

– Инспектор Меццанотте...

Обернувшись, он едва успел удивиться тому, что к нему обращаются по фамилии и должности в такое время суток – и тут в живот ему прилетел сильный удар. Сморщившись от боли, Рикардо вслепую протянул руку и схватил за рубашку стоящего перед ним человека. Несмотря на то что он был застигнут врасплох и очень пьян, все равно мог бы взять верх над нападавшим. Если б тот был один... Но, к сожалению, у него был сообщник, который сзади нанес ему удар дубинкой по почке. Рикардо рухнул на колени с придушенным стоном – и больше ничего нельзя было сделать. Двое набросились на Мещанотте, осыпая его ударами кулаков и палок. Они старались не бить по лицу – возможно, чтобы не оставлять слишком заметных следов, – но в остальном не церемонились. Нападавшие не произнесли ни слова, но у Мещанотте не было ни малейшего сомнения в том, почему они его бьют. Предварительное слушание по делу было назначено как раз на следующее утро.

Все, что ему оставалось, это свернуться в позе эмбриона на асфальте, чтобы максимально обезопасить себя, и ждать, пока все закончится, надеясь, что они не увлекутся и не забьют его до смерти.

– Наблюдается ли у нас рост жалоб на убийство животных в последние недели? – повторил оператор миланского офиса НОЗЖ, Национальной организации по защите животных, на другом конце линии. – Нет, инспектор, насколько мне известно, нет.

– Я имею в виду животных, убитых варварским и жестоким способом, после того как их подвергли настоящим пыткам. Разрывание на части, ампутация конечностей и тому подобное, – уточнил Меццанотте, зажав трубку плечом и выдавливая из блистерной упаковки пару таблеток, которые он проглотил вместе с глотком воды из пластиковой бутылки. Затем добавил: – Особенно в окрестностях Центрального вокзала.

– Я не... Подождите, раз уж вы упомянули об ампутированных конечностях, на прошлой неделе одна женщина сообщила нам, что нашла под своим домом искалеченную кошку. Это не сразу пришло мне в голову, потому что мы классифицировали это как случайную смерть. Дама была убеждена, что ее переехал трамвай. У этой бедной скотины был разорван живот и отрублены все четыре лапы.

– Где живет эта дама?

– Позвольте мне проверить... вот: на углу Виа Тонале и Виа Саммартини.

«Прямо напротив вокзала», – подумал Рикардо.

– Спасибо, вы мне очень помогли.

Потянувшись, чтобы положить телефонную трубку, он почувствовал боль в боку и застонал. Хотя Меццанотте продолжал накачивать себя обезболивающими препаратами, он чувствовал боль повсюду. Его тело было покрыто синяками и ссадинами. Возможно, одно ребро треснуло. Тем не менее он полагал, что ему повезло: ничего не сломано и, похоже, внутреннего кровотечения тоже не было.

Рикардо оперся локтями на стол и спрятал лицо в ладонях. Он чувствовал себя тросом, натянутым до предела под воздействием слишком тяжелого груза. В том, что он рано или поздно лопнет, сомнений не было – но надолго ли его хватит? Меццанотте ощущал, как мало-помалу начинают лопаться и трещать волокна этого самого троса, как он изнашивается.

Накануне вечером Рикардо притащился домой, проглотил горсть обезболивающих и забрался в постель, не разбудив Аличе. Он ничего не сказал ей об избииении – в том состоянии, в котором его подруга находилась в последнее время, она с ума сошла бы от ужаса. Утром, ожидая в коридоре здания суда, Рикардо был так напичкан лекарствами, что заснул прямо на скамейке, и секретарю суда пришлось трясти его, чтобы объявить, что его вызывают в зал заседаний. В зале суда ему стоило нечеловеческих усилий нормально пройти к скамье, не скривившись от боли. Он был настолько полон

гнева, что без труда и колебаний ответил на все вопросы прокурора, глядя прямо на группу обвиняемых, не опуская глаз.

Позже, в отделе, новость о его показаниях уже распространилась, и его коллеги снова стали относиться к нему как к вредителю. Ему отчаянно нужно было что-то, что занимало бы его разум, чтобы сосредоточиться, чтобы не думать обо всем том дерьме, которое сыпалось на него. И единственное, что у него было, – это дело о мертвых животных.

Прежде чем позвонить в Национальное агентство по защите животных, Мещанотте обошел весь вокзал, задавая вопросы железнодорожным служащим, уборщикам, владельцам магазинов. Он также допросил мужчин из службы наблюдения супермаркета. Во время ужина у Вентури, разговаривая с Томмазо Карадонной – чей бизнес, как подозревал Рикардо, в последнее время шел не очень хорошо, – он узнал, что именно его компания отвечает за безопасность супермаркета на Центральном вокзале, и попросил его задать несколько вопросов охранникам. Включая два случая, непосредственным свидетелем которых был Мещанотте, он выявил пять убийств кошек, которые можно было с относительной уверенностью приписать одной и той же руке, плюс еще несколько случаев, информация о которых была слишком расплывчатой и неточной, чтобы вселять особую уверенность. Рикардо приказал и патрульным, и двум своим информаторам впредь держать ухо востро и докладывать ему обо всем, что связано с гибелью животных.

К этому времени он уже почти не сомневался: кто-то уже около месяца убивает кошек, а потом раскладывает их по всему вокзалу. Какого черта он это делает и почему именно на вокзале, было большой загадкой. Правда, в конце концов речь шла не более чем о животных — о преступлении, за которое полагается лишь штраф, — но Меццанотте не мог игнорировать едва уловимое беспокойство, которое продолжала вызывать в нем манера этих убийств. Он решил, что пришло время сообщить об этом комиссару Далмассо. Отметил места находок на карте и приступил к написанию служебного отчета об этом деле.

* * *

Войдя в кабинет начальника, Меццанотте обнаружил его за рабочим столом сосредоточенно подписывающим бумаги. На нем был потрепанный бежевый костюм без галстука, и выглядел комиссар помятым и усталым. Даже его прическа была не в порядке — сквозь всклокоченные волосы просвечивала лысина. Когда Рикардо положил перед ним свой отчет, комиссар ненадолго поднял голову, поблагодарив его кивком. Через несколько мгновений, заметив, что Меццанотте все еще в кабинете, всем своим видом показывая, что не собирается уходить, он снова поднял голову и вопросительно изогнул бровь.

— Вот, комиссар, я подумал, что вы могли бы взглянуть на

это прямо сейчас. Я думаю, это важно...

У Далмассо возникло искушение оправдаться большой занятостью, но все же он со вздохом сдался, отложил ручку, дал инспектору знак присесть и протянул руку к отчету.

Пока начальник читал его, Меццанотте оглядывался по сторонам. Нельзя сказать, что Далмассо приложил много усилий к обживанию своего кабинета. Помимо письменного стола, в небольшой комнате находились металлический шкаф для бумаг и книжный шкаф, переполненный папками. Никаких растений и украшений. На стенах, выполненных в том же блекло-зеленом цвете, что и остальная часть секции, висел лишь вечно актуальный календарь Государственной полиции и фотография президента республики. Единственным вкладом Далмассо в декор, казалось, были два фото в рамках рядом с компьютером. Его жена – и маленькая парусная лодка, которую он держал на берегу озера Маджоре. Ни у кого в отделе не было сомнений в том, кто из них двоих стоит на первом месте в списке симпатий комиссара. Как только у него выдавалась свободная минутка, он мчался к озеру, чтобы поплавать в этой хрупкой скорлупке. Пресноводный моряк – определение, которое, по мнению Меццанотте, подходило ему как нельзя лучше. Он считал Далмассо в целом хорошим человеком и не самым худшим начальником, который у него был, но и отнюдь не бесстрашным львом. Он был бы хорошим полицейским, если б не имел склонности уклоняться от решения проблем, вместо того чтобы решать

их при первой возможности, и если б не был всегда слишком осторожен, чтобы угодить вышестоящим и вообще не наступать на пятки тем, кто мог бы доставить ему неприятности.

Закончив читать, комиссар положил отчет обратно на стол и откинулся на спинку кресла, переплетя руки на животе. Он всматривался в Меццанотте, прищурившись маленькими, близко посаженными глазами.

– Отличный отчет, инспектор, точный и обстоятельный. Вы провели очень тщательную работу.

– Спасибо, комиссар, – немного нетерпеливо прервал его Рикардо. – Я считаю, что мы должны официально начать расследование. И хотел бы сам за него взяться.

– ...Тщательность, достойная лучшего применения, позвольте мне добавить, – заключил Далмассо, не обращая внимания на прерванный разговор.

– Я... Что?.. – запнулся Меццанотте, застигнутый врасплох. Затем, не сумев скрыть разочарование, уточнил: – Значит, вы не намерены доверить мне расследование?

– Ни вам, ни кому-либо другому, инспектор. Мы находимся в эпицентре урагана, если вы забыли. Мне в спину дышит начальник отделения, он звонит мне каждый день, ему нужны результаты, и на данный момент, несмотря на все усилия, которые мы прилагаем, мне нечего ему предложить. Я люблю животных как никто другой, но сейчас горстка мертвых кошек не стоит на первом месте в списке наших приоритетов.

– Кто-то на Центральном вокзале систематически мучает и убивает животных с невиданной жестокостью, – проворчал Меццанотте. – Мне кажется, есть повод для беспокойства. Разве мы не должны попытаться понять, что стоит за этим?

– Хорошо, Меццанотте, хорошо. – Далмассо широко развел руки в стороны с примирительной улыбкой. – Если вы действительно хотите привлечь внимание к этому вопросу, я не буду вас останавливать – но не более того. Время и ресурсы отдела не должны быть потрачены впустую. Я ясно выражаюсь?

– Да, синьор, совершенно ясно.

Меццанотте встал слишком резко, почувствовав мучительную боль в груди.

– Что-то не так, инспектор? Вы себя хорошо чувствуете?

– Я в порядке, ничего страшного, – ответил Рикардо сквозь стиснутые зубы, выходя из кабинета нетвердыми, шаткими шагами.

* * *

– Простите, я не поняла...

В тот день Лаура просто не могла сосредоточиться. Она даже не вполне поняла, о чем ей читали лекцию в университете утром, и даже сейчас, в Центре помощи, постоянно отвлекалась. Девушка все еще была глубоко расстроена тем, что произошло два дня назад. И сбита с толку. Она была так

довольна – казалось, все идет своим чередом, она чувствовала, что начала управлять своей жизнью... Но вся ее уверенность рухнула за несколько мгновений, как песчаный замок, унесенный волной. С «даром» всегда все так и обстояло. Каждый раз, когда ей казалось, что она обрела опору, что ей удалось подчинить и приручить его, случалось что-то, что возвращало ее в исходную точку.

Лаура никак не могла перестать думать об этом. Как это было возможно? Ей никогда не приходило в голову, что стеклянный колокол окажется совершенно неэффективным, что эмоции преодолеют этот ментальный барьер без малейших трудностей. Как и в первый раз, она не могла определить их происхождение, словно они исходили не от конкретного человека, а полностью пронизывали окружающее пространство. Кроме всего прочего, Лаура не могла вспомнить, чтобы когда-либо в своей жизни испытывала нечто подобное: концентрацию негативных эмоций такой интенсивности, что она испугалась, что ее сердце разорвется. Как будто мир стал негостеприимной пустошью, местом страданий и мучений, из которого навсегда исчезли все следы любви, жалости и надежды. *Ад на земле* – именно такой образ вызвали у нее эти эмоции. Сама мысль о том, чтобы снова испытать подобное, приводила ее в ужас. А потом были двое детей, которых она видела в маленьком саду... Почему-то у нее сложилось впечатление, что они связаны с тем, что она испытывает, но, прокручивая все снова и снова в голове, Лаура начинала со-

мневаться в том, что поняла все верно. Кто знает, что они делали в этот час в таком опасном месте, как вокзал... Возможно, жили поблизости или были детьми кого-то из иммигрантов с Востока, проводивших все дни на площади. Однако девушка была уверена, что в этот момент они были одни и никто их не сопровождал.

– Не могли бы вы повторить, пожалуйста?

С большим трудом ей удалось закончить интервью с молодым сенегальцем, просившим помощи в продлении вида на жительство, быстро набросать несколько заметок на карточке, затем подать знак другому волонтеру возвращаться с перерыва, схватить свой рюкзак и поспешить в туалет. Чуть раньше Лаура почувствовала небольшое напряжение в паху и ощущение влаги между ног. Она ждала их несколько дней, и вот они появились – и притащили с собой месячные. Девушка вошла в дамскую комнату, поспешно расстегнула джинсы и стянула их вместе с трусиками. Катастрофа, иначе не скажешь... Она оторвала длинную полоску туалетной бумаги и с несколько истерическим неистовством начала приводить себя в порядок, но была вынуждена остановиться из-за шквала рыданий, которые подступили к горлу. По щекам потекли слезы. Лаура опустилась на унитаз, не в силах сдерживаться. Ей хотелось бы свалить все на гормональные изменения из-за месячных, но она знала, что это неправда, по крайней мере не полностью. Просто все было так сложно, ее жизнь пришла в полный беспорядок, и Лаура чувствовала

себя ужасно уставшей и одинокой. Она отчаянно нуждалась в разговоре с кем-то, в теплых объятиях, но у нее не было парня и друзей, с которыми она была бы достаточно близка, бабушка умерла много лет назад, а родителям – так уж получилось – было абсолютно все равно. Рядом не было никого, кто мог бы приободрить ее, утешить, успокоить. Ей приходилось полагаться только на себя, как это было всегда, и выживать за счет собственных сил, пока они у нее оставались.

Согнувшись пополам на унитазе, Лаура позволила своим слезам течь свободно. Как только почувствовала себя немного спокойнее, она шмыгнула носом, закончила подмываться и вставила тампон. Склонившись над раковиной со сколами, несколько раз ополоснула лицо холодной водой, слабо улыбнулась своему отражению в зеркале и вышла из уборной.

Вернувшись в большую комнату, Лаура сразу же заметила стройную фигурку, силуэт которой виднелся в дверном проеме, и направилась к ней. Соня замешкалась у входа в Центр, прикусив внутреннюю сторону щеки. На ней, как и в тот раз, были розовая балетная юбка и кожаная куртка, но сейчас наряд дополняли чулки в сеточку, порванные в нескольких местах, и черный кружевной топ. Очаровательная темная фея с помятыми крыльями.

– В прошлый раз ты сказала мне, что мы можем поговорить, – с легким смущением начала Соня, убирая розовую челку с глаз. – Я просто проходила мимо и решила заглянуть... если тебе не сложно.

– Вовсе нет! Я рада, что ты вернулась. Пойдем, присядем.

От ее внимания не ускользнули подбитый глаз и опухшая, рассеченная нижняя губа девушки. Слишком уж легко Соня получала травмы, чтобы полагать, что все это не более чем случайность.

* * *

Никто не мог помочь ей, но Лаура могла помочь другим – в частности, Соне. Именно из этого, думала она, пока они шли к ее столику, нужно черпать силы, чтобы не сдаваться.

Когда девушки сели напротив друг друга, Лаура попыталась растопить лед, направив разговор на их общую страсть к танцам. Соня рассказала ей, что всегда любила танцевать, даже в детстве, и начала брать уроки, когда ей было десять лет. Она мечтала стать телеведущей. Но была вынуждена бросить школу танцев после того, как два года назад ушла из дома. Лаура спросила ее, почему она ушла; Соня замялась и сказала лишь, что ситуация в семье стала неприемлемой.

После паузы и неловкого молчания Лаура задала ей вопрос, который все это время вертелся у нее на языке:

– Что с тобой случилось, Соня? Кто сделал это с тобой?

Девушка колебалась. У нее был растерянный вид, и из-за этого она казалась еще более хрупкой и молодой, чем была на самом деле.

– Ничего такого, я просто ударилась...

– Скажи мне правду. Это был он, не так ли? Твой парень. Он тебя избил?

Соня кивнула.

– Время от времени он это делает. Когда я не... – Ее поврежденная губа дрожала, а глаза остекленели; она пыталась сдержать рыдания. Потом добавила шепотом: – Он требует, чтобы я... он заставляет меня... чтобы... я больше не хочу делать с ним такие вещи.

Она не могла продолжать. Крупные слезы вместе с макияжем стекали по ее щекам темными ручейками.

В перерывах между рыданиями Сони Лауре потребовалось некоторое усилие и много терпения, чтобы понять из невнятных фраз, что ее парень, Артан, – мелкий албанский наркоторговец – заставляет ее заниматься проституцией, держит ее привязанной к себе наркотиками и, если это перестает работать, избивает.

Лаура попыталась убедить девушку в том, что ей следует отказаться и от него, и от героина, но Соне некуда было идти – она ни при каких обстоятельствах не вернулась бы домой – и она не могла прекратить употреблять наркотики; уже пыталась пару раз и всегда срывалась.

Когда же Лаура предложила ей возможность попасть в реабилитационный центр, Соня словно ожила, и на мгновение Лаура почувствовала, как в ее душе распускается росток надежды. Да, это было бы здорово, правда. Но, к сожалению, невозможно. Она слишком боялась Артана, он постоянно

контролировал ее, а когда злился, становился просто невыносимым. Если у него возникнет хоть малейшее подозрение, что она собирается бросить его, Артан заставит ее заплатить. Однажды он сказал ей так: если узнает, что она уходит к другому, то порежет ее так, что на нее никто никогда не посмотрит.

Чтобы успокоить и ободрить ее, Лаура пообещала, что поможет ей, нужно только правильно организовать побег. Но Соня, внезапно осознав, сколько прошло времени, прервала ее. Ей нужно было немедленно уходить, если она не хочет, чтобы Артан узнал, что она ушла без его разрешения. Перед тем как Соня убежала, Лаура успела дать ей свой номер телефона и взять с нее обещание, что она все обдумает и, как только примет решение, свяжется с ней.

* * *

– Тебя подвезти, Лаура? Моя машина рядом.

... Было уже девять часов вечера, и Лаура стояла возле бара на углу площади Дука д'Аоста и улицы Витрувио вместе с Леонардо Раймонди и другими волонтерами. Уже стемнело, и ярко освещенный фасад вокзала царил над полумраком площади, оттеняя легкий, почти парящий силуэт небоскреба «Пирелли».

Когда Центр закрылся, Раймонди пригласил их на аперитив – время от времени он это делал. До сих пор Лаура все-

гда отказывалась, но в этот вечер, хоть и очень устала, она чувствовала необходимость побаловать себя; а еще ей требовалось рассказать Лео о Соне и посоветоваться о том, как правильно вести ее дело. Вместо коктейля она заказала приправленный специями томатный сок – если что и делало ее особенно уязвимой перед натиском эмоций, так это алкогольное опьянение, – но это не помешало ей провести приятный час с остальными. Раймонди согласился, что в таком случае, как у Сони, реабилитационный центр будет лучшим решением, дав ей несколько подсказок и практических предложений. Однако он также напомнил ей, что политика Центра заключается в том, чтобы брать на себя ответственность лишь за тех, кто прямо обращается за помощью и проявляет явную готовность встать на путь выздоровления. Форсирование ситуации и навязывание помощи в иных случаях может оказаться абсолютно бесполезным.

Среди присутствующих волонтеров был Лорис, бывшая модель и бывший кокаиновый наркоман, который только что предложил подвезти ее и теперь с улыбкой ждал ответа. Высокий, широкоплечий, в рубашке «Лакост» и узких джинсах, обтягивающих его мускулистые ноги, Лорис действительно был парнем что надо. Он всегда был полон внимания и доброты по отношению к ней, и Лаура давно знала, что он неравнодушен к ней. Это была одна из незаслуженных привилегий, которые давал ей «дар»: она почти всегда могла почувствовать, нравится ли кому-то и насколько сильно.

Было бы легко воспользоваться этим, чтобы облегчить чувство одиночества, охватившее ее. Какая-то часть ее просто хотела скользнуть в машину и оказаться в его объятиях. Но к Лорису она чувствовала не более чем обычное влечение – он был не в ее вкусе, хотя Лаура знала, что парень не просто хотел немного развлечься, а действительно был увлечен. Лучше, решила она, сказать ему правду – пусть это и разочарует его сейчас, чем потом разобьет ему сердце.

– Спасибо, но в этом нет необходимости, я хочу прогуляться.

Лаура вежливо попрощалась со всеми, расцеловав с особой нежностью удрученного Лориса, и отправилась в путь. Чтобы сесть на трамвай, ей нужно было пересечь привокзальную площадь и выйти на площадь Четвертого Ноября, но какое-то предчувствие направило ее шаги обратно к Центру. Когда она шла по направлению к площади Луиджи ди Савойя, ее сердце начало биться сильнее – и мрачное, гнетущее чувство не заставило себя долго ждать.

Лаура заметила их издалека среди деревьев и клумб в саду – и не сомневалась, что это снова они. Мальчик и девочка, он на три-четыре года старше. Одни, даже сейчас, хотя было уже позднее, чем в прошлый раз. Они стояли неподвижно, рука об руку, повернувшись лицом в ее сторону. Как только поняли, что она их увидела, развернулись и начали скакать по подъездной дорожке. Это было нелепо, но Лауре показалось, что они ждут именно ее.

Именно тогда – словно внезапно поднявшийся ветер, который быстро набирает силу и вот-вот превратится в смерч – эмоции накрыли ее особенно яростно. Они были такими же, как и тогда – страх, грусть и боль в чистом виде, – и, как и в прошлый раз, несмотря на то что Лаура ожидала этого и сосредоточилась, чтобы максимально укрепить стеклянный колокол, они с обезоруживающей легкостью преодолели ее психическую защиту. Лаура чувствовала, как каждая частица света и тепла в ней высасывается, погружая ее в ледяную тьму, кишащую ужасами.

Она пошатнулась. У нее было искушение броситься на землю в слезах, потому что в этой темноте уже ничто не имело смысла и не оставалось никакой надежды, но усилием воли Лаура заставила себя продолжать. Она хотела понять, что с ней происходит и почему, и каким образом это связано с двумя детьми.

В этот момент один из автобусов, которые постоянно отправлялись и прибывали на площадь, остановился перед подъездной дорожкой, по которой скакали маленькие брат и сестра, скрыв их из виду. Боясь потерять их, Лаура ускорила шаг, несмотря на то что это стоило ей огромных усилий. Она почти бежала по тротуару, идущему вдоль боковой стороны вокзала, куда выходила и дверь Центра помощи. Миновав припаркованный автобус, снова увидела их. Дети весело скакали по тротуару, граничащему с садом, на противоположной стороне улицы. Как и два дня назад, они направлялись к

задней части площади, где открывалось устье туннеля, проходящего над железнодорожной эстакадой.

Взяв себя в руки, Лаура снова ускорила шаг и сошла с тротуара, чтобы перейти дорогу, ни на секунду не упуская из виду детей. Дойдя до центра проезжей части, когда ее отделяли от них всего несколько метров, она поняла, что они что-то напевают. Лаура едва слышала слова, их голоса доносились до нее как слабый шепот на ветру, – но этого было достаточно, чтобы узнать детский стишок-песенку, даже если в ее памяти она звучала несколько иначе.

Звездочка-звезда,
Ночь уже так близко,
В комнате моей темно,
Я боюсь до дрожи.
Наверху, на крыше, – совы,
Монстры под кроватью
Клацают зубами.
Спать мне так страшно,
Но знаю, рядом с мамой
Страшно мне не будет.

Она была всего в нескольких шагах от них, когда оглушительный рев сигнала заставил ее вздрогнуть. Лаура внезапно повернулась, ослепленная двумя огромными фарами, мчащимися на нее. С пронзительным визгом шин автобус остановился в нескольких сантиметрах от Лауры. Ей потребова-

лось несколько секунд, чтобы оправиться от испуга, когда водитель высунулся из бокового окна, что-то крича ей вслед. Она безуспешно искала взглядом детей, но их не было — и внутри нее возник эмоциональный вихрь.

* * *

Это утро было незабываемым до отвращения. Неурядицы и неприятности сыпались как из рога изобилия. Меццанотте возвращался после особенно сложной операции — один мужчина разделся догола и, забравшись на парапет одной из террас над билетными кассами, приставил горлышко предварительно разбитой бутылки к своему горлу. Он оказался 30-летним мужчиной с психическим расстройством, одним из многих, кто, брошенный на произвол судьбы семьей и медицинскими учреждениями, очутился на вокзале. Его неестественная худоба, выпирающие кости, длинные волосы и нечесаная борода делали его похожим на истощенного Христа. Он потребовал переговоров с начальником вокзала, угрожая суицидом. Его крики, эхом отдававшиеся в огромном зале, привлекли целую толпу зрителей, которых сотрудники «Полфера» с трудом удерживали на расстоянии. Чего хотел мужчина, они не могли понять; возможно, он и сам не знал. Потребовался час переговоров под руководством начальника вокзала, в ходе которых мужчина не раз был близок к тому, чтобы вогнать осколок стекла себе в сонную ар-

терию, прежде чем Мещанотте смог незаметно подойти достаточно близко, чтобы схватить его за вооруженную руку и потянуть вниз.

Этот день с самого утра был отвратительным. На утренней планерке у Рикардо случилась бурная дискуссия с комиссаром Далмассо. Он предложил увеличить количество патрулей в штатском, которые, по его мнению, гораздо более эффективны в раскрытии преступлений, чем патрули в форме, что изменило бы существующие порядки. Но шеф и слышать об этом не хотел. По его словам, присутствие полицейских в форме не только сдерживает преступников, но и успокаивает – что куда важнее – туристов и путешественников. Суть дела против внешней картинки – и, разумеется, внешняя картинка победила. На памяти Рикардо такое происходило не впервые, но бесило по-прежнему, задевая за живое.

Между тем в ходе операции «Большая уборка» пошли одна неудача за другой. На предыдущей неделе был проведен еще один большой рейд, и снова в течение нескольких дней на смену задержанным наркоторговцам и депортированным нелегальным иммигрантам пришли другие. Был объявлен и третий рейд, но теперь он оказался под вопросом – видимо, не хватало ресурсов. К счастью, в последнее время не происходило никаких особо серьезных происшествий, поэтому осада СМИ ослабла, а затем было отложено начало ремонтных работ, объявленных Далмассо, что сделало зачистку вокзала менее срочной. Одним словом, хотя проблемы не

были решены даже отдаленно, чрезвычайная ситуация постепенно отступала. До следующего кризиса.

Что касается «убийцы кошек» — так иронично называли его в отделе некоторые коллеги, которых Рикардо застал сплетничающими о его увлечении, — то никаких новостей не приходило уже две недели. Других находок не было — по крайней мере, он об этом ничего не знал. Возможно, он действительно ошибся, придав слишком большое значение какой-то мелочи... Этот парень, кем бы он ни был, должно быть, просто устал разрывать бедных зверей на части и нашел себе другое занятие.

Единственное, чему мог порадоваться Рикардо, так это тому, что угрозы в его адрес, похоже, прекратились — по крайней мере, на время. После предварительного слушания, закончившегося вынесением приговора всем обвиняемым, он больше не получал ни анонимных телефонных звонков, ни других угроз. Возможно, злоумышленники поняли, что попытки запугать его оказались напрасны, особенно после того, как он дал показания в суде. Если, конечно, они не собрались решить проблему в корне и убрать его физически, что он никак не мог исключить.

Рикардо поднялся по одной из боковых лестниц, на вершине которой высокие колонны вели в Главную галерею. Солнечный свет струился через мансардные окна, заставляя сиять мрамор на стенах, майолику декоративных панелей и латунь люстр в стиле ар-деко. Время обеда уже давно про-

шло, и Меццанотте раздумывал, сделать ли ему настоящий перерыв, сидя за столиком в «Гран-баре», или прихватить что-нибудь из бесплатного магазина сэндвичей, устроенного в отвратительной сборно-разборной конструкции, загромождавшей центр галереи, и съесть это на своем рабочем месте, пока он занимается бумажной работой, когда зазвонил его мобильный телефон.

– Привет, Шизик. Что случилось? – произнес Рикардо, увидев имя на экране.

– Эй, инспектор, как дела? Ты, кажись, интересовался всем, что касается мертвой животинки, верно?

– Верно. У тебя есть что-нибудь для меня?

– Есть один мой знакомый, панк, который во время своих разъездов часто останавливается здесь, на вокзале, на пару-тройку дней. Короче, вчера кто-то пришел одну из его собаченций.

– Собаку? Разве она не попала под машину или что-то в этом роде?

– Нет, нет, чувак. На части порвали, вот что он сказал. Хреново было... Прямо вообще кошмар кошмарский, чесслово.

– Понял, Шизик... Мне нужно поговорить с ним. Ясно?

– Так точно, инспектор; встретимся у входа в управление. Без десяти тыщ лир не приходи, ага?

– Десять евро, Шизик. Евро.

– Неважно; не забывай их, чувак. Мир, он, это, должен

крутиться.

Через несколько минут они встретились у бокового входа, выходящего на площадь Четвертого Ноября. Шизик уже ждал его перед раздвижными дверями небольшого супермаркета на первом этаже станции, где покупатели самых разных национальностей смешивались с бродягами, собирающимися застать дешевым вином в картонных упаковках, и наркоманами, пытающимися найти что-нибудь для перепродажи. Информатор был одет в поношенные вельветовые брюки и выцветшую гавайскую рубашку. Создавалось впечатление, что он выловил эту одежду не из гардероба, а из мусорного бака. Выглядел Шизик неважно. Его лицо было бледнее, чем обычно, а глаза обведены глубокими темными кругами.

– Ты когда-нибудь думал бросить это дело? – спросил Меццанотте, когда они шли вдоль вокзала по направлению к началу улицы Саммартини.

Шизик бросил на него искренне изумленный взгляд.

– Порвать?... Я никогда не смогу. У тебя есть жена, инспектор?

– Нет.

– А девчонка?

Меццанотте немного замешкался, прежде чем ответить «да». Судя по тому, что происходило с Аличе, он не был уверен, что она останется с ним надолго.

– Ну а я вроде как женат на героине, чувак. Я люблю ее,

эту маленькую белую сучку, ничего не могу с собой поделать. И не знаю, как говорится, к лучшему это или к худшему. Пока смерть не разлучит нас...

Миновав метро на уровне улицы Тонале, они обогнули левую сторону вокзала до входа в погрузочно-разгрузочную зону, окаймленную портиком, в том месте, где в семи метрах над их головами, на уровне железных конструкций, заканчивались навесы, закрывающие выездной двор. Далее на добрый километр тянулись так называемые соединенные склады – длинные ряды помещений, изначально предназначенных для размещения складов и магазинов, встроенных в обе стороны насыпи железнодорожного полотна, которые сейчас в основном были в запущенном состоянии.

У основания одной из боковых колонн портика, наполовину скрытый за припаркованными автомобилями, находился небольшой импровизированный лагерь. На двух рваных спальных мешках, среди всякого хлама и кучи пустых пивных банок, сидели мужчина лет тридцати и девушка помоложе; оба выглядели грязными и запущенными. У их ног дремали три одинаково грязные собаки небольшого размера и непонятной породы.

Мужчина с руками, покрытыми татуировками, и пирсингом на лице, среди которого был болт, вмонтированный в нижнюю губу, без особого успеха практиковался в жонглировании тремя яблоками. Он сделал паузу, чтобы поприветствовать Шизика, который подошел и присел перед ним.

Меццанотте стоял в нескольких шагах, выжидая, пока эти двое негромко переговаривались. Тем временем девушка с длинными разноцветными косами и булавкой, воткнутой в одну ноздрию, занятая приготовлением чего-то в помятой кастрюле на походной плитке, все это время смотрела на него с откровенным пренебрежением к его форме, даже не пытаясь спрятать зажженный «косяк», который она держала в пальцах.

Когда через несколько минут грязный панк бросил на него взгляд, сопровождаемый кивком согласия, Меццанотте с некоторым облегчением шагнул вперед, стряхивая с себя враждебность этого взгляда.

– Шизик сказал мне, что кто-то убил одну из твоих собак, – сказал он, после того как его информатор представил их.

– Убили? Зарубили! И он был для меня больше, чем просто пес. Мы заботились друг о друге, делились всем... Мне так хреново, будто я брата потерял.

– Ты знаешь, кто это сделал?

– Нет, к счастью для него, я не знаю, кем был тот ублюдок. Иначе... – Его руки дрожали от гнева, а вены на шее страшно вздулись, пока он подыскивал слова, которые никак не приходили ему на ум.

– Ладно, ладно, успокойся... А теперь расскажи мне все с самого начала.

– Ну, я нашел Дарко на свалке, когда тот был чуть боль-

ше щенка. Его выбросили подышать на помойку. У него были очень тяжелые травмы; я думаю, что он участвовал в подпольных боях за деньги. Он был в плохом состоянии, но я заботился о нем, и он полностью поправился. Знаешь, он ведь был чистокровный, Дарко. Великолепный образчик аргентинского дога. Во взрослом состоянии – зверь весом более сорока килограммов. Я спас ему жизнь, но он отплатил мне тем же. Вот так, однажды ночью, несколько лет спустя, два скина напали на меня во сне и избивали до полусмерти. Если б не Дарко, они бы разделали меня на месте. Он укусил одного за ногу, оторвав половину икры, затем набросился на другого. Я остановил его за мгновение до того, как он вогнал свои зубы ему в яремную вену.

– Я думал, ты расскажешь мне о том, как его убили, – сказал Меццанотте, у которого не хватило духу перебить мужчину, но он воспользовался первой же паузой, чтобы вернуть его к теме.

– Ах да, извини... Три дня назад мы проснулись чуть позже обычного, а Дарко все не было. Накануне вечером мы налегали на курево и пиво, так что, наверное, спали слишком крепко... Не знаю, что могло случиться ночью. В любом случае, он никогда вот так не пропадал. Через несколько часов, когда Дарко все еще не вернулся, я начал волноваться. Мы должны были уехать в тот же день в Лигурию, где нас ждали друзья, но я не мог уехать без него. Я потратил два дня на его поиски. Весь район обскакал на своих двоих, у всех

спрашивал – никто моего пса не видел. Вообще никто. У меня было предчувствие, что с ним случилось что-то плохое, поэтому, когда вчера утром кто-то сказал мне, что заметил мертвую собаку у входа в туннель, проходящий под станцией, я уже знал, что это Дарко. Я и представить себе не мог, в каком состоянии найду его. Боже, как они его обкромсали... Отрезали ему лапы, все четыре. Вспороли его – рана шла от паха до шеи. И... и... – Когда он смог продолжить, глаза его остекленели, а голос прервался. – Они вырвали из груди его сердце.

– Подожди, что? Сердце, говоришь? Ты уверен?

«Это он, это мой объект, он снова это сделал», – сразу же подумал Мещанотте, как только панк начал перечислять раны, нанесенные животному. Но эта последняя деталь выбила его из колеи.

– Да, я уверен, черт возьми! Чтобы вытащить его, им пришлось сломать ему ребра.

«Дерьмо, – подумал Рикардо. – Возможно ли, что это произошло и в предыдущие разы, что это тоже часть его *modus operandi*¹⁹?» Это была деталь, которая не всплывала в других случаях, о которых он слышал, и он не обнаружил подобное на единственном трупе, который ему удалось осмотреть лично. Правда, у него было всего несколько мгновений, чтобы сделать это. Но на фотографиях, которые Рикардо снял своим мобильным телефоном, была видна раздробленная груд-

¹⁹ Образ действия (лат.).

ная клетка кошки, поэтому было более чем вероятно, что ее сердце также было удалено. Он понимал, насколько поверхностны и ограничены его знания в этом расследовании, при условии что его можно назвать таковым. Кто знает, какие еще полезные подсказки он мог бы получить, если бы вышло провести настоящее расследование на местах находок и подвергнуть трупы животных тщательному осмотру?

– Я хотел бы увидеть тело, – сказал он мужчине, которого утешала его подруга.

– Нет. Я уже похоронил его.

– Где?

– Хрен я тебе скажу, коп! Теперь он в лучшем мире, и тебе не выкопать его, чтобы снова мучить.

«Бесполезно настаивать, – размышлял Меццанотте, – он никогда не скажет, даже если я пригрожу посадить его в тюрьму за сокрытие сведений... на что к тому же у меня и права-то никакого нет. В любом случае, все это не было пустой тратой времени, теперь я знаю кое-что еще. Во-первых, он не остановился и продолжает убивать; он находит свою добычу здесь, в этом районе, отвозит ее туда, где может спокойно зарезать, а затем бросает трупы тут и там вокруг вокзала, не особо заморачиваясь тем, чтобы их прятать; более того, он явно хочет, чтобы животных побыстрее нашли. Скорее всего, помимо ампутации лап и четвертования он также удаляет сердца своих жертв. Он отнюдь не увалень: если ловля кошек – не великий подвиг, то похищение крупной бой-

цовой собаки – совсем другое дело. И он живет поблизости – я бы поставил на это свою голову. Или, по крайней мере, у него есть логово поблизости».

В тот момент Рикардо понял, что есть и еще один момент. По словам Амелии, он начал с мышей, затем перешел к кошкам, а теперь – к собаке. Он не только не остановился, но и стал убивать все более крупных животных. И тут Меццанотте с беспокойством вспомнил о случаях, упомянутых в досье ФБР, – о них он читал во время расследования убийств на кольцевой дороге. Он не мог дождаться конца смены, чтобы вернуться домой и проверить все там, – нужно пойти в отдел и как следует поискать в интернете. Прямо сейчас. Рикардо поспешно попрощался с Шизиком и двумя панками и пошел прочь, не обращая внимания на крики информатора, который требовал свои десять тысяч лир.

* * *

Прислонившись к стене у облупившейся металлической двери с надписью «Зарезервировано для пассажиров первого класса» с пластиковым стаканчиком горячего чая в руках, Лаура с наслаждением вдыхала прохладный весенний воздух. Ей было немного стыдно за эту слабость, но из-за слишком маленьких окон и гигиены посетителей, которая оставляла желать лучшего, воздух в большом помещении, где располагался Центр помощи, всегда был спертым и тяжелым, и

если она время от времени не делала небольшой перерыв на свежем воздухе, то чувствовала удушье.

Лаура пила чай маленькими глотками, кивая в знак приветствия входящим и выходящим людям. К этому времени почти все уже привыкли к ней и не глядели на нее с изумленным любопытством, словно на экзотическое животное, случайно оказавшееся за тысячи километров от своей родины.

Средь бела дня на площади Луиджи ди Савойя не было ничего жуткого или пугающего. Листва деревьев была нежно-зеленой, которую городской смог еще не успел покрыть своим непрозрачным налетом, окна зданий вокруг сверкали от солнечного света, вокруг было много людей, но до суеты вечернего часа пик было еще далеко. И хотя в тот момент все было светло и спокойно, Лаура больше не могла смотреть на эти места, не чувствуя тревоги и опасения. С тех пор как две недели назад ее чуть не сбил автобус, она снова видела тех же детей, всегда примерно в одно и то же время, в сумерках или сразу после них, и всегда, когда они появлялись, в ее груди взрывалась одна и та же мучительная смесь страдания, боли и печали. Лаура больше не пыталась приблизиться к ним, фактически сразу же поворачиваясь к ним спиной и спасаясь от невыносимой жестокости этих эмоций. Однако если у нее была иллюзия, что будет достаточно избегать этих детей, чтобы выбросить их из головы и забыть то, что она чувствовала при встрече с ними, то она просчиталась, потому что Лаура постоянно думала о них и, кроме

того, чувствовала себя виноватой. Хотя они казались такими беззаботными и, вполне возможно, жили неподалеку, у Лауры сложилось четкое впечатление, что эти дети одни-одиношеньки и предоставлены сами себе. Они могли заблудиться или, может быть, сбежать... в любом случае, вокзал был не местом для них. И даже если Лаура не знала, как связаны двое ребятишек с загадочными эмоциями, которые она испытывала каждый раз, когда видела их – которые, казалось, исходили от них, – она больше не сомневалась, что какая-то связь все-таки есть. Это, конечно, не помогало ей убедить себя в том, что с ними всё в порядке и они в безопасности. Нет, они явно в беде, и Лаура не могла просто умыть руки и забыть обо всем этом.

В течение предыдущих дней она пыталась расспрашивать людей. Спрашивала других волонтеров, работников киоска рядом со входом в дорожный туннель, некоторых иммигрантов, часто посещающих площадь, но никто, казалось, не знал их или не замечал. Лорис – который, хотя она была очень осторожна, чтобы не дать ему ложной надежды, продолжал виться вокруг нее, словно маленькая собачка, нуждающаяся в ласке, – посоветовал ей обратиться в железнодорожную полицию на вокзале. Сначала Лаура была озадачена, но чем дольше она думала об этом, тем более хорошей идеей ей это казалось. Бросили их, или они убежали из дома – если кто-то что-то и знал, так это полиция.

Однако дети были не единственным источником ее беспо-

койства. Лаура также беспокоилась о Соне. Больше она ничего о ней не слышала. Розововолосая девушка не звонила ей и не появлялась в Центре после того, как Лаура пыталась убедить ее бросить и наркотики, и бойфренда-мучителя. Она боялась, что не сможет помочь ей, и это ее очень злило и огорчало.

Тем временем Раймонди вышел из дверного проема и прислонился к стене рядом с ней. Затем зажег сигарету и молча курил, глядя прямо перед собой.

– Мне нужно было глотнуть воздуха; я допью чай и сразу вернусь к работе, – начала оправдываться Лаура, ощущавшая себя виноватой.

– Пожалуйста, останься. Составь мне компанию, – с улыбкой сказал ей Раймонди. – Тебе не мешает время от времени давать себе передышку. Здесь не только воздух может угнетать, – добавил он, указывая на дверь Центра. – Иметь дело с таким количеством страданий и несчастий, конечно, нелегко. Не все для этого приспособлены.

– Да, иногда это тяжело, – ответила Лаура. – Но удовлетворение, когда удастся сделать что-то полезное, бесценно.

Раймонди кивнул, затянулся сигаретой и очень медленно выпустил дым.

– Знаешь, Лаура, признаться, сначала я немного волновался за тебя. Я дал тебе шанс, потому что ты показалась мне очень мотивированной, но при этом не был уверен, что ты справишься. Я считал тебя хрупкой, не подготовленной к

этому, боялся, что для тебя это будет слишком тяжело.

– А теперь?

– Теперь я думаю, что не мог ошибиться сильнее. Ты отлично справляешься, ибо была рождена для этой работы. Ты меня очень удивила; я не думал, что ты такая сильная.

– Я совсем не сильная, – со вздохом ответила Лаура.

– Ты ошибаешься; у тебя душа воина. Ты намного сильнее, чем думаешь; я настолько убежден в этом, что теперь у меня появилось беспокойство другого рода.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Лаура, удивленная этими словами.

– Видишь ли, здесь, в Центре, мы сталкиваемся с потенциально опасными ситуациями. Мы не герои, и есть предел тому, что мы можем и должны сделать, чтобы помочь, не подвергая риску людей, которые к нам приходят. Сейчас я опасаясь, что, руководствуясь страстью и энтузиазмом, ты превысишь этот предел и совершишь какой-нибудь опрометчивый поступок.

* * *

Он облажался. Вернувшись в участок и найдя в интернете то, что искал, Меццанотте поспешил к Далмассо, чтобы выразить свою обеспокоенность и снова попросить его начать расследование. Это была ошибка, теперь он убедился. Если бы у него была минутка на размышление, Рикардо сразу понял

бы, что это преждевременно, что на данный момент это всего лишь умозаключения. Ему следовало сначала провести дополнительное расследование и найти более прочную основу, на которой можно было бы строить свои предположения. Но, как обычно, он действовал импульсивно, а теперь было уже поздно. Инспектор боялся, что вот-вот лишится той полуоткрытости, которую комиссар выказал в отношении этого дела. Нынче же его начальник оказался гораздо менее отзывчивым, чем в прошлый раз. Будучи явно раздраженным, он намекнул, что Меццанотте испытывает стресс из-за судебного процесса, в котором участвует, и плохо соображает. И прямо сказал ему, что не хочет больше ничего слышать об этой истории.

Перед Рикардо на столе лежал блокнот, открытый на страницах, где он записывал плоды своих исследований в Сети.

Тед Банди – убийца из университетского городка – в детстве жестоко убивал животных.

Джефффри Дамер – канибал из Милуоки – насаживал собак на кол и вбивал гвозди в кошек.

Альберт Де Сальво – бостонский душителъ – держал собак и кошек в клетках и метал в них дротик.

Ричард Трентон Чейз – вампир из Сакраменто, известный тем, что пил кровь своих жертв и поедал части их тел, в детстве ловил мелких животных и пожирал их сырыми.

Эдмунд Кемпер любил убивать соседских кошек, иногда

закапывая их заживо. Он отрезал голову одной из них, а затем расчленил – та же участь постигнет его мать много лет спустя.

Согласно исследованиям, проведенным ФБР, многие серийные убийцы в детском и подростковом возрасте пытались и убивали животных. Это был их способ выплеснуть неудержимую потребность причинить боль, которая уже росла внутри них. По мнению экспертов бюро, связь между насилием над животными в юном возрасте и поведением будущего серийного убийцы была настолько зримой, что они включили ее в число трех основных предупреждающих признаков наряду с пироманией и ночным энурезом, то есть мочеиспусканием в постель после шестилетнего возраста.

Меццанотте понятия не имел, сколько лет его объекту и имеется ли у него ночной энурез, но зато он знал, что вот уже несколько недель тот без устали и с леденящей душу жестокостью забивает все более крупных животных. На данный момент у Рикардо не было доказательств, но риск того, что рано или поздно у объекта появится соблазн перейти к людям, был, по его мнению, более чем конкретным. У него было предчувствие, что это произойдет – и не через несколько лет, а *гораздо раньше*; а он уже не раз убеждался, что может доверять своим инстинктам. Полицейский нюх – одна из тех вещей, которые Рикардо унаследовал от своего отца. Он должен был остановить этого маньяка, пока не произошло

страшное. Но если он не найдет способ убедить Далмассо начать настоящее расследование, ему вряд ли это удастся...

Меццанотте посмотрел на часы. Без десяти семь; скоро он наконец пойдет домой. В соответствии с ротацией, установленной в связи с чрезвычайной ситуацией в области безопасности, в тот день Рикардо работал в две смены, и больше ему не полагалось. Он только начал приводить в порядок бумаги перед уходом домой, как зазвонил телефон на его столе. Это был Фумагалли, дежурный по этажу.

– Инспектор, нужно принять заявление о пропаже человека...

– Нет, Пьетро, пожалуйста. Я закончил на сегодня и уже ухожу. Пусть этим займется кто-нибудь другой.

Он огляделся. Наступило время смены, и вечером отдел работал в сокращенном составе, но и сейчас в комнате для офицеров, кроме него, на своих постах все еще находились несколько коллег.

– Я настоятельно прошу вас разобраться с этим, инспектор, – сказал Фумагалли, понизив голос в почти заговорщицкой манере. – Вот увидите, вы не пожалеете, уверяю вас. Я делаю вам одолжение.

– Ну тогда ладно, – сдался Меццанотте, фыркнув. Он понятия не имел, что тот имел в виду, но ему нравился старый Фумагалли, и он не хотел его отчитывать, хоть искушение было сильным. – Дай мне пять минут на кофе, и я приду.

— Один из наших инспекторов примет вас как только сможет, синьорина. Если вы не против, пока присядьте, — сказал ей пожилой офицер, встретивший ее в маленькой клетушке, переполненной растениями и больше похожей на цветочный киоск, чем на что-то связанное с приемной полицейского участка, и указал на ряд пластиковых стульев.

Лаура сидела там уже около десяти минут, когда появился усталый и хмурый полицейский в помятой форме. Увидев ее, он слегка расширил глаза, а затем повернулся к своему коллеге за стойкой регистрации, который ответил на его взгляд лукавой улыбкой. Мужчины часто так реагировали, когда встречали ее впервые, что всегда смущало Лауру. Однако на этот раз это беспокоило ее меньше, чем обычно. Дело в том, что она тоже нашла этого полицейского довольно привлекательным. Ему было около тридцати, может быть, меньше; он был не очень высок, но худощав и подвижен; у него было несколько угловатое и неправильное лицо, не то чтобы красивое, но со своим странным очарованием, особенно из-за глаз, пронизательных и темных.

— Добрый вечер, я инспектор Рикардо Меццанотте. Извините, что заставил вас ждать. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он провел ее по коридору в комнату, погруженную в темноту, которая была бы полной, если б не зажженные на неко-

торых столах настольные лампы, сел за один из них и указал ей на стул напротив.

Когда Лаура проходила мимо больших окон, выходящих на площадь Луиджи ди Савойя, то заметила: «Вы находитесь прямо над нами». Присев, она уточнила:

– Я работаю волонтером в Центре социальной помощи. Вы знаете о нем?

Кивнув, инспектор несколько мгновений смотрел на нее – Лаура не могла сказать, изучает он ее или просто размышляет, – затем сказал:

– Старший помощник Фумагалли сказал мне, что вы хотите подать заявление о пропаже человека, синьорина...

– Кордеро, Лаура Кордеро. Не совсем заявление... возможно, я не очень хорошо объяснила вашему коллеге. Это больше похоже на рассказ...

Инспектор задал ей несколько вопросов. Затем Лаура рассказала ему о двух детях, явно умолчав о той части, которая касалась «дара» и тех эмоций, которые она испытала, увидев их.

– Короче, – наконец заметил полицейский, – вы этих детей не знаете, и как их зовут, тоже.

– Нет. Как уже говорила, я видела их всего несколько раз бродящими по площади. Я никогда не видела их раньше и понятия не имею, кто они такие.

– Вы никогда не думали о том, чтобы подойти к ним и попытаться заговорить с ними?

– Я... это... – Лаура почувствовала, что погружается в смущение. Как это объяснить? – Я всегда видела их издалека. Было уже поздно, темно, а я не очень комфортно чувствую себя, идя пешком в этом районе ночью, – неудачно оправдывалась она, определенно выставляя себя испуганной дуручкой. – В общем, да, как-то раз я попыталась, но в какой-то момент потеряла их из виду...

– То есть вы не знаете, какая у них ситуация. Вы просто предполагаете, что им нужна помощь.

– Это правда, я не могу сказать наверняка, – вынуждена была признать Лаура, чувствуя себя все глупее, – но у меня сложилось именно такое впечатление. Я не знаю, убежали ли они из дома, потерялись или что-то еще, но выглядели они одинокими и брошенными... Послушайте, инспектор, вполне возможно, что я ошибаюсь, и если это так, я буду очень рада. Просто хочу быть уверена. Чтобы иметь подтверждение, что с ними всё в порядке, что они не в опасности...

«И узнав, кто они такие, – подумала Лаура, – возможно, я смогу понять, почему чувствую те ужасные вещи, когда встречаю их...»

– Конечно, конечно, это совершенно понятно... Позвольте мне проверить, – произнес инспектор, стуча по клавиатуре компьютера. Затем, через несколько минут, он сказал: – Нет, извините, мы не получали никаких оповещений о пропаже несовершеннолетних, подходящих под ваше описание, и никаких других сообщений об их присутствии в этом рай-

оне – тоже. На самом деле оснований для подачи заявления о пропаже человека нет, но мы можем это сделать: я проведу дополнительную проверку и затем сообщу вам; тем временем, если увидите их снова или вспомните какие-либо другие полезные детали, вы всегда можете позвонить мне.

– Огромное вам спасибо, инспектор, – ответила Лаура, взяв протянутую полицейским визитную карточку, на обратной стороне которой он ручкой написал номер своего мобильного телефона. – Я понимаю, что, может быть, трудно воспринимать такую запутанную историю всерьез... Но для меня это важно.

* * *

Меццанотте и Колелла, в гражданской одежде, таща за собой тележки, шли по платформе номер 16, продираясь через толпу, копошащуюся у поезда «Интерсити» Турин – Венеция, который только что прибыл на станцию. Было около одиннадцати часов утра, а они бродили по платформам с семи часов, притворяясь обычными пассажирами и выслеживая свои объекты.

На полицейском сленге их называли ЖРЖД – жулики, работающие на железной дороге, – и они представляли собой одну из главных болячек, с которыми боролась железнодорожная полиция. Некоторые из них были настоящими художниками в своей области. Они смешивались с людьми,

стоящими в очереди у билетных касс или вдоль путей, зорким глазом вычисляли самую богатую добычу и, воспользовавшись замешательством, вытаскивали из карманов бумажники или выхватывали сумочки или портфели, которые пассажиры «на секундочку» небрежно ставили на землю. Некоторые заманивали своих жертв, спрашивая у них какую-либо информацию, притворялись, что случайно столкнулись с ними или пролили кофе на их пальто, и достаточно было на мгновение отвлечься, чтобы имущество перешло из рук в руки, как в ловком трюке. В частности, на Центральном вокзале в течение нескольких месяцев действовала банда несовершеннолетних румынских карманников. Специализируясь на технике «вверх-вниз», они проникали в поезда, стоящие у платформ, за несколько минут до отправления и быстро пробегали по вагонам. Там ловко вытаскивали бумажники из пиджаков, висевших на крючках рядом с сиденьями, или из брюк пассажиров, поднимавших чемоданы на багажные полки, крали сумочки, роскошные ручки, мобильные телефоны, компьютеры и любые другие ценности, оставленные без присмотра на столике или на подлокотнике сиденья, а затем выскакивали и исчезали в толпе. Каждый день они совершали множество краж, и противостоять им было особенно трудно, поскольку даже когда полицейским удавалось поймать некоторых из них на месте преступления, те во время допросов держали рот на замке, и все, что оставалось делать, это помещать их в детские спецучреждения, из которых они сбе-

гали при первой же возможности, чтобы начать все сначала. Единственно верным решением было выявить взрослых, возглавляющих банду, и именно это являлось целью работы пары полицейских, но пока им не везло. Рикардо был уверен, что если б он мог задействовать больше офицеров в штатском, шансы на успех стали бы выше, но с такой точкой зрения, к сожалению, комиссар Далмассо не соглашался.

Прислонившись к основанию одной из арок, поддерживавших массивный центральный навес, Меццанотте осмотрелся, не в силах подавить зевоту. Накануне он почти не сомкнул глаз. Вернувшись домой, занялся перечитыванием досье ФБР о серийных убийцах, а затем попытался составить психологический портрет своего объекта. Теперь, когда смутное беспокойство, вызванное в Рикардо зверствами, которым тот подвергал своих четвероногих жертв, приобрело четкие черты и переросло в тревогу – ведь убийства животных в любой момент могли превратиться в убийства людей, – он почувствовал настоятельную необходимость поймать маньяка как можно скорее. И дело было не только в этом. Хотя пока Рикардо был единственным, кто видел дело именно так, ему снова предстояло расследование, и азарт охоты начинал пульсировать в его жилах, заставляя чувствовать себя живым – этого ощущения у него не было уже давно.

Однако Меццанотте был совершенно не удовлетворен результатами. Он просидел за компьютером до самого рассвета, писал, удалял и переписывал, так ни до чего и не дойдя.

В голове у него засел образ садиста-эксгибициониста, мучителя беззащитных тварей, оставляющего расчлененные трупы жертв на виду, будто хвастаясь собственной гениальностью, но этот образ был неполным, раздробленным, словно пазл без половины деталей. У Рикардо было ощущение: что-то не сходится, какой-то важный момент ускользает от него. И это заставляло его все острее осознавать, что он слишком мало знает об этом деле. Прежде всего, инспектор не мог нащупать противоречие, которое он чувствовал в смеси жестокости и хладнокровия этого образа действий. Каждая рана на телах жертв, казалось, была нанесена с определенной целью. Даже с учетом кошмарности преступлений все это казалось слишком продуманным и аккуратным, чтобы соответствовать профилю человека, которому нравится причинять страдания.

Из этих мыслей Рикардо вырвал голос Колеллы – чтобы все равно вернуть его к той же теме.

– Слушай, Кардо, насчет твоего убийцы кошек...

– Он больше не убивает кошек. Теперь он перешел на собак.

– Ну ладно... Но правда ли, что Далмассо вчера устроил тебе взбучку, запретив продолжать заниматься этим делом?

– Кто тебе это рассказал?

– Я слышал, как кто-то говорил это в офицерской комнате... Послушай, Кардо, сейчас все об этом говорят.

– Ну, и что они там говорят?

– Что с людей возьмешь... Одни шутят – типа, ты совсем с катушек слетел; другие говорят, что ты так внимание привлекаешь. Ну и, разумеется, больше всех чешет языком Карбоне.

Рикардо знал, что пожалеет об этом, но все равно спросил.

– И что он болтает?

– Он говорит, тебя гложет то, что тебя выгнали из убийного отдела. Что здесь ты чувствуешь себя лишним, поскольку считаешь себя лучше остальных. Но ты не сможешь, слепив из воздуха несуществующего серийного убийцу, загладить свою вину перед ними за то, что опозорил коллег.

Меццанотте сжал челюсти так сильно, что заскрипели зубы. Почему этот козел постоянно цепляется к нему как в первый день? Научится ли он, Рикардо, когда-нибудь не давать ему задевать себя за живое?

– Неважно, не думай об этом, – попытался утешить его Колелла, – ты же знаешь, каков Карбоне. Этот парень – ублюдок. Лучше перейдем к более приятным темам... Как там у тебя дела с Ниной Спада?

– С Ниной?.. А как они, по-твоему, должны обстоять? Мы едва знакомы. А с чего ты об этом?

– Вчера я застал ее у кофейного автомата, и она спросила меня о тебе. Она засыпала меня вопросами, и я подумал, что между вами уже что-то происходит... Я говорил, что она сохнет по тебе. Тебе стоит этим воспользоваться.

– Ну почему теперь все хотят повесить на меня кучу де-

вушек? – пробурчал Меццанотте. – Вчера вечером даже Фумагалли ввязался в это дело. Что, черт возьми, с вами всеми не так? У меня уже есть подруга...

– Фумагалли? Что он отчебучил?

– Девушка, которая работает волонтером в Центре помощи, кажется новенькая, пришла в отдел с довольно увлекательной историей о детях, которые вроде как убежали из дома. Помощник шефа – который, кстати, раньше не был таким деловым – хотел, чтобы я принял ее любой ценой.

– Неужели новая волонтерша Раймонди? – воскликнул Колелла. – Я никогда ее не видел, но коллеги утверждают, что она просто сногсшибательна, даже если и холодна как сосулька... Ну ты и везучий! Она и вправду так хороша, как говорят, эта красотка?

Красотка? С точки зрения Рикардо, это определение было весьма упрощенным. Несмотря на то что Лаура Кордеро была без макияжа, в очень простых джинсах и джемпере с низким вырезом – а может быть, благодаря этому, – от нее буквально захватывало дух. Она не казалась ему холодной, отнюдь. Но было в ее поведении что-то вроде робкой отстраненности, тщательно контролируемой осторожности, словно она пыталась сохранить определенную дистанцию между собой и окружающим миром. История, которую рассказала ему Лаура, звучала довольно надуманно, но ее тревога за судьбу этих детей выглядела искренне, а Рикардо слишком хорошо знал, каково это – переживать за то, чему никто не

придает значения. Неужели только из-за этого он не выставил вежливо ее за дверь, пообещав, что разберется с этим вопросом? Не связано ли это также с тем, что тогда у него будет повод увидеть ее снова? Ему не хотелось даже думать об этом. Правда, с Аличе у него все разваливалось, но, помимо уже существующих проблем, ему не хватало лишь того, чтобы связываться с той, что выглядела как избалованная девочка из хорошего квартала.

– Да, она не так уж плоха, – пробормотал он, раздражаясь.

– И как все прошло? Что было-то?

– А что ты хочешь, чтобы было? Ничего! – повысил голос Рикардо, окончательно теряя терпение. – Почему бы тебе не перестать вмешиваться в мои дела и не попытаться самому найти себе девушку?

Он сразу пожалел, что сказал это. Для Колеллы это был больной вопрос. Помимо внешности, он был патологически застенчив и неуклюж с женщинами. Не помогло ему и то, что он был вынужден проводить большую часть свободного времени, ухаживая за своей больной матерью. Мещанотте знал, что Колелла был заядлым потребителем порно в Сети, и, хотя тот никогда не признавался ему открыто, подозревал, что у коллеги никогда не было иных интимных отношений, чем с его собственной правой рукой.

– Прости, Филиппо, я вышел из себя. Прости, я не хотел тебя обидеть... Слушай, на сегодня мы закончили. Возвращайся в отдел, у меня еще есть срочные дела.

Он попрощался с другом и направился к второстепенному входу на станцию, выходящему на площадь Луиджи ди Савойя. Спустился по ступеням, ведущим с конца Главной галереи на первый этаж, остановился возле одной из боковых колонн атриума и стал наблюдать за проходящими мимо людьми, как всегда напряженными и торопливыми.

– Эй, коп!

Скрипучий голос, позвавший его, доносился из щели между стеной и колонной, позади него, где в тени ждал информатор.

– Привет, Амелия, – сказал Меццанотте, не оборачиваясь. Коварная старуха не позволяла никому видеть ее рядом с ним, утверждая, что это испортит ее репутацию, а также повредит ее делу как информатора, поэтому при каждой их встрече она навязывала ему меры предосторожности, которые были бы достойны настоящего секретного агента.

Продолжая смотреть прямо перед собой, Рикардо помахал через плечо двумя пачками «Ферреро Роше».

– Итак, как думаешь, чем ты можешь их заслужить? – спросил он ее.

– А что ты хочешь знать?

Меццанотте поддался искушению оглянуться назад. Пожилая бродяжка порылась в своей тележке, извлекла несколько предметов одежды, которые осмотрела критическим взглядом, а затем бросила их обратно в кучу.

– Тебе нужно принарядиться, Амелия? – спросил он ее. –

Никак на свидание собралась?

– Если и собралась, то не с тобой, – фыркнула старуха. – О моей киске ты можешь только мечтать. – И она противно расхохоталась, довольная собой.

«Ничего не поделаешь, – весело подумал Меццанотте, – в словесном противостоянии с ней я никогда не одержу верх. И даже если б я это сделал, то, скорее всего, получил бы только спицу, воткнутую в глаз».

– Ладно, вернемся к серьезным делам. Ты знаешь, что меня интересует. Тот, кто убивает животных. Ты что-нибудь о нем слышала?

– Теперь он нападает на собак.

– Это уже не новость. Что еще?

Несколько мгновений тишины, затем:

– Призрак.

– Что?

– Некоторые говорят, что это призрак оставляет вокруг себя всех этих обезображенных мертвых зверей.

– И что же это за призрак, черт возьми?

– Никто этого не знает, коп. Его так называют, потому что он появляется только ночью – высокий, худой и бледный, как призрак. Волосы у него тоже белые. С тех пор как он начал шляться по вокзалу, и начали появляться мертвые животные.

– Ну а ты его когда-нибудь видела?

– Я – нет. Только слышала о нем.

Меццанотте поджал губы. Надежность людей на вокзале – разнородного скопления бродяг и беспризорников, более или менее постоянно живших здесь, которых невозможно сосчитать, но, несомненно, не менее нескольких сотен человек – была по меньшей мере сомнительной. Многие – алкоголики, наркоманы или психи. Среди них распространялись всевозможные путанные слухи и диковинные городские легенды, из которых почти невозможно извлечь зерно истины, иногда таящееся там.

– Так не бывает. И что теперь прикажешь делать с бреднями наркоманов и пьяниц?.. В следующий раз ты должна принести мне что-то более солидное.

– А не пошел бы ты, легавый? И гони сюда мои шоколадки.

Рикардо протянул ей две упаковки.

– И тебе хорошего дня, Амелия.

Когда звонок пробудил его ото сна, было еще темно. Сначала Рикардо подумал, что это будильник. Потом вспомнил, что у него выходной. Циферблат цифровых часов на прикроватной тумбочке показывал 05:43, среда 14 мая. Нашу-пивая телефон, продолжавший трезвонить, Меццанотте пытался вернуть разуму хоть какую-то толику ясности.

– Алло, – пробормотал он, проводя рукой по лицу.

– Инспектор, это офицер Минетти. Простите, я разбудил вас...

– Нет... То есть да, но это уже не имеет значения. В чем дело, Минетти?

– Простите еще раз, но вы приказали нам немедленно предупредить вас, если...

Меццанотте подтянулся и рывком сел на краю кровати.

– Вы нашли мертвое животное? Это собака?

– Да, но... откуда вы знаете?

– Где?

– В зале ожидания.

– Вы сейчас там?

– Да, мы с офицером Черулло нашли ее несколько минут назад.

– Слушай меня внимательно, Минетти. Охраняйте территорию, никого не пропускайте и ничего не трогайте. Я имею

в виду, что это настоящее место преступления, так что ведите себя соответственно. Я скоро буду.

Он торопливо натягивал на себя одежду, которую оставил на стуле накануне вечером, когда услышал, как Аличе пошевелилась в постели.

– Кардо, – пробормотала она сдавленным от сна голосом, – что ты делаешь? Который час?

– Еще рано, спи дальше. Я ухожу, у меня срочные дела по работе.

– Но у тебя же выходной... Ты обещал мне...

– Я знаю, знаю. Прости, Али, прости, но мне действительно нужно идти.

* * *

Не прошло и получаса, как шаги Рикардо Меццанотте уже отдавались эхом в огромном и малолюдном в этот час вестибюле билетной кассы, когда он поднимался по двум лестничным пролетам на уровень платформы. Последствия пропущенного завтрака давали о себе знать: в животе у него бурчало, а в голове все еще был туман. Как только Рикардо вышел из головного туннеля, он повернул налево и чуть не столкнулся с Генералом, который вскочил на ноги и отдал ему обычное воинское приветствие. Рикардо проигнорировал его – сейчас у него действительно не было времени.

Согласно полученным указаниям, офицеры Черулло и

Минетти стояли на страже у входа в зал ожидания. Они наблюдали за его приближением с легким недоумением на лице. Им было непривычно видеть его в штатском, а в таком виде, со всклокоченными волосами, щетиной, в потрепанных военных брюках и распахнутой черной куртке поверх футболки «Секс Пистолс», он, должно быть, производил на них сильное впечатление.

– Итак, что тут у нас? – спросил Рикардо своих сотрудников, приветствуя их кивком.

Отвечать на вопросы было поручено молодому Минетти. Несмотря на то что он был всего лишь новичком, Меццанотте считал его довольно проницательным и умным. Со временем он станет отличным полицейским.

– Доброе утро, инспектор. Мы заметили собаку на полу в зале ожидания во время обхода, а именно в пять тридцать четыре. Я не могу назвать породу – вероятно, дворняга; но она несомненно уже была мертва. Ранения те же самые, о которых вы нам рассказывали: ампутированные лапы и разорванный живот. – Он сделал паузу, затем немного неловко добавил: – Послушайте, мы сделали то, что вы нам сказали, но мы поняли, что начальник недоволен тем, что мы продолжаем заниматься этим вопросом. В данном случае мы не хотели бы иметь проблем...

Одной из вещей, которых опасался Меццанотте, узнав, что слух о разглаговольствованиях Далмассо распространился по секции, было то, что патрульные больше не будут чувство-

вать себя обязанными выполнять приказы, которые он отдавал им в отношении убийств животных. Но Минетти был одним из офицеров, сопровождавших его в вылазке против ультрас, и с тех пор всегда относился к нему с большим уважением, если не с откровенным восхищением. Рикардо должен был быть благодарен ему за то, что тот, несмотря ни на что, следовал его указаниям.

– Не волнуйся. Если вас спросят, скажете, что лишь выполняли мои приказы; я беру на себя всю ответственность, – заверил он их. – Прибыв на место, заметили ли вы кого-нибудь рядом с местом происшествия?

– Нет, инспектор, никого.

– Свидетели?

– Нет. По крайней мере, не то, чтобы... На одной из скамеек лежал человек. Иммигрант-марокканец. Но он спал мертвецким сном и ничего не заметил. Мы сами потратили добрых пять минут, чтобы разбудить его.

– Где он? Я хотел бы поговорить с ним.

Офицер Минетти сокрушенно уставился на носки своих ботинок.

– Мы отпустили его... Но он ничего не видел, я почти уверен.

Почти... Несмотря на то что ему так этого хотелось, Меццанотте воздержался от того, чтобы отругать его. В конце концов, он не мог винить Минетти в том, что тот не мог относиться к этому делу совершенно серьезно. В любом слу-

чае, что сделано, то сделано...

– Ладно, не бери в голову. А теперь иди в диспетчерскую и посмотри, можно ли извлечь что-нибудь полезное из камер наблюдения. Ты же, Черулло, останешься здесь на страже, – сказал Рикардо и переступил порог зала ожидания.

Мягкий рассеянный свет, проникающий через световой люк, смягчал строгие линии мраморных панелей на стенах и темных деревянных скамеек. Труп животного лежал в центре пустого и безмолвного зала, на холодном мраморном полу. Это было первое относительно неповрежденное место преступления, которое удалось осмотреть инспектору, и он знал, что должен максимально использовать эту возможность, хотя без команды криминалистов, оснащенной всем необходимым оборудованием для проведения технических исследований и поиска, это будет не просто.

Меццанотте сразу же заметил четыре почти полностью сгоревшие свечи, окружавшие тело. Это что-то новое – или свечи были там и в предыдущие разы, но ни он, ни кто-либо другой не замечал их? Вот одна из первых вещей, которые он должен попытаться выяснить. Рикардо достал из кармана куртки маленький цифровой фотоаппарат Аличе, который взял с собой, и, чувствуя себя немного по-идиотски из-за инсценировки этой пародии на судебный досмотр под недоуменным взглядом стоящего на страже у входа в зал офицера Черулло, начал фотографировать сцену с разных ракурсов.

Когда ему показалось, что он сделал достаточно фотогра-

фий, Мещанотте присел на корточки перед собакой и надел одноразовые перчатки, которые носил с собой вместе с несколькими герметичными мешками для сбора улик. Сначала он взял четыре свечных огарка и, потушив их, засунул в такое же количество пластиковых пакетов. Затем внимательно осмотрел пол вокруг, но не нашел ничего, что стоило бы собирать. Отпечатков обуви Рикардо разобрать не смог. Возможно, криминалисты смогли бы их обнаружить, но сам он ничего не мог с этим поделать. Не было видно даже пятен крови. Он не отказался бы от возможности просветить мраморные плиты, чтобы выделить невидимые невооруженным глазом следы крови, но и сейчас одно было бесспорно: это животное умерло не в зале ожидания, иначе крови было бы много. В соответствии с тем, что, как он уже установил, является образом действий убийцы, собака была убита в другом месте, а затем помещена сюда.

Мещанотте сосредоточил свое внимание на трупe. Собака, длинношерстная, черно-белая, пятнистая, метис среднего размера, лежала на боку. По ее крайней худобе можно было предположить, что она бродячая. Голова конической формы, квадратная морда и длинные гибкие уши смутно напоминали сеттера. Судя по ее прищуренным глазам и разинутой пасти, она должна была испытывать невыразимую боль. «Этот сукин сын, – со злостью подумал Рикардо, – наверняка пытал и калечил ее, пока она была еще жива». Густая шерсть животного была измазана какой-то желтоватой

землей. Мещанотте никогда не задумывался над этой деталью, но, кажется, вспомнил, что и у кошки, которую он видел между рельсами, и у той, что была у фонтана возле станции, шерсть была испачкана одинаково – в чем-то желтом. Это может быть полезной уликой, возможно дающей подсказку о том, где были убиты животные, поэтому Рикардо подобрал пучок грязной шерсти и сложил его в мешок. Тронув тело, он заметил, что оно было холодным, а мышцы казались ослабленными. Инспектор знал, что трупное окоченение у людей обычно проходит в течение нескольких дней. Не зная, сколько времени это может занять у животного такого размера, он, однако, предположил, что смерть наступила не менее чем за двадцать четыре часа до этого. После этого продолжил осмотр ран. Это была резаная рана с ровными краями, нанесенная с помощью чрезвычайно острого лезвия, аккуратно и мастерски. Рикардо не стал бы утверждать, что преступник обладает специальными техническими знаниями в этой области, – но дело свое он явно знает. С деликатностью и осторожностью Мещанотте раздвинул края раны на груди – достаточно, чтобы увидеть, что сердце удалено. Он придирчиво осмотрел все тело собаки, но, кроме тех ран, что потребовались для отсечения лап и вырывания сердца, других не было. Никаких, даже царапин. Он снова ощутил разительный контраст между общим впечатлением дикой свирепости этих убийств и ледяющей душу холодности, с которой они были совершены. Никаких признаков чрезмерной же-

стокости – каждый удар, наносимый животному, был строго функциональным и, казалось, служил конкретной цели. Стал бы садист, получающий удовольствие от страданий своих жертв, вести себя подобным образом? У Меццанотте были серьезные сомнения по этому поводу. Нет, что-то не сходится... Но что именно? Что ускользает от него?

Рикардо встал и потянулся, разминая затекшую спину после долгого пребывания в скрюченном состоянии, затем сделал несколько шагов назад, чтобы иметь возможность видеть картину в целом. Несколько минут он оставался погруженным в созерцание, пытаясь очистить свой разум, а его глаза впитывали каждую деталь того, что было перед ним, не фильтруя ее через интерпретации или догадки.

Постепенно к нему пришло осознание того, что он совершил фундаментальную ошибку: до сих пор он смотрел на эти убийства своими глазами, а не глазами убийцы. Он позволил себе быть ослепленным их чудовищностью, убедив себя, что это ключ к их пониманию, и поместил их в раздел серийных убийств, потому что уже был с ними знаком. Однако он ошибался – для тех, кто убивал этих зверей, насилие было средством, а не целью. Причинение боли не доставляло изуверу особого удовлетворения; он делал это лишь в той степени, которая была необходима для достижения его целей. Но каких? Ответ, пусть и нечеткий, появился у него в тот самый момент, когда Рикардо задал себе этот вопрос. Потрошение, удаление сердца, увечья должны были быть частью ритуала.

ла. Животные были убиты во время некоей церемонии типа жертвоприношения или чего-то в этом роде. Да и наличие свечей указывало в этом направлении. Если все было так, Меццанотте шел по следу не начинающего серийного убийцы, а одного или нескольких последователей какой-то секты или культа. Что это могло быть? Сатанизм? Черная магия?

Рикардо не знал этого, так же как не знал, почему после жертвоприношения они не избавлялись от тел, а просто бросали их где-то на территории вокзала. Чтобы их нашли? Словно они хотели послать сообщение? Если да, то какое значение это могло иметь? Единственное, что он мог придумать: эти действия – предупреждение или угроза. Но кому?

Меццанотте почувствовал, как у него закружилась голова. Было слишком много вопросов и почти никаких ответов, миллион сомнений и очень мало фактов. Однако в одном он по-прежнему был уверен: адресат сообщений пока не получил их. А что вы делаете, если кто-то вас не слушает? Вы повышаете голос до тех пор, пока на вас не обратят внимание. Именно поэтому они убивают все более крупных животных. Может ли он исключить, что для того, чтобы их воспринимали всерьез, они пойдут на то, чтобы приносить в жертву людей? Ни в коем случае. Кто бы ни стоял за этим, он не шутит – и не остановится, пока не достигнет своей цели, чего бы ему это ни стоило. Не было ничего, на что он не был бы готов пойти ради достижения этой цели. Меццанотте чувствовал это, *знал это*.

Ему нужно было узнать больше, но своими силами он не смог бы продвинуться дальше. За время работы в Мобильном отделе Рикардо усвоил одну вещь: если в деле об убийстве и есть сундук с драгоценными следами и уликами, которые часто могут дать решающий толчок расследованию, то это тело жертвы. Однако в одиночку он никогда не смог бы заставить его раскрыть все свои секреты. Остается только одно, решил он, заставив замолчать тоненький голосок в своей голове, как только тот попытался открыть рот. Это был не самый надежный план, нехотя признал Меццанотте, но другого выхода не было. Если, конечно, он не смирится и не сложит руки, а он не собирался этого делать.

– Черулло, окажи мне услугу, – обратился Рикардо к стоявшему на пороге офицеру, который к этому времени был занят тем, что не давал пассажирам, которые снова начали толпиться на вокзале, пройти в зал. – Найди большой целлофановый пакет и принеси его мне, быстро. А еще скотч.

– Инспектор, но где мне их найти?

– Да откуда мне знать? Прояви творческий подход. Попробуй спросить в каком-нибудь магазине или баре... Давай, пошевеливайся, я не могу ждать тут целый день.

Прошло около двадцати минут, когда Меццанотте, оставив агента Черулло приводить в порядок зал ожидания перед возобновлением доступа, направился к офису «Полфера» с собакой, завернутой в целлофан, под мышкой, не обращая внимания на взгляды, которые бросали на него люди,

когда он проходил мимо. Инспектор был полон решимости убедить комиссара Далмассо дать ему разрешение на вскрытие тела и проведение обширных лабораторных исследований. Тоненький голосок в его голове уныло вздохнул.

Меццанотте надеялся пробраться внутрь и устроить засаду у кабинета начальника, пока его никто не увидел, а затем дожидаться подходящего момента, чтобы встретиться с комиссаром лицом к лицу. К сожалению, все сложилось иначе. Этот идиот Черулло, должно быть, позвонил по телефону, сообщая о его прибытии, потому что сразу за дверями секции его ждал «приветственный комитет» в составе Карбоне, Лупо, Тарантино и других офицеров.

– Эй, Меццанотте, что у тебя там за фигня? – воскликнул Карбоне с ухмылкой на своей мерзкой физиономии.

– Не твое собачье дело. Извини, я спешу.

Рикардо попытался проскользнуть в коридор, ведущий в комнату офицеров, но Карбоне стоял перед ним, преграждая ему путь, поддерживаемый своими прихлебателями, жевавшими, как обычно, жвачку. Тарантино, который был ниже ростом, с насмешкой надул пузырь, но сделал что-то не так, потому что тот лопнул, облепив жвачкой все его лицо.

– Да ты, я смотрю, ударился во все тяжкие, – насмешливо заметил Карбоне, вызвав одобрительные смешки присутствующих. – Чего, фоток тебе мало, натуры захотелось?

– Очень остроумно. Может, я пройду? – сказал Меццанотте, стараясь не потерять самообладание.

– Ну давай, скажи мне, я сейчас помру от любопытства. Ты с ними там, что... – Он осклабился.

Лупо, Тарантино и остальные с удовольствием хихикали, а Карбоне, самодовольный и злорадный, таращился на него. И снова его нос был в нескольких сантиметрах от Меццанотте. И, опять же, искушение втащить ему в рыло было практически непреодолимым. Но Рикардо овладел собой, просто оттолкнув его плечом, чтобы пройти мимо.

Застигнутый врасплох, Карбоне потерял равновесие и не упал только потому, что ударился спиной о стену.

– Куда пошел, извращенец? Я еще не закончил с тобой, – вопил он, преследуя Меццанотте по коридору.

Догнав Рикардо на пороге комнаты офицеров, он вцепился ногтями в его плечо, заставив обернуться. Тем временем, привлеченные суматохой, еще несколько полицейских появились у дверей кабинетов, чтобы поглазеть на это зрелище. Многие хихикали, предвкушая разборку между этими двумя, которая уже давно витала в воздухе. Уголком глаза Меццанотте заметил среди них Нину Спада. Однако она не улыбалась.

Карбоне схватил его за ворот куртки и притянул к себе.

– Я заставляю тебя засунуть твоё гребаное высокомерие куда подальше, Меццанотте, – прошипел он, забрызгав слюной все лицо Рикардо. – Ты просто хренов дятел, и даже форму больше носить не имеешь права!

– Давай, придурок, – ответил Рикардо низким, смертель-

но спокойным голосом, глядя ему прямо в глаза. – Ну же, ударь меня первым, здесь, на глазах у всех. Тогда ничто не помешает мне уделать тебя.

Мануэль Карбоне, должно быть, увидел что-то в глубине его глаз, что-то, что испугало его, потому что он отпустил руки и сделал шаг назад, внезапно почувствовав себя неуверенно.

– Какого черта здесь происходит? Что за шумиха? – вдруг раздался голос.

При виде комиссара Далмассо, появившегося в конце коридора в шинели и с портфелем в руке, все разбежались, оставив наедине Меццанотте и Карбоне, по-прежнему стоящих лицом друг к другу.

Далмассо посмотрел сначала на одного, потом на другого, потемнев лицом; при этом он не упустил из виду завернутый пакет, который Рикардо все еще держал под мышкой.

– Суперинтендант Карбоне, разве вас не ждет работа? Убирайтесь. Что касается вас, инспектор Меццанотте, пройдите со мной, – сказал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Пока комиссар с нарочитой медлительностью вешал шинель на вешалку и открывал портфель, доставая какие-то документы, Меццанотте, закрыв за собой дверь, нервно искал глазами место, куда можно было бы положить свой жуткий сверток. За неимением лучшего в конце концов положил его на стул напротив стола, оставаясь стоять в ожидании, пока

руководитель решится что-то сказать.

Закончив раскладывать свои вещи, Далмассо, вместо того чтобы опуститься на вращающийся стул, присел не краешек стола и вздохнул.

– Меццанотте, ну что же мне с вами делать? – сказал он, проведя рукой по лбу, чтобы убрать прилипшие к нему волосы.

– Комиссар, я могу объяснить. Сегодня утром...

– Кстати, – перебил его Далмассо, – как я понимаю, у вас сегодня выходной. В таком случае, что вы здесь делаете? Да еще и в таком виде, – добавил он, намекая на гражданскую одежду Рикардо.

– В деле о погибших животных произошли изменения. Патруль обнаружил еще одно животное. Я просто хотел поговорить с вами об этом.

– Помимо того, что я не стал бы называть это делом, я думал, что ясно дал вам понять: я не хочу, чтобы вы продолжали тратить на это свое время. Или я недостаточно ясно выразился?

– Да, это правда. Но, возможно, он не учел, что... Я, понимаете... Я имею в виду... – заикаясь, пробормотал Меццанотте, несколько раз пытаясь сформулировать идею и за несколько минут проиллюстрировать своему раздраженному начальнику новые выводы, к которым он пришел. Рикардо не ожидал, что их разговор будет проходить именно так. – Я был не прав, комиссар. Я думал, что человек, убивающий

этих зверей, – потенциальный серийный убийца; но он не наслаждается страданиями своих жертв, он просто следует ритуалу, похоже... Мы имеем дело с членом какого-то культа. Возможно, это сатанист. Я думаю, что он оставляет трупы в качестве какого-то предупреждения или угрозы кому-то здесь, на вокзале. В любом случае риск того, что он начнет убивать людей, на мой взгляд, остается высоким. Он настроен серьезно и не остановится, пока не получит то, что хочет.

– Сначала серийный убийца, а теперь сатанинский культ! Вы хоть сами себя слышите, Мещанотте? Как кто-то может воспринимать это всерьез? – Далмассо сделал паузу, затем продолжил более спокойным, почти отцовским тоном: – Послушайте, я могу понять вас, вы испытываете большой стресс из-за судебного процесса, в котором участвуете, плюс явно расстроены из-за того, что вас держат на вторых ролях, а вы к этому не привыкли. Но этим фиглярством вы не вернете былого, уж поверьте. Более того, скажу я вам, все ваши надежды лопнут, как воздушный шарик. Шарик, полный дерьма, – я понятно выражаюсь?

– Прошу вас, послушайте меня; дайте мне хотя бы возможность проверить, обоснованы ли мои опасения. Разрешите начать расследование, позвольте мне провести вскрытие собаки...

– Что? Мне что, теперь ходатайствовать перед прокуратурой, чтобы вам позволили преследовать каких-то придурков, подражающих сатанистам с их ритуальной хренью? Черта с

два. Почему вы такой упрямый, Меццанотте? Учитывая вашу ситуацию, вы пока неплохо справляетесь, и я доволен вашей работой. Не надо все портить. Наберитесь терпения, и вы увидите, что вскоре все само собой наладится.

– Комиссар, вы не понимаете...

– Я не понимаю?! – взорвался Далмассо, стукнув кулаком по столу. – Если кто и не понимает что-то, так это вы, Меццанотте! Я радушно принял вас здесь и до сих пор всегда относился к вам с вниманием, потому что доктор Вентури, которого я очень уважаю, попросил меня об этом в качестве личного одолжения. Но мое терпение имеет пределы, и если это будет продолжаться, я буду вынужден применить к вам дисциплинарные санкции. Вы слышали меня, инспектор? Возьмите себя в руки, пока не стало слишком поздно.

Меццанотте попытался было что-то ответить, но понял, что это бессмысленно, и сдался. Все пошло не так. Теперь уже не было никакой возможности исправить ситуацию.

– Отлично! – воскликнул Далмассо в ответ на его молчание. – А теперь уходите. Убирайтесь – и уберите отсюда это дерьмо, – добавил он, указывая на лежащую на стуле собаку, казалось, укоризненно и печально смотрящую на комиссара остекленевшими глазами сквозь свой полиэтиленовый саван.

Включенные на максимальную громкость, динамики «хай-фай», на покупку которой он пожертвовал свою первую полицейскую зарплату, изрыгали музыку, как вулкан – раскаленную лаву.

Sitting here like a loaded gun
Waiting to go off
I've got nothing to do
But shoot my mouth off²⁰.

Пенящийся от ярости голос Генри Роллинза был разорванным, судорожным криком, который парил на колотящейся ярости ритмов и мучительных гитарных риффов, как на диком родео.

Меццанотте, сидя на своем диване, обхватив голову руками среди оглушительного грохота, все еще проклинал себя за катастрофу, в которой он был виноват. Еще одну из многих...

Он был один дома. Аличе, должно быть, отправилась на выставку, на которую Рикардо должен был сопровождать ее в то утро. Если память ему не изменяла, она собиралась в галерею, а вечером ее ждал деловой ужин. Впереди у Мец-

²⁰ «Gimmie, Gimmie, Gimmie» – песня американской рок-группы «Блэк Флэг».

цанотте был длинный, пустой день, который он потратил на самобичевание и жалость к себе.

I know the world's got problems
I've got problems of my own
Not the kind that can't be solved
With an atom bomb.

От яростных ритмов «*Gimmie Gimmie Gimmie*» вибрировали стекла в гостиной, а в животе у него урчало. Он знал, что скоро старик внизу начнет стучать метлой по потолку, но в этот момент ему была совершенно необходима вся та притупляющая сила, которую несла в себе эта музыка, и если Рикардо не надел наушники, то не по злому умыслу. Он слишком хорошо чувствовал разницу между музыкой, ограниченной наушниками, и ничем не скованной. Музыка в наушниках была только для ушей, но никак не для всего тела.

Сколько бы Меццанотте ни ломал голову, он не мог найти решение. Он чувствовал, что зашел в тупик. Его информаторы не обнаружили ничего действительно полезного, и отныне он больше не мог рассчитывать на патрульных. Без ответов, которые могли бы дать ему вскрытие и лабораторный анализ, шансы продвинуться в расследовании были близки к нулю.

Затем, ни с того ни с сего, он кое-что вспомнил – вернее, кое-кого – и снова начал ругать себя, потому что если б это пришло ему в голову раньше, он мог бы избежать всей этой

неразберихи с Карбоне и Далмассо...

Во время расследования дела Убийцы с кольцевой дороги Рикардо познакомился с экспертом из Регионального управления судебно-экспертной службы, который входил в состав команды по борьбе с преступностью. Джакомо Кардини был примерно одного с ним возраста – и приятным, веселым парнем. Не то чтобы они стали лучшими друзьями – их отношения не выходили за рамки нескольких кружек пива после работы, – но Джакомо был одним из немногих коллег, выразивших явную и убежденную солидарность с ним во время скандала с коррумпированными полицейскими. Рикардо давно не получал от него никаких известий и не знал, сможет ли тот помочь, но попробовать попросить его все же было нелишним.

Меццанотте встал с дивана, вынул из проигрывателя диск «Блэк Флэг» и нашел номер Кардини в списке номеров мобильного телефона.

– Привет, Джакомо! Сколько лет, сколько зим...

– Рикардо Меццанотте, вот это сюрприз! Как дела? Я знаю, что на предварительном слушании все дела были переданы в суд. Я считаю, это успех, приятель. Ты, должно быть, счастлив.

– Я буду рад, когда со всем этим будет покончено.

– Да уж наверняка... Ты ведь сейчас на железной дороге? Как тебе там, нормально?

– Можно задать тебе вопрос на засыпку?.. Слушай, прия-

тель, мы как-нибудь обязательно где-нибудь выпьем, и я тебе все расскажу, но, признаюсь, звоню я не за этим. Мне нужна твоя помощь. Очень нужна. Позарез.

– Сделаю, что смогу – если смогу, конечно... Излагай.

– Так вот, я тут занимаюсь одним делом, скажем так, неофициально...

– Неофициально?

– Вопреки приказу моего начальника. И мне необходимо провести осмотр тела.

– Трупа? Ты же это не всерьез, да?

– Речь идет о собаке. Кто-то уже давно жестоко убивает животных на вокзале, и, боюсь, скоро начнет убивать людей... Слушай, я бы не спрашивал, если б это не было важно, понимаешь?

– Ну, собака – это совсем другое дело... И потом, в том деле с Синей Бородой тебя не слушали, а ты был прав. Так что да, можешь на меня рассчитывать.

– Премного благодарен. А, и еще... надо будет вскрыть псину.

– Угу... ну, это решаемо. В поликлинике есть одна дама-патологоанатом, которая просто до смерти хочет со мной встречаться. А это значит, – весело добавил Джакомо, – что мне придется принести себя в жертву ради этого дела.

– Надеюсь, это не слишком большая жертва.

– Не парься, она милашка... А что мы ищем? Ну, для понимания.

– Понятия не имею, вот в чем проблема. Мне нужно знать все, о чем может рассказать это тело.

– Тогда проведем полный осмотр. Это займет некоторое время, но это выполнимо. Принеси мне собаку рано утром, когда здесь еще не так много людей, и я сразу же приступлю к работе.

– Завтра? А сегодня никак нельзя? Она, понимаешь ли, лежит в моей ванне, замотанная в целлофан...

– Мне очень жаль, но абсолютно никак. Завтра утром. А пока держи ее в холоде, ладно?

* * *

Ее мобильник провибрировал в кармане новым текстовым сообщением как раз в середине пары по анатомии. Прочитав его, Лаура собрала свои вещи, попрощалась с парой подруг, извинившись, что не может пообедать с ними, и поспешно вышла из аудитории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.